

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 9, №4 2023

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4

Выпуск 9, № 4, 2023

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюс Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Ли Вэньгэ д-р филол. наук, профессор (КНР, Харбинский политехнический университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight
in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation
Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4

Volume 9, Issue 4, 2023

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Li Wenge Doctor of Philology, professor (Harbin Polytechnical University, Harbin, China)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 811.133.1

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_5

Бестужева Дарья Олеговна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
d.bestuzheva@yandex.ru

Французские безличные конструкции с глаголами *sembler* и *paraître* в сложноподчинённых предложениях с придаточными дополнительными

Аннотация

Статья посвящена изучению безличных конструкций с глаголами *sembler* и *paraître* в главной части сложноподчинённых предложений, вводящих придаточные дополнительные предложения в современном французском языке. В ходе структурно-семантического анализа выявлены различные структурные типы данных конструкций (*il semble que, il me semble que, il paraît que* и *il me paraît que*), уточнены и систематизированы их значения. В центре внимания оказываются эпистемические и связанные с ними эвиденциальные значения данных конструкций. Предпринята попытка установить взаимосвязь между структурными типами конструкций и их эпистемическими (вероятность, уверенность, предположение, впечатление и т. д.) и эвиденциальными (инференциальная, квотативная эвиденциальность) значениями. Выдвигается тезис о принадлежности безличных конструкций с глаголами *sembler* и *paraître* к смешанным (бикатегориальным) маркерам французского языка, находящимся в области пересечения категорий эпистемической модальности и эвиденциальности. Анализ семантики этих конструкций позволил заключить, что, во-первых, эвиденциальные и эпистемические значения, выражаемые ими, тесно связаны друг с другом, поскольку характер источника информации может влиять на степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Во-вторых, оказалось, что рассмотренные значения не выражены в равной степени: те или иные конструкции могут в большей или меньшей степени принадлежать к сфере категории эвиденциальности или эпистемической модальности. В-третьих, выявлено, что значения конструкций непосредственно связаны с принятием говорящего на себя ответственности за достоверность сообщаемого факта.

Ключевые слова: безличные конструкции, эпистемическая модальность, эвиденциальность, смешанные маркеры, эвиденциально-эпистемический синкретизм

© Бестужева Д. О. 2023

Для цитирования: Бестужева Д. О. Французские безличные конструкции с глаголами *sembler* и *paraître* в сложноподчинённых предложениях с придаточными дополнительными // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 5–21. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_5

Daria O. Bestuzheva
Herzen University
Saint Petersburg, Russian Federation
d.bestuzheva@yandex.ru

Impersonal constructions with the verbs *sembler* and *paraître* in complex sentences with object clauses in French

Abstract

This article examines impersonal constructions with the verbs *sembler* and *paraître* in the main clause of complex sentences introducing object clauses in modern French. The structural-semantic analysis enabled to identify various structural types of these constructions (*il semble que, il me semble que, il paraît que* and *il me*

paraît que) as well as to clarify and classify their meanings. The focus is made on epistemic and related evidential meanings of the patterns. An attempt is made to establish the relationship between structural types of the constructions and their epistemic (probability, certainty, supposition, impression, etc.) and evidential (inferential, quotative evidentiality) meanings. It is argued that the patterns with the verbs *sembler* and *paraître* belong to mixed (bicategorical) markers of the French language being the boundary phenomenon between epistemic modality and evidentiality. The analysis of the semantics of the patterns enabled to conclude that, firstly, their evidential and epistemic meanings were closely related to each other, since the nature of the source of information could influence the degree of speaker's certainty about the reliability of the information. Secondly, the meanings appeared not to be expressed equally: certain patterns might belong to the domain of the category of evidentiality or epistemic modality to a greater or lesser extent. Finally, the meanings expressed by the patterns were directly related to the speaker's assumption of responsibility for the reliability of the reported fact.

Keywords: impersonal constructions, epistemic modality, evidentiality, mixed markers, evidential-epistemic syncretism

© Bestuzheva D. O. 2023

For citation: Bestuzheva, D. O. (2023). Frantsuzskie bezlichnye konstruksii s glagolami *sembler* i *paraître* v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh s pridatochnymi dopolnitel'nymi [Impersonal constructions with the verbs *sembler* and *paraître* in complex sentences with object clauses in French]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 5–21. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_5

1. Введение [Introduction]

В современном французском языке в ряду безличных конструкций, вводящих придаточные дополнительные предложения в составе сложноподчинённых, выделяются конструкции с глаголами *sembler* 'казаться' и *paraître* 'казаться':

(1) *Il semble que Pierre soit marié.* – 'Кажется (похоже), Пьер женат'.

(2) *Il me semble que Pierre est marié.* – 'Мне кажется (я полагаю / думаю), что Пьер женат'.

(3) *Il paraît que Pierre est marié.* – 'Говорят (ходят слухи), что Пьер женат'.

(4) *Il me paraît que Pierre est marié.* – 'Мне кажется (похоже), что Пьер женат'.

Приведённые примеры показывают, что, несмотря на семантическую близость глаголов *sembler* и *paraître* (оба глагола могут быть переведены на русский язык глаголом *казаться*), конструкции, включающие их, имеют неоднозначную семантику и не всегда являются синонимичными. Это обуславливает многообразие существующих в современной лингвистике точек зрения относительно значений рассматриваемых глаголов. На сегодняшний день глаголы *sembler* и *paraître* рассматриваются либо как средства выражения категории эвиденциальности (см., напр., [Nölke, 2001 ; Somolinos, 2016]), либо – категории эпистемической модальности (см., напр., [Borillo, 1978 ; Thuillier, 2004]).

Под э в и д е н ц и а л ь н о с т ь ю понимают указание на источник, из которого говорящий почерпнул сообщаемые им знания, а также при помощи каких средств ему это удалось [Корди, 2001, с. 203–207]. Другими словами, эвиденциальность представляет собой обоснование производимого высказывания и указывает на источник или характер источника этого обоснования. Так, в примере (3) явно выражено эвиденциальное значение, поскольку информация, передаваемая говорящим, основана на слухах, получена им «из вторых рук».

В свою очередь, э п и с т е м и ч е с к а я м о д а л ь н о с т ь выражает оценку степени достоверности сообщаемого факта говорящим [Падучева, 2019, с. 91]. В примерах (1)–(4) говорящий выражает большую или меньшую степень уверенности в сообщаемом факте, представленном пропозицией – *Pierre est marié* ('Пьер женат'). Иными словами, употребляя безличные конструкции, говорящий представляет пропозициональное содержание высказывания как более или менее вероятное.

Соотношение категорий эпистемической модальности и эвиденциальности стало объектом обширных исследований в последние десятилетия. Связь данных категорий модальности обнаруживается, во-первых, в том, что обе они имеют отношение к знаниям говорящего о мире: эвиденциальность относится к характеру доказательства, на которое опирается говорящий, осуществляя эпистемическую оценку, оценку достоверности содержания высказывания. Во-вторых, эвиденциальность может оказывать влияние на эту оценку, поскольку источник сведений, передаваемых говорящим, может являться одним из факторов, определяющих вероятностную оценку события. Как отмечает Дж. Нуйтс, суждение, подкреплённое конкретными цифрами, кажется более убедительным, чем основанное на размышлениях или ощущениях говорящего [Nuyts, 2001, с. 34]. В свою очередь информация, полученная от третьих лиц, как правило, представляется менее достоверной (если только источник не воспринимается как авторитетный, надёжный), чем информация, полученная говорящим непосредственно через органы чувств.

Тесная связь категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, а также отсутствие чётких критериев для их разделения в лингвистике даёт основания одним исследователям рассматривать эвиденциальность как подкатегорию эпистемической модальности (см., напр., [Cornillie, 2009; Barbet, 2012] и др.), а другим (см., напр., [Кобрина, 2001; Mushin, 2013]) – относить эпистемическую модальность к области эвиденциальности. Однако сейчас всё больше авторов считают эвиденциальность и эпистемическую модальность двумя независимыми категориями, которые имеют область пересечения, называя данное явление *эвиденциально-эпистемическим синкретизмом* (англ. *evidential-epistemic syncretism*) или *частичным перекрыванием* (англ. *overlapping*, фр. *chevauchement*) (см., напр., [De Saussure, 2012; Пенькова; 2019; Angot, 2021; Бестужева, 2022; Васильева, 2022]).

Такой взгляд на эпистемическую модальность и эвиденциальность предполагает, что эти языковые категории находятся в отношениях взаимного пересечения. При принятии данного положения глаголы *sembler* и *paraître* рассматриваются как *смешанные* («*marqueurs mixtes*») или *бикатегориальные* («*marqueurs bicatégoriels*») маркеры (см. [Kronning, 2003]), поскольку данные глаголы способны выражать одновременно как эвиденциальные, так и эпистемические значения.

Существующий разброс мнений относительно определения глаголов *sembler* и *paraître* к тому или иному классу языковых маркеров показывает, что на сегодняшний день вопрос об их семантическом статусе во французском языке остаётся дискуссионным. Однако отнесение глаголов *sembler* и *paraître* к смешанным маркерам как попытка решения проблемы семантической классификации данных языковых средств представляется столь же убедительным, как и положение об эвиденциально-эпистемическом синкретизме. Очевидная тесная связь категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, по нашему мнению, обуславливает невозможность чёткого и однозначного отнесения глаголов *sembler* и *paraître*, а также содержащих их безличных конструкций, к одной или другой категории. Таким образом, мы считаем одинаково важным принимать во внимание эвиденциальные и эпистемические значения, в большей или меньшей мере проявляющиеся в семантике изучаемых безличных конструкций, и рассматриваем их как смешанные (бикатегориальные) маркеры. Отметим также, что указанные глаголы связаны с модусом кажимости [Семенова, 2009].

Цель настоящего исследования состоит в анализе семантики и употребления безличных конструкций с глаголами *sembler* и *paraître* в главной части сложноподчинённых предложений с придаточными дополнительными и в выявлении выражаемых данными конструкциями эвиденциальных и эпистемических значений в современном французском языке.

2. Структурно-семантический анализ безличных конструкций с глаголами *sembler* и *paraître* [Structural-semantic analysis of impersonal constructions with the verbs *sembler* и *paraître*]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили тексты художественных произведений современных французских писателей (12 произведений: романы и новеллы, опубликованные в 2006–2020 гг.), тексты статей из французской газеты *Le Monde* (40 статей за 2021–2022 гг.), а также тексты докторских диссертаций французских исследователей в различных областях науки (25 диссертаций, защищённых в 2018–2022 гг.).

Контексты с реализациями изучаемых конструкций отбирались автоматически по ключевым словам, был использован метод сплошной выборки. Общее количество найденных и проанализированных высказываний составляет 254 единицы (198 высказываний с глаголом *sembler* и 56 высказываний с глаголом *paraître*).

Структурно-семантический анализ позволит нам, с одной стороны, уточнить спектр значений, выражаемых рассматриваемыми безличными конструкциями и, с другой стороны, выявить факторы, влияющие на выражение этими конструкциями выявленных эпистемических и эвиденциальных значений.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Безличные конструкции, включающие в себя модусные глаголы *sembler* и *paraître*, представлены в современном французском языке различными вариантами. Данные конструкции, вводящие придаточные дополнительные предложения, могут включать местоимение-косвенное дополнение (чаще всего *me*, *nous*, *lui*); входящие в них глаголы *sembler* и *paraître* могут быть представлены различными временными и модальными формами.

2.2.1. Безличные конструкции с глаголом *sembler* [Impersonal constructions with the verb *sembler*]

а) Конструкции типа *il semble que*

В безличных конструкциях данного типа глагол *sembler* может выступать в формах индикатива (*il semble que*, *il semblait que*) или условного наклонения (*il semblerait que*). В нашем материале конструкции с глагольными формами *présent de l'indicatif* составляют 70%, с формами *imparfait de l'indicatif* – 3%, а конструкции с глагольными формами *conditionnel présent* – 26% от общего количества таких единиц (103 высказывания).

Глагол *sembler* выражает значения эпистемической модальности, поскольку в своей семантике содержит указание на то, что речь идёт о предположении, а не о реальном факте. Таким образом, вводя пропозицию безличной конструкцией типа *Il semble que*, говорящий, с одной стороны, выражает определённую степень вероятности того, что сообщаемый факт является достоверным, но, с другой стороны, также указывает на возможность того, что данный факт может являться ложным.

(5) *Il semble aussi que traiter des apnées du sommeil aide au contrôle de la pathologie dépressive.* – 'Кроме того, как представляется, лечение апноэ сна помогает контролировать депрессивные расстройства' [Le Monde, 2021 e].

В приведённом высказывании безличные конструкции выражают эпистемическое значение *п р е д п о л о ж е н и я*, а также, входящие в него значения *в е р о я т н о с т и* и *у в е р е н н о с т и*. Предположение может быть основано на логических заключениях говорящего, на его собственном опыте, догадках или ощущениях. Таким образом, конструкции типа *il semble que*, помимо эпистемической модальности выражают значения *и н ф е р е н ц и а л ь н о й э в и д е н ц и а л ь н о с т и*, т. е. указание

на то, что информация, сообщаемая говорящим в высказывании, получена «посредством умозаключения на основе перцептивного наблюдения или жизненного опыта говорящего» [Шакирова, 2010, с. 90]. Инференциальная информация может только подразумеваться, как в ранее приведённом примере, или быть представлена эксплицитно:

(6) *À la lumière du paragraphe précédent, il semble que beaucoup d'options restent ouvertes pour les développements à venir de l'industrie nucléaire.* – 'В свете предыдущего параграфа представляется, что для развития ядерной индустрии в будущем остаётся открыто множество возможностей' [Doligez, 2021, p. 120].

В настоящем примере умозаключение, высказанное в пропозиции, основано на известной информации (*À la lumière du paragraphe précédent*): автор отсылает читателя к предыдущему параграфу, который содержит рассуждения или факты, подтверждающие его вывод, изложенный в приведённом высказывании.

Также инференциальная информация может быть эксплицирована за пределами высказывания. В этом случае инференциальная эвиденциальность зачастую дополнительно выражена союзом *donc* ('значит, следовательно'), являющимся логическим коннектором. Данный союз выражает причинно-следственную связь и отсылает к сделанному ранее высказыванию, содержащему основание, на котором базируется предположение говорящего:

(7) *Quant aux 40 ans et plus, s'ils sont moins infectés, ils connaissent, en revanche, une accélération plus rapide de la transmission. Il semble donc que la vague se diffuse parmi les plus âgés, plus vulnérables face au virus.* – 'Что касается людей в возрасте 40 лет и старше, хотя среди них наблюдается меньшее число инфицированных, они заражаются гораздо быстрее. Следовательно, представляется, что волна вируса распространяется на самых пожилых людей, которые наименее устойчивы к вирусу' [Le Monde, 2021b].

Рассматривая эвиденциальные значения конструкций *Il semble que* в своей статье, Г. Нёлке приводит в качестве синонима *il semble que* конструкцию *avoir l'impression que* ('иметь впечатление', 'испытывать ощущение'):

Il semble que Marie soit malade. = J'ai l'impression que Marie est malade. – 'Кажется, что Мария заболела. = У меня впечатление, что Мария заболела' [Nølke, 2001, p. 24].

Приведённые примеры указывают на эпистемическое значение впечатления, выражаемое конструкциями типа *il semble que*. Оно является достаточно сложным, так как в зависимости от контекста может быть связано не только с инференциальной эвиденциальностью, при которой говорящий опирается на свои собственные рассуждения, внутренние ощущения, интуицию, но и с прямой эвиденциальностью, при которой источником информации, передаваемой говорящим, являются его чувства (зрение, обоняние, осязание, слух). Впечатление говорящего, что «Мария больна», может быть основано как на умозаключениях, домыслах говорящего (*Marie n'est pas là. Il semble qu'elle soit malade.* – 'Марии здесь нет. Кажется, она заболела'), так и на восприятии его органов чувств, например, на зрительном восприятии (*Marie a l'air fatigué. Il semble qu'elle soit malade.* – 'Мария выглядит усталой. Кажется, она заболела').

Эпистемическое значение впечатления и значение прямой эвиденциальности также эксплицитно выражены в следующем примере:

(8) *L'encre était par endroits noire et très mate, à d'autres brune et presque laquée, et il semblait à certains reflets poudrés et changeants qu'on y avait ajouté la poussière d'une écorce de forêt.* – 'Чернила местами были чёрными и тусклыми, в других местах – коричневыми и блестящими, почти лакированными, а, глядя на распылённые и изменчивые блики, могло показаться, что туда добавили перемолотую древесную кору' [Barbery, 2015, p. 111].

В данном случае впечатление автора высказывания основано не на его рассуждениях, размышлениях или догадках, а на том, что он сам увидел (*à certains reflets poudrés et changeants*).

Также при анализе семантики изучаемых конструкций важно принимать во внимание градуированный характер эпистемической модальности: её значения могут быть выражены в языке в большей или меньшей степени. Степень вероятности, передаваемая конструкциями типа *il semble que*, соответствует так называемой б и л а т е р а л ь н о й в о з м о ж н о с т и («*possibilité bilatérale*», по Н. лё Керле) – средней степени вероятности [Le Querler, 1996, с. 37]. Билатеральная возможность указывает на то, что сообщаемый факт в равной степени может соответствовать или не соответствовать действительности.

Повышению степени вероятности, выражаемой в придаточных дополнительных предложениях, которые вводят рассматриваемые нами конструкции, могут способствовать такие дополнительные лексические маркеры как *donc* и *bien*. Так, безличные конструкции типа *il semble que*, включающие союз *donc* выражают более высокую степень вероятности сообщаемого факта, поскольку данный союз, как упоминалось выше, указывает на причинно-следственную связь с предшествующей информацией, которая является основанием для производимого суждения. Очевидно, что обоснованная, подтверждённая рассуждениями и фактами информация, как правило, воспринимается как более достоверная (см. пример (7)). Наречие *bien*, в свою очередь, является модальным маркером, усиливающим вероятностное значение исходной конструкции:

(9) *Il semble bien qu'Art Paris, la foire qu'il était de bon ton de détester, ait franchi le plafond de verre.* – 'По всей вероятности, Арт Пари, ярмарка, ненавидеть которую считалось хорошим тоном, достигла «стеклянного потолка»' [Le Monde, 2021 a].

В то же время, для снижения выраженной в высказывании степени вероятности соответствия сообщаемого действительности, глагол *sembler* употребляется в форме условного наклонения. В данном случае, с прагматической точки зрения, условное наклонение позволяет смягчить категоричность высказывания. Следственно, конструкция *il semblerait que* с глаголом *sembler* в форме *conditionnel présent* делает высказывание более гипотетичным, выражает меньшую степень уверенности говорящего относительно достоверности сообщаемого.

(10) *Il semblerait que Pétronille fût tombée amoureuse. Mais je n'en suis pas sûre.* – 'Кажется, Петронилла влюбилась. Но я не уверена' [Nothomb, 2014, p. 76].

Таким образом, семантика конструкций типа *il semble que* включает в себя как значение предположения и впечатления (значения эпистемической модальности), так и указание на то, что высказанное предположение или испытываемое впечатление подкреплено определёнными основаниями (значения инференциальной и прямой эвиденциальности). Степень вероятности сообщаемого факта и степень уверенности говорящего могут быть повышены с помощью лексических средств (*donc, bien*) или снижены с помощью грамматических средств (*conditionnel présent*).

б) Конструкции типа *il me semble que*

Конструкции данного типа отличаются от предыдущих тем, что включают в себя личные местоимения в функции косвенного дополнения. В проанализированных нами текстах такими местоимениями выступают местоимения I (*me* – 65% и *nous* – 15%) и III лица (*lui* – 20%). Глагол *sembler* в рассматриваемых конструкциях представлен исключительно формами индикатива (*présent de l'indicatif* – 61%, *imparfait de l'indicatif* – 37%, реже – *passé composé* – 2%). Общее количество высказываний с конструкциями типа *il me semble que* составляет 95 единиц.

Рассматриваемые безличные конструкции могут выражать такие эпистемические значения, как предположение, мнение-предположение, впечатление, а также связанные с ними значения вероятности и уверенности. В зависимости от выражаемых эпистемических значений и степени вероятности / уверенности, безличные конструкции типа *il me semble que* в главной части предложения могут быть заменены на синонимичные им

конструкции с личным местоимением и согласованным с ним эпистемическим предикатом (*supposer* 'предполагать', *croire* 'считать', *penser* 'думать', *avoir l'impression* 'иметь впечатление'):

(11) *Il me semble* (= *Je suppose / Je crois / Je pense / J'ai l'impression*) *que l'information est venue des autorités de santé* », *souffle une syndicaliste*. – 'Мне кажется (= Я полагаю / считаю / думаю / У меня впечатление), что информация поступила из органов здравоохранения' [Le Monde, 2021 с].

Приведённый пример показывает, что конструкции типа *il me semble que* являются полисемичными, определение выражаемых ими значений требует тщательного изучения контекста и прагматической составляющей, поскольку эти значения зачастую трудно чётко разделить. Так, в настоящем высказывании, в зависимости от намерения автора, могут быть выражены такие эпистемические значения, как предположение (*il me semble que = je suppose / crois / pense que*), мнение-предположение (*il me semble que = je crois / pense que*) или впечатление (*il me semble que = j'ai l'impression que*).

Также эпистемические значения, выражаемые конструкциями типа *il me semble que*, связаны с их эвиденциальной семантикой. При выражении значений предположения, мнения-предположения или впечатления сообщаемый факт, составляющий пропозицию, может быть основан на внешних (см. пример (12)) или внутренних (см. пример (13)) ощущениях говорящего:

(12) *Il me semble que le même embryon de tressautement agite les épaules de mon vis-à-vis*. – 'Мне кажется, что та же дрожь охватила плечи моего собеседника' [Barbery, 2006, p. 196].

(13) *Il me semble que nous avons avancé d'une cinquantaine de mètres depuis tout à l'heure, c'est-à-dire un siècle*. – 'Мне кажется, мы едем уже целую вечность, а продвинулись всего на каких-то пятьдесят метров' [Nothomb, 2013, p. 50].

В высказывании (12) выражено значение прямой эвиденциальности, поскольку вывод говорящего основан на информации, полученной непосредственно, путём зрительного восприятия: говорящий видит собеседника и у него складывается впечатление, что и собеседника тоже охватила дрожь. В свою очередь, в примере (13) речь идёт о внутренних ощущениях говорящего. Здесь также важно отметить использование гиперболы (*un siècle* – 'век'), подчёркивающее субъективный характер впечатления – оно не является точным отражением действительности, а основывается на личных ощущениях говорящего (напр., усталость, тревога и т. д.).

Помимо эпистемических и эвиденциальных значений, конструкции типа *il me semble que* могут выражать значение м н е н и я - о ц е н к и. В отличие от мнения-предположения, являющегося «установкой относительно верифицируемой пропозиции, противопоставленной знанию», мнение-оценка представляет собой «установку относительно неверифицируемой пропозиции» [Дмитровская, 2003, с. 60]. Мнение-предположение выражает эпистемическую оценку – вероятностную оценку сообщаемого факта, в то время как мнение-оценка выражает а к с и о л о г и ч е с к у ю м о д а л ь н о с т ь, т. е. оценку пропозиции с точки зрения определённой системы ценностей.

Сравним примеры (11)–(13) со следующим высказыванием:

(14) *Il me semble que c'est logique, que c'est sensé*. – 'Мне кажется, что это логично, что это разумно' [Le Clézio, 2014, p. 24].

В высказываниях (11)–(13) выражены эпистемические значения впечатления, предположения и мнения-предположения, включающие вероятностную оценку факта, сообщаемого в пропозиции. Мнение-предположение противопоставлено знанию (*Il me semble que* – 'Мне кажется' ≠ *Je sais que* – 'Я знаю'). В свою очередь, в примере (14) речь идёт не об оценке достоверности пропозиции. Конструкция *il me semble que* выражает здесь мнение-оценку, и в данном случае не противопоставляется знанию, поскольку две

установки (*Il me semble que / Je sais que c'est logique, que c'est sensé.*) «дополнительно распределены относительно типа подчинённой пропозиции, с которой они могут сочетаться» [Зализняк, 2006, с. 191]. Для говорящего мнение-оценка имеет статус субъективной истины. В примере (20) аксиологическая модальность выражена лексемами с оценочным значением (*logique, sensé* – 'логично, разумно').

Кроме того, безличные конструкции типа *il me semble que* могут выражать деонтическую модальность (модальность долженствования):

(15) *À ces deux questions, il nous semble qu'il faut répondre oui, au moins dans une certaine mesure.* – 'Нам кажется, что на эти два вопроса следует ответить положительно, по крайней мере в определённой степени' [Le Monde, 2021 d].

В приведённом высказывании так же речь не идёт об оценке достоверности сообщаемого факта; выражена не эпистемическая, а деонтическая модальность, переданная конструкцией *il faut* 'нужно, следует').

Обращаясь к эпистемическим значениям рассматриваемых конструкций, отметим, что степень уверенности субъекта высказывания и степень вероятности, выражаемая безличными конструкциями, включающими косвенное дополнение, выше степени уверенности/вероятности, передаваемой конструкциями, где оно отсутствует. Этот факт объясняется тем, что косвенное дополнение указывает на логического субъекта высказывания. Так, по мнению Г. Нёлке, наличие местоимения в функции косвенного дополнения в конструкциях типа *il me semble que* означает, что субъект высказывания полностью берёт на себя ответственность за достоверность сообщаемого [Nølke, 2001, p. 24]. Тогда как в конструкциях типа *il semble que* логический субъект высказывания не выражен и его ответственность за сообщаемое таким образом в определённой степени снимается, что может означать некоторую неуверенность говорящего в достоверности сообщаемой информации и выражает меньшую вероятность соответствия данной информации действительности. Различие в семантике безличных конструкций с глаголом *sembler* подкрепляется чередованием глагольных форм изъявительного и сослагательного наклонений во вводимых ими придаточных предложениях. В предложениях с конструкциями типа *il me semble que* глагол всегда стоит в форме индикатива, что означает уверенность говорящего в достоверности сообщаемого, принятие эпистемической ответственности. Тогда как конструкции типа *il semble que* почти всегда вводят предложение с предикатом в форме *subjonctif* (в нашем материале – в 88% высказываний). Глагольные формы сослагательного наклонения выражают низкую степень вероятности сообщаемого факта, неподтверждённую возможность.

Выявленная закономерность, по нашему мнению, может служить объяснением употребления индикатива в предложениях, где безличные конструкции с глаголом *sembler* включают косвенное дополнение, выраженное не местоимением, а существительным:

(16) *Il semble au médecin qu'une nouvelle crise va survenir.* – 'Врач полагает, что может случиться новый приступ' [Nølke, 2001, p. 25].

В данном предложении косвенное дополнение выражено существительным *médecin* ('врач'), выполняющим функцию логического субъекта высказывания, которому принадлежит суждение, выраженное в зависимой части предложения. Таким образом, так же как в конструкции *il me semble que*, в приведённом высказывании эксплицитно выражено лицо, ответственное за производимое высказывание и, следовательно, выражена более высокая степень вероятности сообщаемого факта, чем, на наш взгляд, обусловлено употребление индикатива в придаточном предложении.

Итак, конструкции типа *il me semble que* могут иметь эпистемическую, эвиденциальную и неэпистемическую семантику. Эпистемические значения изучаемых конструкций (предположение, впечатление, мнение-предположение) пересекаются со значениями прямой (чувственное восприятие) и косвенной (внутренние ощущения, интуиция, догад-

ка, умозаключение и т. д.) эвиденциальности. В то же время, эпистемические значения противопоставляются неэпистемическим (мнение-оценка (аксиологическая модальность), деонтическая модальность). Конструкции типа *il me semble que* выражают более высокую степень уверенности / вероятности, что связано с большей степенью принимаемой говорящим ответственности за достоверность сообщаемого высказывания.

а) Конструкции типа *Il paraît que*

Основным эвиденциальным значением, выражаемым конструкциями типа *il paraît que*, является к в о т а т и в н о е значение. Квотативная эвиденциальность, т. е. указание на то, что информация, передаваемая говорящим, получена им «из вторых рук» [Nuyts, 2001 ; Mueller, 2013], наряду с инференциальной, является подвидом косвенной эвиденциальности. В то время как *il semble que* выражает инференциальную эвиденциальность, указывающую на то, что информация, которую говорящий сообщает в пропозиции, основывается на его ощущениях или умозаключениях, *il paraît que* может выражать значение к в о т а т и в н о й э в и д е н ц и а л ь н о с т и. Таким образом, употребляя конструкцию *il paraît que*, говорящий подразумевает, что не является прямым свидетелем описываемой ситуации, а лишь передаёт услышанное / прочитанное, при этом, не уточняя источник сообщаемой им информации. В данном значении конструкция *il paraît que* синонимична выражению *on dit que* 'говорят, что' и может быть переведена на русский язык такими выражениями, как «говорят, что» и «ходят слухи, что»:

(17) *Il paraît qu'en Allemagne ils ont créé des variétés de roses nouvelles, très blanches.* – 'Говорят, что в Германии вырастили новый сорт ярко-белых роз [Le Clézio, 2008, p. 25].

Однако помимо значения квотативной эвиденциальности, безличная конструкция *il paraît que* выражает эпистемическое модальное значение – определённую степень неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Не являясь прямым свидетелем сообщаемого события, говорящий не может гарантировать истинность передаваемой им информации об этом событии. Поскольку информация получена посредством слухов, её источник воспринимается как ненадёжный, а сама информация – как неточная, требующая подтверждения. Таким образом, используя конструкцию *il paraît que*, говорящий снимает с себя ответственность за возможное несоответствие содержания высказывания действительности.

Отметим, что безличная конструкция *il paraît que* в значении квотативной эвиденциальности также может быть заменена на *il semble que*, однако данное употребление является редким. В материале был обнаружен всего один пример с подобной заменой:

(18) *Il semble que les Chinois aient souvent les cheveux frisés, je ne sais plus où j'ai lu ça.* – 'Кажется, у китайцев часто бывают кудрявые волосы, я уже не помню, где я прочитал об этом' [Le Clézio, 2014, p. 8].

Синонимичность *il semble que* конструкции *il paraît que* в приведённом примере подтверждается тем, что в данном высказывании частично содержится указание на источник сообщаемой информации (*je ne sais plus où j'ai lu ça*). Тем не менее, этот источник точно не определён – мы понимаем, что говорящий где-то вычитал сообщаемый факт, но не помнит, где именно.

Также в материале были обнаружены высказывания, в которых *il paraît que* обозначает не переданную от третьих лиц информацию (квотативную эвиденциальность), а впечатления говорящего (инференциальную эвиденциальность):

(19) *J'ai un pansement à la main gauche, il paraît que je suis tombée contre le feu, j'ai respiré la fumée bleue, quand les flammes sont bleues c'est dangereux...* – 'Я ощутил покалывание в левой руке, кажется, я задел огонь, я вдохнул синий дым; когда пламя синее – это опасно' [Le Clézio, 2014, p. 59].

Здесь речь идёт не о том, что говорящий слышал или прочитал где-либо, а о выводе, который делает говорящий, основываясь непосредственно на его собственных осязательных ощущениях. Однако подобное употребление *il paraît que* в данном значении не является распространённым.

Конструкция с глаголом *paraître* в приведённом примере представляется синонимичной аналогичной конструкции с глаголом *sembler*, рассмотренной в 2.2.1. (а). Между тем, в семантике этих глаголов при таком употреблении обнаруживается различие. Ф. Тюйе, изучая вопросы, связанные с их синонимией, отмечает, что в отличие от глагола *sembler*, выражающего предположение субъекта высказывания, глагол *paraître*, передаёт создаваемое внешнее впечатление, производимый на говорящего эффект. Исследователь указывает на особенность глагола *paraître*, заключающуюся в том, что данный глагол предполагает осознание говорящим «бóльшей или меньшей отдалённости его впечатлений от действительности» [Thuillier, 2004, p. 169–171]. Так, глагол *paraître* указывает на впечатление, полученное внешне, посредством чувственного восприятия (зрения, слуха, осязания, обоняния). Это впечатление может не совпадать с реальностью, и говорящий может быть об этом осведомлён. В свою очередь глагол *sembler* передаёт впечатление, основанное на внутренних, интуитивных ощущениях или логических рассуждениях субъекта высказывания, которые так же могут не соответствовать объективной действительности. Употребляя конструкцию *il semble que* в этом значении, говорящий допускает возможность того, что сообщаемый факт недостоверен, однако подчёркивает, что, по его мнению, вероятность того, что данный факт может оказаться ошибочным, невелика.

Указываемое различие может быть продемонстрировано путём добавления к высказываниям, содержащим безличные конструкции *il semble que* и *il paraît que*, сложносочинённых предложений, которые опровергают информацию, выраженную в пропозиции:

(20) *J'ai un pansement à la main gauche, il paraît que je suis tombée contre le feu, mais ce n'est pas vrai.* – 'Я ошутил покалывание в левой руке, кажется, я задел огонь, но это не так'.

(21) *Il semble aussi que traiter des apnées du sommeil aide au contrôle de la pathologie dépressive, mais ce n'est pas vrai.** – 'Кроме того, как представляется, лечение апноэ сна помогает контролировать депрессивные расстройства, но это не так'.

(22) *Encouragée par notre époque, il semble que la satire ait encore de beaux jours, mais, je ne le crois pas.** – 'В наше время сатира получает одобрение и кажется, что у неё ещё большое будущее, но я так не думаю'.

Высказывания (21) и (22) представляются противоречивыми, поскольку в них субъект высказывания, основываясь не на чувственном восприятии, как в высказывании (20) с глаголом *paraître*, а на своих собственных рассуждениях или ощущениях, не может одновременно оспаривать их.

Что касается употребления конструкций типа *il paraît que* в анализируемых текстах, в нашем материале глагол *paraître* представлен в различных временных формах индикатива. Мы смогли проследить определённые закономерности в их употреблении при выражении различных значений. Так, в конструкциях со значением кватативной эвиденциальности в 100% случаев употребляется *présent de l'indicatif (il paraît que)*, тогда как в конструкциях, выражающих инференциальную или прямую эвиденциальность, глагол *paraître* представлен не только формой *présent de l'indicatif*, но также формами *passé simple (il parut que)* и *imparfait de l'indicatif (il paraissait que)*, которые, однако, составляют всего 2% от общего количества проанализированных высказываний с конструкциями рассматриваемого типа (52 высказывания). Данные наблюдения позволяют нам предположить, что значение кватативной эвиденциальности закреплено за конструкцией *il paraît que* с глаголом *paraître* в форме *présent de l'indicatif*, в то время как другие эвиденциальные значения (инференциальная и прямая эвиденциальность) могут быть выражены всеми конструкциями, принадлежащими к рассматриваемому типу.

Эпистемические значения, передаваемые рассматриваемыми конструкциями, обусловлены эвиденциальной семантикой. Квотативная эвиденциальность (указание на наличие источника информации, который, однако, не определён), выражаемая конструкцией *il paraît que*, предполагает выражение определённой степени неуверенности говорящего в достоверности сообщаемого. Инференциальная и прямая эвиденциальность, входящая в семантику конструкций типа *il paraît que*, выражают впечатление говорящего и передают относительно высокую степень уверенности говорящего в достоверности передаваемой им информации.

б) Конструкции типа *il me paraît que*

Безличные конструкции данного типа являются малоупотребительными в современном французском языке. В текстах, составляющих материал нашего исследования, было обнаружено всего 5 высказываний, содержащих эти конструкции – с глаголом *paraître* в *passé simple* (4 высказывания) и *plus-que-parfait* (1 высказывание).

Конструкции с глаголом *paraître*, включающие местоимение-косвенное дополнение, выражают эпистемическое значение впечатления.

(23) *Il lui parut qu'elle le voyait pour la première fois.* – 'Ей казалось, что она видела его впервые' [Barbery, 2015, p. 107].

(24) *Elle regarda le Maestro et il lui parut qu'elle avait devant elle un autre homme encore, qui n'était ni le professeur de musique ni celui auquel les fantômes donnaient le visage des passions, mais une âme traversée d'élanements qui filaient comme des flèches dans la même direction.* – 'Она взглянула на Маэстро и ей показалось, что перед ней совсем другой человек, не преподаватель музыки, не тот, чьё лицо вспыхивало страстью под воздействием призраков, но душа, пронизанная порывами, которые как стрелы устремлялись к единой цели' [Barbery, 2015, p. 58].

Так же как безличные конструкции типа *il me semble que*, рассматриваемые конструкции выражают большую степень уверенности говорящего в соответствии сообщаемого факта реальной действительности, что связано с включением в них личных местоимений-косвенных дополнений (*me, nous, lui* и т. д.), выполняющих функцию логического субъекта высказывания. Употребление данных местоимений указывает на принятие субъектом высказывания ответственности за достоверность сообщаемой информации.

Конструкции типа *il me semble que* и *il me paraît que*, на первый взгляд, также представляются синонимичными. Тем не менее, подобно рассмотренным выше конструкциям без местоимений-косвенных дополнений, они также имеют различия в своей семантике. Так, Г. Нёлке отмечает, что *il me semble que* и *il me paraît que* выражают разный характер эвиденциальности, т. е. указывают на разный источник получения сведений субъектом высказывания. В случае, когда передаваемая информация получена непосредственно через зрительное восприятие (прямая эвиденциальность), употребляется глагол *paraître*. Если же информация получена через неосознанные ощущения, интуицию субъекта высказывания (инференциальная эвиденциальность), используется глагол *sembler* [Nølke, 2001, с. 26–27]. Исследователь сравнивает следующие высказывания:

Il lui semble qu'il connaît Marie depuis longtemps.

*Il lui paraît qu'il connaît Marie depuis longtemps.** [Nølke, 2001, с. 26].

Второе высказывание представляется противоречивым и нелогичным, поскольку информация, сообщаемая в пропозиции (*il connaît Marie depuis longtemps* – 'он знает Марию уже долгое время'), не может быть получена посредством зрительного восприятия.

Однако, вследствие семантической нейтрализации, данные конструкции зачастую оказываются взаимозаменяемыми. Так, в следующем высказывании конструкция *il lui avait paru que* выражает впечатление, основанное на внутренних ощущениях субъекта высказывания:

(25) *Pendant toute la durée des combats qui déchiraient le ciel de France d'une estafilade empoisonnée, elle avait été anéantie que les violettes continuassent de se flétrir avec la même exquisité que toujours et, quand elle avait perdu son fils, il lui avait paru que la beauté des bois était une indignité qui ne pouvait s'expliquer, même dans les pages des Saintes Écritures...* – 'Во времена сражений, которые разрывали кровавыми ранами небо Франции, её убивало то, что фиалки продолжали всё так же прелестно увядать, а когда она потеряла сына, красота лесов показалась ей подлостью, которой не нашлось объяснения в Писании' [Barbery, 2015, p. 71].

Итак, конструкции типа *il me paraît que* выражают эпистемическое значение впечатления (основанное на внешних или внутренних ощущениях субъекта высказывания) и связанные с ним значения инференциальной и прямой эвиденциальности. Данные конструкции близки по значению конструкциям типа *il me semble que*, но не являются столь же употребительными.

2.2.3. Особенности стилистического употребления безличных конструкций с глаголами *sembler* и *paraître* [Features of the stylistic use of impersonal constructions with the verbs *sembler* and *paraître*]

Сопоставительный анализ высказываний в текстах различных жанров (художественный, медийный и научный текст), составляющих материал исследования, позволил выявить некоторые тенденции и стилистические особенности употребления изучаемых конструкций. В художественных текстах было выявлено наибольшее разнообразие временных форм глаголов *paraître* и *sembler*: глагол *sembler* встречается в *passé composé* (1%) и *imparfait* (27%); глагол *paraître* – в *passé composé* (1%), *plus-que-parfait de l'indicatif* (1%) и *passé simple* (2%). Высказывания с глагольными формами прошедшего времени (*passé composé*, *passé simple*, *imparfait*, *plus-que-parfait de l'indicatif*) составляют 31% от общего числа высказываний, отобранных в художественном стиле, тогда как в публицистическом и научном стиле таких форм обнаружено не было. Это объясняется тем, что мысли и чувства персонажа нередко описываются автором в ретроспективе.

Кроме того, в художественных текстах наблюдается более широкий спектр местоимений в функции косвенного дополнения, входящих в изучаемые безличные конструкции. Помимо местоимений-косвенных дополнений *me* и *nous*, встречается местоимение *lui*, выражающее логическое подлежащее. Такое многообразие местоимений и глагольных форм объясняется особенностями художественного функционального стиля, многоплановостью художественного повествования. Описывая мысли и чувства персонажа, автор может вести повествование от первого (*il me / nous semble*) или третьего лица (*il lui semble*).

В текстах художественных произведений среди безличных конструкций с глаголом *sembler* наиболее часто употребляемыми выступают конструкции, включающие местоимение-косвенное дополнение (*il me semble que* – 64%, *il lui semble que* – 21%), выражающие мнение, предположения, мысли и ощущения персонажа. Между тем, в медийных и научных текстах преобладают конструкции *il semble que* (59% – в научном стиле, 58% – в публицистическом стиле) и *il semblerait que* (24% – в научном стиле, 15% – в публицистическом стиле). Наблюдаемая тенденция, по нашему мнению, связана с желанием авторов исследований и статей снизить категоричность высказывания, подчёркивая тем самым свой нейтралитет, незаинтересованность, некоторую объективность по отношению к высказываемым предположениям, указывая, что ни один, ни другой исход события не исключён.

Также, в отличие от художественных произведений, где частотность употребления безличных конструкций типа *il paraît que* составляет 36%, а также от статей журналов (15%), в текстах диссертаций не было обнаружено ни одного употребления данных

конструкций. Мы полагаем, это связано с эпистемическими и эвиденциальными значениями рассматриваемых конструкций: одно из данных значений связано со слухами, с неподтверждённой информацией, а другое – с производимыми внешними впечатлениями, которые могут оказаться ложными. Наиболее характерные для каждого рассмотренного типа конструкций значения представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. **Характерные значения типов конструкций с глаголами *sembler* и *paraître***
[Table 1. **Typical meanings of the patterns with the verbs *sembler* and *paraître***]

Значения	Структурный тип			
	Il semble que	Il me semble que	Il paraît que	Il me paraît que
Эпистемическая модальность	Вероятность Впечатление Предположение Уверенность	Впечатление Мнение-предположение Предположение Уверенность	Вероятность Впечатление Неуверенность Предположение	Вероятность Впечатление Предположение
Эвиденциальность	Инференциальная эвиденциальность, основанная на логических умозаключениях, интуиции, внутренних ощущениях или впечатлениях говорящего	Инференциальная эвиденциальность, основанная на интуиции и внутренних ощущениях говорящего Прямая эвиденциальность, основанная на чувственном восприятии	Квотативная эвиденциальность: непроверенный источник информации, слухи Инференциальная эвиденциальность, основанная на внешних ощущениях, свойствах предмета Прямая эвиденциальность, основанная на чувственном восприятии	Инференциальная эвиденциальность, основанная на ощущениях или впечатлениях говорящего Прямая эвиденциальность, основанная на чувственном восприятии
Неэпистемические значения	-	Мнение-оценка (аксиологическая модальность) Деонтическая модальность	-	-

2.3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что среди обнаруженных в материале безличных конструкций с глаголами *sembler* и *paraître*, вводящих придаточные дополнительные предложения в составе сложноподчинённых, выделяются два структурных типа: конструкции, не включающие местоимение в функции косвенного дополнения и конструкции с местоимением-косвенным дополнением.

Анализ материала, включающего тексты, относящиеся к художественному, публицистическому и научному стилям, позволил выявить следующие особенности употребления рассматриваемых конструкций: многообразие временных форм и местоимений – косвенных дополнений в художественных текстах; преобладание конструкций без местоимений – косвенных дополнений в научных и публицистических текстах, а также отсутствие в научных текстах конструкций типа *il paraît que*.

Глаголы *sembler* и *paraître* являются полисемичными, в связи с чем, изучаемые конструкции способны выражать широкий спектр эпистемических (вероятность, уверенность, предположение, впечатление и т. д.) и эвиденциальных (прямая и косвенная эвиденциальность) значений. Кроме того, в ходе анализа употреблений этих конструкций удалось обнаружить, что один из типов рассматриваемых безличных конструкций (*il me semble que*) выражает также неэпистемические значения (аксиологическую и деонтическую модальность). Несмотря на выявленные отличия, все рассмотренные

конструкции могут в определённых контекстах заменять друг друга при выражении тех или иных значений. Такая взаимозаменяемость свойственна языку и связана с явлением семантической нейтрализации.

Эпистемическое значение (большая или меньшая степень уверенности говорящего / вероятность соответствия сообщаемого факта действительности), выражаемые рассматриваемыми безличными конструкциями, обусловлены типом эвиденциальности – характером источника полученной информации, – служащей основанием для производимого высказывания. Конструкции типа *il semble que*, *il me semble que* и *il me paraît que* могут выражать значения инференциальной или прямой эвиденциальности. В случае когда изучаемые конструкции выражают значения прямой эвиденциальности (информация полученная через органы чувств) и инференциальной эвиденциальности, основанной на логических рассуждениях говорящего, степень уверенности / вероятности будет выше, чем в случае когда данные конструкции выражают инференциальную эвиденциальность, основанную на интуиции, внутренних ощущениях. В свою очередь, конструкция *il paraît que* выступает средством выражения косвенной квотативной эвиденциальности, предполагающей, что говорящий владеет информацией, полученной «из вторых рук», не являясь прямым свидетелем сообщаемого факта и, следовательно, выражает меньшую степень уверенности / вероятности.

Сделанные наблюдения позволяют также заключить, что значения эвиденциальности и эпистемической модальности в разных соотношениях проявляются в семантике рассматриваемых конструкций: значения одной из двух категорий могут быть выражены эксплицитно или имплицитно и, в последнем случае, отходить на второй план. Так, эвиденциальные значения конструкций типа *il semble que*, *il me semble que* и *il me paraît que* не всегда находят эксплицитное выражение в высказывании. Так, в приведённом в 2.2.1. (а) высказывании (б) вводное предложение (*À la lumière du paragraphe précédent*) указывает на то, что суждение, содержащееся в пропозиции, основано на ранее сообщённой информации, тогда как в высказывании (5) невозможно однозначно установить, на чём основано суждение говорящего. При этом во всех приведённых примерах эксплицитно выражены значения эпистемической модальности, обусловленные самой семантикой глаголов *sembler* и *paraître*. В семантике конструкции *il paraît que*, обозначающей «слухи», напротив, на первый план выходит выражение эвиденциальности. Об этом свидетельствует сам перевод конструкции на русский язык. В таком контексте конструкция *il paraît que* будет переведена не глаголом *кажется* или *представляется*, а вводным словом *говорят*.

В свою очередь, главной общей чертой всех рассмотренных безличных конструкций является то, что, используя их, говорящий принимает или снимает с себя ответственность за достоверность высказывания. Более высокая или низкая уверенность в соответствии сообщаемого факта действительности, передаваемая рассматриваемыми конструкциями, напрямую связана с тем, насколько субъект высказывания принимает на себя ответственность за достоверность сообщаемой им информации, что выражается в наличии или отсутствии в данных конструкциях косвенного дополнения, выраженного местоимением или существительным, и в употреблении глагольных форм сослагательного или изъявительного наклонения во вводимых ими придаточных дополнительных предложениях.

Библиографический список

- Бестужева, 2022 – Бестужева Д. О. К вопросу о средствах выражения эпистемической модальности в современном французском языке // LXXV Герценовские чтения. Иностранные языки : Международная научная конференция (14–15 апреля 2022 г., Санкт-Петербург) : сб. науч. ст. / отв. ред. Т. И. Воронцова, Н. Ю. Зайцева. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. С. 295–298.

- Васильева, 2022 – Васильева Ю. В. Эпистемическая модальность vs эвиденциальность в английском научном дискурсе // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. Ч. 2. С. 433–440. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-2-433-440>
- Дмитровская, 2003 – Дмитровская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: Избранное. 1988–1995. М. : Индрик, 2003. С. 47–56.
- Зализняк, 2006 – Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы её представления. М. : Языки славянских культур, 2006. 672 с.
- Кобрин, 2001 – Кобрин О. А. Эпистемическая модальность как характерная составляющая категории эвиденциальности // *Studia Linguistica*. Т. 10. Проблемы теории европейских языков. СПб. : Тригон, 2001. С. 346–350.
- Корди, 2001 – Корди Е. Е. О связи грамматических значений оценки достоверности и источника информации (на материале французского языка) // Теоретические проблемы функциональной грамматики. СПб. : Наука, 2001. С. 203–206.
- Падучева, 2019 – Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М. : Изд. дом ЯСК, 2019. 440 с.
- Пенькова, 2019 – Пенькова Я. А. Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего в языках Европы: анкетирование и корпусные данные // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 7–31. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0007544-7>
- Семенова, 2009 – Семенова Т. И. Модус кажимости: между истиной и ложью // Вестник ИГЛУ. Язык. Культура. Коммуникация. 2009. № 3 (7). С. 6–12.
- Шакирова, 2010 – Шакирова Р. Д. Инференциальная эвиденциальность и ее разновидности в современном немецком языке // Вестник ВятГУ. Филология и искусствоведение. 2010. № 2 (2). С. 89–93.
- Barbery, 2015 – Barbery M. *La Vie des elfes*, Paris : Gallimard, coll. «Blanche», 2015. 304 p.
- Barbery, 2006 – Barbery M. *L'élégance du hérisson*. Paris : Gallimard, 2006. 414 p.
- Cornillie, 2009 – Cornillie B. Evidentiality and epistemic modality : On the close relationship of two different categories // *Functions of Language*. 2009. № 16 (1), P. 44–62. <https://doi.org/10.1075/fof.16.1.04cor>
- De Saussure, 2012. – De Saussure L. Modalité épistémique, évidentialité et dépendance contextuelle // *Langue française*. 2012. 1. P. 131–143. <https://www.cairn.info/revue-langue-francaise-2012-1-page-131.htm?contenu=article>
- Doligez, 2021 – Doligez X. Modélisation des systèmes nucléaires électrogènes pour l'étude des futurs possibles de l'énergie nucléaire. *Physique Nucléaire Théorique*. Université Paris Saclay, 2021. 140 p.
- Hamza, 2019 – Hamza A. La détection et la traduction automatiques de l'ellipse: enjeux théoriques et pratiques. *Linguistique*. Université de Strasbourg, 2019. 280 p.
- Le Clézio, 2008 – Le Clézio J.-M. G. *Ritournelle de la faim*, Paris, Gallimard, 2008. 206 p.
- Le Clézio, 2014 – Le Clézio J.-M. G. *Tempête. Deux nouvelles*, Paris, Gallimard, 2014. 231 p.
- Le Monde 2021 a – Art Paris 2021, une édition régionale et cosmopolite // *Le Monde*. 09 septembre, 2021. URL : https://www.lemonde.fr/culture/article/2021/09/09/art-paris-2021-regionale-et-cosmopolite-a-la-fois_6093995_3246.html
- Le Monde 2021 b – Le sud-est de la France et les outre-mer durement touchés par le Covid-19 // *Le Monde*. 13 août, 2021. URL : https://www.lemonde.fr/planete/article/2021/08/13/le-sud-est-de-la-france-et-les-outre-mer-durement-touchees-par-le-covid-19_6091386_3244.html
- Le Monde 2021 c – Rentrée scolaire: pourquoi les élèves de 6e sont une exception du protocole sanitaire // *Le Monde*. 02 septembre, 2021. URL : https://www.lemonde.fr/societe/article/2021/09/02/rentree-scolaire-les-eleves-de-6e-exception-du-protocole-sanitaire_6093125_3224.html
- Le Monde 2021 d – Sous-marins australiens: «l'appartient à Washington de réparer les dégâts avec la France et l'OTAN» // *Le Monde*. 20 septembre, 2021. URL : https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/09/20/sous-marins-australiens-il-appartient-a-washington-de-reparer-les-degats-avec-la-france-et-l-otan_6095358_3232.html
- Le Monde 2021 e – Un sommeil trop réduit ou fractionné peut engendrer des dépressions // *Le Monde*. 06 décembre, 2021. URL : https://www.lemonde.fr/sciences/article/2021/12/06/un-sommeil-trop-reduit-ou-fractionne-peut-engendrer-des-depressions_6104933_1650684.html

- Le Querler, 1996 – Le Querler N. Typologie des modalités. Caen : Presses universitaires de Caen, 1996, 159 p.
- Kronning, 2003 – Kronning H. Modalité et évidentialité // Aspects de la modalité / M. Birkelund, G. Boysen & P. Kjærsgaard (éds.). Tübingen : Niemeyer, 2003. P. 131–152.
- Mueller, 2013 – Mueller N. Tense, aspect, modality, and evidentiality marking in South American indigenous languages: Ph.D thesis. Nijmegen : Radboud University Nijmegen, 2013. 281 p.
- Mushin, 2013. – Mushin I. Making knowledge visible in discourse: Implications for the study of linguistic evidentiality // Discourse Studies. 2013. № 15. P. 627–645.
- Nothomb, 2014 – Nothomb A. Pétronille, Paris : Albin Michel, 2014. 168 p.
- Nølke, 2001 – Nølke H. La dilution linguistique des responsabilités. Essai de description polyphonique des marqueurs évidentiels il semble que et il paraît que // Le regard du locuteur 2. Paris : Kimé, 2001, P. 15–34.
- Nuyts, 2001 – Nuyts J. Epistemic modality, language and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2001. 428 p.
- Thuillier, 2004 – Thuillier F. Synonymie et différences: le cas de paraître et sembler // Le verbe dans tous ses états. Grammaire, sémantique, didactique / C. Vaguer et B. La Vien (éds.). Namur : Presses Universitaires de Namur, 2004. P. 161–178.

References

- Bestuzheva, D. O. (2022). K voprosu o sredstvakh vyrazheniya epistemicheskoy modal'nosti v sovremennom frantsuzskom yazyke [On the issue of the means of expressing epistemic modality in modern French]. In T. I. Vorontsova, N. Yu. Zaitseva (Eds.), *LXXV Gertsenovskie chteniya. Inostrannye yazyki* [LXXV Herzen's readings: Foreign languages]: International conference proc., St Petersburg, April 14–15, 2022 (pp.295–298). St Petersburg : Herzen State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Vasil'eva, Yu. V. (2022). Epistemicheskaya modal'nost' vs evidentsial'nost' v angloyazychnom nauchnom diskurse [Epistemic modality vs evidentiality in the English academic discourse]. *Prepodavatel' XXI vek* [Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of education], 2 (2), 433–440. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2022-2-433-440>
- Dmitrovskaya, M. A. (2003). Znanie i mnenie : obraz mira, obraz cheloveka [Knowledge and belief: The image of the world, the image of a human]. *Logicheskii analiz yazyka: Izbrannoe* [Logical analysis of language : Selected works. 1988–1995] (pp. 47–56). Moscow : Indrik Press. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2006). *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and the means of its representation]. Moscow : YASK Press. (In Russ.).
- Kobrina, O. A. (2001). Epistemicheskaya modal'nost' kak kharakternaya sostavlyayushchaya kategorii evidentsial'nosti [Epistemic modality as a characteristic component of the category of evidentiality]. *Studia Linguistica. T. 10. Problemy teorii evropeyskikh yazykov* [Studia Linguistica. Vol. 10. Theoretical issues of European languages] (pp. 346–350). St Petersburg : Trigon Press. (In Russ.).
- Kordi, E. E. (2001). O svyazi grammaticheskikh znacheniy otsenki dostovernosti i istochnika informatsii (na materiale frantsuzskogo yazyka) [On the relationship of grammatical meanings of the assessment of reliability and the information sources (Based on the material of the French language)]. *Teoreticheskie problemy funktsional'noy grammatiki* [Theoretical issues of functional grammar] (pp. 203–206). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2019). *Egotsentricheskie edinitiy yazyka* [Egocentric language units]. Moscow : YASK Press. (In Russ.).
- Pen'kova, Ya. A. (2019). Modal'no-evidentsial'nye strategii predbudushchego v yazykakh Evropy: anketirovanie i korpusnye dannye [Modal and evidential strategies for future anterior in European languages: Questionnaire and corpus data]. *Voprosy yazykoznavaniya* [Topics in the Study of Language], 6, 7–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0373658X0007544-7>
- Semenova, T. I. (2009). Modus kazhimosti: mezhdz istinoy i lozh'yu [Modus vidēri: Between truth and lie]. *Vestnik IGLU. Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya* [The ISLU Philological Review], 3 (7), 6–12. (In Russ.).

- Shakirova, R. D. (2010). Inferentsial'naya evidentsial'nost' i ee raznovidnosti v sovremennom nemetskom yazyke [Inferential evidentiality and its types in the modern German language]. *Vestnik VyatGU. Filologiya i iskusstvovedenie* [Vyatka State University Herald. Series: Philology and Art.], 2 (2), 89–93. (In Russ.).
- Barbery, M. (2015). *La Vie des elfes*. Paris : Gallimard, coll. «Blanche».
- Barbery, M. (2006). *L'élégance du hérisson*. Paris : Gallimard.
- Cornillie, B. (2009). Evidentiality and epistemic modality : On the close relationship of two different categories. *Functions of Language*, 16 (1), 44–62. <https://doi.org/10.1075/foL.16.1.04cor>
- De Saussure, L. (2012). Modalité épistémique, évidentialité et dépendance contextuelle. *Langue française*, 1, 131–143. <https://www.cairn.info/revue-langue-francaise-2012-1-page-131.htm?contenu=article>
- Doligez, X. (2021). *Modélisation des systèmes nucléaires électrogènes pour l'étude des futurs possibles de l'énergie nucléaire*. Physique Nucléaire Théorique. Université Paris Saclay.
- Hamza, A. (2019). *La détection et la traduction automatiques de l'ellipse: enjeux théoriques et pratiques*. Linguistique. Université de Strasbourg.
- Le Clézio, J.-M. G. (2008.) *Ritournelle de la faim*. Paris : Gallimard.
- Le Clézio, J.-M. G. (2014.) *Tempête. Deux novellas*. Paris : Gallimard.
- Le Monde. (2021 a, septembre 9). Art Paris 2021, une édition régionale et cosmopolite. *Le Monde*. https://www.lemonde.fr/culture/article/2021/09/09/art-paris-2021-regionale-et-cosmopolite-a-la-fois_6093995_3246.html
- Le Monde. (2021 b, août 13). Le sud-est de la France et les outre-mer durement touchés par le Covid-19. *Le Monde*. https://www.lemonde.fr/planete/article/2021/08/13/le-sud-est-de-la-france-et-les-outre-mer-durement-touchees-par-le-covid-19_6091386_3244.html
- Le Monde. (2021 c, septembre 2). Rentrée scolaire : pourquoi les élèves de 6e sont une exception du protocole sanitaire. *Le Monde*. https://www.lemonde.fr/societe/article/2021/09/02/rentree-scolaire-les-eleves-de-6e-exception-du-protocole-sanitaire_6093125_3224.html
- Le Monde. (2021 d, septembre 6). Sous-marins australiens : « Il appartient à Washington de réparer les dégâts avec la France et l'OTAN. *Le Monde*. https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/09/20/sous-marins-australien-il-appartient-a-washington-de-reparer-les-degats-avec-la-france-et-l-otan_6095358_3232.html
- Le Monde. (2021 e, décembre 6). Un sommeil trop réduit ou fractionné peut engendrer des dépressions. *Le Monde*. https://www.lemonde.fr/sciences/article/2021/12/06/un-sommeil-trop-reduit-ou-fractionne-peut-engendrer-des-depressions_6104933_1650684.html
- Le Querler, N. (1996). *Typologie des modalités*. Caen : Presses universitaires de Caen.
- Kronning, H. (2003). Modalité et évidentialité. In M. Birkelund, G. Boysen & P. Kjærsgaard (éds.), *Aspects de la modalité* (pp. 131–152). Tübingen : Niemeyer.
- Mueller, N. (2013). Tense, aspect, modality, and evidentiality marking in South American indigenous languages: Ph.D thesis. Nijmegen : Radboud University Nijmegen.
- Mushin, I. (2013). Making knowledge visible in discourse: Implications for the study of linguistic evidentiality. *Discourse Studies*, 15, 627–645.
- Nothomb, A. (2014). *Pétronille*. Paris : Albin Michel.
- Nølke, H. (2001). La dilution linguistique des responsabilités. Essai de description polyphonique des marqueurs évidentiels il semble que et il paraît que. *Le regard du locuteur 2* (pp. 15–34). Paris : Kimé.
- Nuyts, J. (2001). *Epistemic modality, language and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company.
- Thuillier, F. (2004). Synonymie et différences: le cas de paraître et sembler. In C. Vaguer et B. La Vie (éds), *Le verbe dans tous ses états. Grammaire, sémantique, didactique* (pp. 161–178). Namur : Presses Universitaires de Namur.

Haldun Vural
Kapadokya University
Nevşehir, Türkiye
bildirler@gmail.com

Strategies for translating Turkish, English and French animal proverbs: Comparative study

Abstract

Each language contains distinctive properties that are a part of its culture. Throughout history there has been a constant interest in designing and collecting proverbs, as far as they are reflective of both cultural resemblances and dissimilarities. Culture- and language-specific proverbs frequently cannot be translated into the target language literally, although, it can be assumed that their messages can be transferred to be adequately comprehended in the target language. The current study examines the proverbs that are equivalent in context in Turkish, English and French where at least one of them is animal-related. It looks into the techniques used in translating these proverbs among the three languages. Two of the five Mona Baker's strategies were applied to the analyzed material: (i) similarity both in meaning and form, (ii) similarity in meaning and dissimilarity in form. As a result, among 18 groups of proverbs selected for analysis (each including Turkish, English and French equivalents and 2 literal translation – Turkish-to-English and French-to-English), 5 demonstrated equivalence of form, context and meaning with the same animal nominations. Among the 13 groups, 9 showed higher equivalence between English and French proverbs, 3 – between Turkish and French proverbs and only 1 – between Turkish and English proverbs. The reason why one or two languages of the three have an animal nomination in a proverb while the other(s) does/do not have any may be traditional, religious, geographical or historical differences.

Keywords: concept, proverb, translation strategy, equivalent, literal translation, similarity of meaning, similarity of form

© Vural H. 2023

For citation: Vural H. (2023). Strategii perevoda turetskikh, angliyskikh i frantsuzskikh poslovits o zivotnykh: sravnitel'nyy analiz [Strategies for translating Turkish, English and French animal proverbs: Comparative study]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 22–34. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_22

Вурал Халдун
Университет Каппадокия
Невшехир, Турция
bildirler@gmail.com

Стратегии перевода турецких, английских и французских пословиц о животных: сравнительный анализ

Аннотация

Каждый язык отражает уникальные характеристики культуры соответствующего этноса. На протяжении истории развития и изучения языков отмечался постоянный интерес к созданию и накоплению пословиц, поскольку они отражают как культурные сходства этносов, так и их различия. Зачастую специфические в конкретном языке пословицы не могут быть переведены на целевой язык буквально, однако их значения можно передать так, чтобы они были адекватно поняты носителями целевого языка. В настоящей статье рассматриваются эквивалентные по значению пословицы в турецком, английском и французском языках, как минимум одна из которых содержит зооним. Особое внимание уделяется приёмам их перевода с одно-

го языка на два других. К анализируемому материалу были применены две из пяти стратегий Моны Бейкер: 1) поиск пословицы, схожей и по значению, и по форме; 2) поиск пословицы, схожей по значению, но не схожей по форме. В результате было сформировано 18 групп (в каждую вошли турецкая, английская и французская пословицы, а также два буквальных перевода – с турецкого на английский и с французского на английский), из которых 5 групп демонстрировали эквивалентность значения и формы, при этом все три пословицы содержали зооним. Из оставшихся 13 групп в 9 группах отмечалась более высокая эквивалентность английской и французской пословиц, в 3 группах – французской и турецкой пословиц и только в одной – турецкой и английской пословиц. Причины, по которым в одном-двух языках зооним присутствовал, а в другом/других – отсутствовал, кроются в разнице традиций, религий, географического положения и исторического развития.

Ключевые слова: концепт, пословица, стратегия перевода, эквивалент, буквальный перевод, схожесть значения, схожесть формы

© Вурал Х. 2023

Для цитирования: Вурал Х. Стратегии перевода турецких, английских и французских пословиц о животных: сравнительный анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 22–34. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_22

1. Introduction

Effective communication has been very important for people to live harmoniously since the beginning of time. The essential element of this communication is language, and with the help of language people have been able to transfer their cultures and traditions. Language is closely related to thinking because language and thinking are two inseparable elements [Vendryes, 2001, p. 21]. Language is a bridge between communication and thinking, and speaking, learning and communication – all happen by using language. This effective communication provides for people's efficient functioning in society. The cultural background of a society forms here, and it consists of elements, such as proverbs.

Each society in the world speaks a different language, but nevertheless, the proverbs of one society may be contextually similar to the other. Proverbs are quoted short sentences that state common experiences or give advice reflecting ideas, culture, traditions and experiences of a society. In other words, a proverb is a brief, well-known folk saying that is passed down from generation to generation and incorporates morality, wisdom, and traditional beliefs in a definite, metaphorical form that is easy to remember [Gibbs, 2001 ; Mieder, 2019]. It seems reasonable to assert that the bulk of proverbs are well-known to a significant number of those who belong to the same sociocultural group.

A number of proverbs verbalize animal images as a part of culture code. Animal images have been reflected in our minds since childhood: *wolf* associated with evil, *sheep* associated with stupidity, *bull* pointing to either clumsiness or courage, *duck* indicating failure – all used in a number of proverbs displaying common features as well as dissimilarities, e.g. in Russian and English phraseological units examined by [Rozenkova, Shustova, 2018 ; Shustova, Tyapugina, 2020].

Over the years, researchers from a wide range of fields have been much interested in the concept of a proverb [Kindstrand, 1978]. Societies in the world may speak different languages, nevertheless, the proverbs of a society may be similar to others' contextually. In folklore, literature, everyday language and religious scriptures proverbs have a lengthy history.

Nearly all literary works contain proverbs that can occasionally be difficult to translate. Proverbs are interwoven with everyday life and language, and from translation point of view they are difficult to deal with because proverbs generally do not have direct equivalences in any target language. One of the reasons of that include the presence of linguistic

expressions in each language which only belong to that unique culture. Because there is no one-to-one relationship between one culture and another, nor one language and another, proverbs as well as slang, colloquial phrases, and culture words are challenging to translate [Das, 2005]. Therefore, there is no definite approach to translating culturally specific proverbs, but it is clear that the practical meanings of proverbs should prevail over the literal meanings in translation. The aim of the current study is to investigate some contextually and syntactically similar animal proverbs in Turkish, English and French to see how these proverbs are translated among the three languages, and which procedures and strategies are used to translate them.

2. Literature Review

Proverbs can be seen as common spiritual values and stereotyped sayings of a nation or civilization. A country's culture, which mostly manifests itself through language, is where identity first takes root. Proverbs, which convey a lot of meaning in a small number of words and are an integral part of every language and culture, are used to enhance and deepen written and spoken expression in all languages and cultures. Proverbs can be defined as common, fixed-sentence statements that convey accepted facts, moral principles, or normative beliefs. A nation's proverbs and its identity are closely related. Additionally, deeply ingrained in a country's culture, proverbs can reveal that country's fundamental values and ideas as well as its character. Experiences, culture, ways of living and thinking of a community can be traced in proverbs. The word 'proverb' is the most common term [Annaberdiyev, 2013, p. 186]. Proverbs are linguistic formations of the culture that are employed in social contexts. Beside the term 'proverb', such terms as 'saying, adage, saw, maxim, axiom, motto, aphorism, epigram, gnome, dictum, precept, words of wisdom, catchphrase, slogan, byword, watchword, truism, platitude' also exist [Simpson, & Speake, 2015, p. 14]. According to [Hamilton, 2013, p. 30], 'old said saw' was common in 16th century. According to [Stanek, 2018, p. 487], proverbs give information and advice about social and natural phenomena, beliefs in society, and they are mostly related to reality but not limited by it. Proverbs belong to paroemias that express various modal meanings including desired things (e.g., see Optative Mood in Russian paroemias [Shustova et al., 2021]). Among the popular concepts verbalized in paroemias one can find "friend – foe" in Chinese, Russian and English [Arekeeva, 2022 ; Zyryanov et al., 2021], "work" in English, German and Russian [Mosina, Mikhaylova, 2022], etc.

Proverbs are oral expressions. They have existed since the beginning of oral communication, but their history has started with written literature. The sources of proverbs, especially in English, are generally literature, holy books and folklore [Zimovets, Matveeva, 2013, p. 27]. Social interaction, material culture, intertextual circumstances, innovative conceptual area and cultural symbols form the bases of proverbs [Dobrovolskij, Piirainen, 2018, p. 6]. Although these rules are for English, they can be accepted as universal and applied to proverbs in general. It should be noted that 7% of the proverbs in English are borrowed from French [Ivanov, Petrushevskaja, 2015, p. 865]. This figure is the highest of 9.5% from European continent. Therefore, it can be suggested that English and French have many similar proverbs despite the fact that they belong to different language subfamilies within the family of Indo-European languages. This suggests that due to long history of cross-cultural communication, proverbs reflect similarities and differences in various cultures and provide information about sociological structure, character, language development, geography, climate, customs and traditions of a society. Through universally acknowledged truths, proverbs can bind together disparate civilizations [Gibbs, 2001].

Numerous proverbs verbalize universal concepts like love, hate, friendship, and hostility. Proverbs that reflect the culture of a society together with universal values are called culture-oriented proverbs. Many proverbs in Turkish revolve around the ideas of dog, sheep,

wolf, horse, weapon, and bravery because agricultural and military duties have historically played significant role in Turkish society.

Interpreter's primary objective is to transfer information, knowledge, or wisdom from the source text (ST) to the target text (TT). The method of such transfer is crucially important. Considering how firmly ingrained proverbs are in a country's culture, translating proverbs is one of the most challenging aspects of literary translation [Njui, 2019]. For the samples of scientific or educational literature, the equivalence of the content appears to be the most significant requirement for a successful translation, however, in literary texts, both the content and the form are vital. Therefore, on the one hand, compromising form and pattern for the sake of content might damage the source's aesthetic value; on the other hand, preserving the pattern at the cost of content frequently leads to the failure in effective conveying of the original message.

The literal translation of a proverb into another language might render the statement unintelligible because a single word can have multiple connotations when used in a proverb [Anderson, & Nagy, 1989]. For example, the Turkish equivalent of the English proverb 'blood is thicker than water' is 'et tırnaktan ayrılmaz'; however, when it is translated word for word ('kan sudan daha kalındır'), it does not make any sense. Clearly, in such cases formal requirements should be abandoned in favor of content [Nida, 1964]. However, there is an opinion, e.g. [Ricoeur, 2007], that there can be no translation without any loss in meaning. Another challenge is the openness of proverbs to various interpretations [Millar, 2020]. The choice of equivalents among the options depends on the approach adopted by an interpreter. Despite minor losses (or more rarely gains), the chosen approach has to enable to effectively convey the intended message and guarantee that the target language equivalents of the original proverbs make sense [Unseth, 2006].

According to [Baker, 2018, p. 63], fixed expressions and proverbs are "frozen patterns of language which allow little or no variation in form and, in the case of idioms, they often carry meanings which cannot be deduced from their individual components. Unlike idioms, however, fixed expressions and proverbs often have fairly transparent meanings. The meaning of a proverb can easily be deduced from the meanings of the words which constitute it. This means that proverbs are culture-specific items embedded in a source language culture, therefore, one should be careful in their translations.

In order to understand a proverb, the history of that culture should be known as well. If an interpreter is not familiar with the source language (SL) culture, s/he might translate proverbs literally, and the chances for such translation to appear unnatural or completely wrong could be very high. An interpreter might recognize a proverb in SL, but without appropriate strategies, the translation could result in failure. Appropriate strategy will help an interpreter identify figurative meanings of proverbs and reinterpret them into target language (TL) successfully. This strategy is reaching equivalence at the above word level. As far as English, French and Turkish are abundant in proverbs, they provide certain opportunities for equivalent translation by choosing a proverb or substituting a proverb with a non-paroemiatic unit.

Proverb translation requires both linguistic and extra linguistic features of languages. These features include culture as well. Cultural variations can cause language utterances to differ even when the language structures are the same. Therefore, a proverb should not be translated according just to its meanings in a dictionary – cultural conventions should be taken into consideration as well. There are many strategies that can be applied to proverb translations. As in [Baker, 2018, p. 64], the same meaning can be transferred differently in various languages; as a result, the proverbial expressions in SL might not have any equivalent expressions in TL. She also suggested five translation strategies to eliminate these probable difficulties [Baker, 2018, pp. 71–78]: (i) using a proverb similar in meaning and form, (ii) using a proverb similar in meaning although dissimilar in form, (iii) paraphrasing (finding non-idiomatic match), (iv) omission and (v) explanation.

3. Turkish, English, and French common proverbs about animals

3.1. Material and methods

The current study is a descriptive study investigating the proverbs contextually. The data were collected through scanning the related samples with animals included at least in one of the three proverbs being in equivalence relations. Then, the reasons for practical differences of the proverbs were discussed in the three languages with the focus on (i) why one animal is used in one language and another animal is used in the other, and (ii) why an animal is replaced with an object, or an object is replaced with an animal. In the current study, two of the five translation strategies for proverb translation were applied: (i) using a proverb similar in meaning and form, (ii) using a proverb similar in meaning although dissimilar in form [Baker, 2018, p. 64]. Turkish, English, and French common proverbs about animals were selected from various articles, journals and books with same or similar contexts for examination. Descriptive method was chosen as far as it typically gives comprehensive and detailed information of an issue [Siedlecki, 2020], gathers an organized, rich profile of a phenomenon [Polit, Beck, 2020]. Therefore, qualitative and quantitative techniques of analysis were combined in this study.

The total of 90 units were obtained for further data processing: 18 Turkish proverbs, 18 English proverbs, 18 French proverbs and 36 literal translations (18 Turkish-to-English and 18 French-to-English). The translations were classified into groups in accordance with [Baker, 2018, p. 64] translation strategies. Also, the proverbs were categorized depending on what they are related to and according to their contexts. Therefore, the proverbs in the three languages could have different literal meanings or words except animals in the same group, but they were all used in the same context.

Generally, the animal proverbs verbalize many concepts. In the current study, the most common concepts were chosen: greed, stability, determination, perseverance, threatening, mutual interest, criticism, success, determination, resilience, dissatisfaction, unity, solidarity, disorder, temperament, honesty, falsity, kindness, luck, predestination, warning, ambition and high hopes. Not every proverb had an animal expression in the three languages. For that reason, Turkish, English and French animal proverbs were categorized and investigated according to their contexts under the proper translation strategy.

3.2. Using a proverb of similar meaning and form

“This strategy involves using a proverb in the target language which conveys roughly the same meaning as that of the source language proverb and, in addition, consists of equivalent lexical items. This kind of match can only occasionally be achieved” [Baker, 2018, p. 72]. By using this strategy, an interpreter tries to find a proverb in the TL which is equivalent to the SL both in terms of meaning and lexical constituents. This strategy is hardly achieved as far as the majority of proverbs are language-and-culture-specific because here languages expose drastic differences in the way they verbalize a certain concept. Despite being rare, it is regarded as an ideal strategy for translating proverbs. Five examples below demonstrate the use of the strategy.

(1)

Turkish: Altın yumurtlayan tavuk kesilmez.

(Literal English translation: The chicken that lays the golden egg should not be slaughtered).

English: Kill not the goose that lays the golden eggs.

French: Il ne faut pas tuer la poule aux œufs d'or.

(Literal English translation: Do not kill the goose that lays the golden eggs).

The proverbs in (1) verbalize the concept of greed. The translations are literally the same in all three languages with the lexemes *gold* and *egg*, except the lexemes *kill*, *chicken*

and *goose*. In English and French, *kill* and *tuer* have the same meaning. Literally English and French translations are almost the same. It is not surprising if one thinks about the history of both nations and countries, and how their languages were interwoven. However, in Turkish, *kesmek* ‘cut’ is used instead of *kill*. The reasons are cultural. If you *öldürmek* ‘kill’ a chicken, it is considered uneatable for religious reasons. If you *kesmek* ‘cut’ a chicken, it dies as well but remains eatable. Here ‘cut’ means that it is killed in accordance with Muslim tradition. These three proverbs are also contextually the same – ‘losing a beneficent thing because of haste, greed or thoughtlessness’.

(2)

Turkish: Dereyi geçerken at değiştirilmez.

(Literal English translation: Horses should not be changed while crossing a stream).

English: Don't change horses in mid-stream.

French: Il ne faut pas changer de cheval au milieu du gué.

(Literal English translation: Do not change horses in the middle of the ford).

The proverbs in (2) verbalize the concepts of stability, determination and perseverance. The proverbs in the three languages have the same domestic animal ‘horse’ and the same context ‘crossing over a stream’. From this point of view the same proverb seems to be translated with the same context and with the same meaning ‘while performing a task, the method should not be changed in the middle of the task performance’. In all the three cultures, horses were valued as a vital (and the only) kind of transport during peace times and war times. It might have been borrowed from French into English in old times because of the closeness of the cultures and countries. Most probably, the Turkish equivalent came from French because at the beginning of the 20th century, French was very popular in Turkey, and it donated a significant number of words into Turkish. With the implementation of the Tanzimat reforms, French became the Ottoman Empire's semi-official language, although it did not belong to the Ottoman Empire's ethnic languages. However, it was the only Western language that educated people across all linguistic communities were speaking; French was practically universal on the territory of the Empire, somewhat like English is in the modern world [Strauss, 2010, 2016].

(3)

Turkish: Havlayan köpek ısırılmaz.

(Literal English translation: Barking dog does not bite).

English: Barking dogs seldom bite.

French: Chien qui aboie ne mord pas.

(Literal English translation: A dog that barks does not bite).

The proverbs in (3) mean that threatening seldom works. The proverbs in the three languages include the same nomination of the domestic animal – ‘dog’ – and the same context – ‘to bite while barking’. The three equivalents consist of almost the same words that verbalize the same concept. The meaning is ‘Noisy threats remain threats and generally are not real dangers’. Dogs are important domestic animals in all three cultures, generally known for their loyalty to the owners and readiness to protect them by barking or biting. Here, the meaning of the proverb might be based on the common experience that a dog cannot bark and bite at the same time.

(4)

Turkish: Köpek köpeği ısırılmaz.

(Literal English translation: The dog does not bite the dog).

English: Dog does not eat dog.

French: Les loups ne se mangent pas entre eux.

(Literal English translation: Wolves don't eat each other).

The proverbs in (4) verbalize the concept of mutual interest. The literal translation of Turkish proverb is ‘The dog does not bite the dog’ and the literal translation of French proverb

is ‘Wolves don't eat each other’. In Turkish and English, the proverb has the same domestic animal nomination – *köpek* ‘dog’ and *dog*, but in French it is *loup* ‘wolf’ while other words are the same. The context ‘to bite or eat each other’ is also alike. All the three have the same meaning of ‘disreputable people know each other very well, and a vile person does not harm any other vile person’. The choice of *loup* ‘wolf’ instead of *chien* ‘dog’ in French can be explained by the negative connotation the word ‘dog’ has (usually for a man meaning dirty, unfaithful, a womanizer, a vile person). Wolf lives in the forest, it is savage and scary, and there are a lot of expressions inspired by wolves in French language such as ‘when you speak of the wolf you see its tail’, ‘(Walking) à pas de loup (tiptoeing around)’, ‘wolf-cold’, ‘known as the white wolf’. Therefore, ‘wolf’ replaces ‘dog’ in French to inspire disreputability.

(5)

Turkish: İt ürür, kervan yürür.

(Literal English translation: The dog barks, but the caravan walks).

English: The dogs bark, but the caravan rolls on.

French: Les chiens aboient, la caravane passe.

(Literal English translation: Dogs bark but the caravan moves).

The proverbs in (5) convey the message of moving ahead despite criticism. Here, the proverbs in the three languages have the nominations of the same domestic animal: *İt* ‘dog’, *chien* in the same context ‘to bark while caravan moves’. The proverb has Turkish origin according to [Antoine, 1823, p. 152], and it may have been borrowed into Turkish from Arabic as many other lexical and phraseological units (before becoming a republic, Turkish used Arabic writing system). From Turkish, this proverb must have been translated into French and English with the meaning ‘a person should not pay attention to what others say about her/him, but s/he should do as s/he sees proper’. The domesticity of the dog is emphasized again because in old times the trade was made through caravans and the dogs were watching them.

3.3. Using a proverb of similar meaning but dissimilar form

Some proverbs in various languages may have different lexical components, but the meanings of the proverbs could still be identical. In other words, translation of a proverb in the TL means the same as in the SL, but its lexical components are different. In this case, the meaning of the target proverb is the same as that of the original proverb, although the lexical items are different [Baker, 2018, p. 79].

(6)

Turkish: Erken kalkan (çıkan) yol alır, er evlenen döl alır.

(Literal English translation: The one who gets up early gets the way, the one who gets married sooner gets offspring).

English: Early bird catches the worm.

French: L'avenir appartient à ceux qui se lèvent tôt.

(Literal English translation: The future belongs to those who get up early).

The proverbs in (6) verbalize the concept of success. Starting to do something early can maximize the benefit. Only English proverb contains the word *bird*. The Turkish proverb has a “hidden subject” referring to the 3rd person singular pronoun she / he in English and ‘O’ in Turkish. The French one has the word *ceux* which means ‘those / those people’ referring to the 3rd person plural pronoun. Therefore, in Turkish and French equivalents, instead of ‘bird’ the 3rd person singular pronoun as a ‘hidden subject’ in Turkish and 3rd person plural pronoun in French are used respectively. The three translations have different words and mean different things literally. However, they are contextually the same, and the meaning of each proverb is ‘an individual who starts a work or a project early will succeed soon’.

(7)

Turkish: Güllü seven dikenine katlanır.

(Literal English translation: The one who loves the rose endures its thorns).

*English: He that would have eggs must endure the cackling of hens.**French: Pas de rose sans épine.*

(Literal English translation: No rose without a thorn).

The proverbs in (7) verbalize the concept of determination and resilience. Only English proverb contains the animal nomination (*hen*). Turkish and French equivalents contain the words with the meaning of ‘rose’ (*gül, rose*) and ‘thorn’ (*diken, épine*). Here again, the Turkish proverb has a ‘hidden subject’ referring to 3rd person singular pronoun she / he and ‘O’ in Turkish. In the French one it is actually ‘Il n’y pas de rose sans épine.’ with the meaning ‘There is no rose without a thorn.’ However, again in French language if the sentence with ‘there is / are’ is negative, then ‘il n’y...’ is omitted. It can be suggested that this proverb was translated into Turkish from French. There are literal and semantic similarities between Turkish and French proverbs, and the English proverb is literally and syntactically different from the other two. However, all the three have the same contextual meaning that ‘no problem or obstacle can prevent a resilient and ambitious person from achieving her / his goal’. Rather than employing animal metaphors, like in English, both Turkish and French proverbs appeal to a plant and its part (metonymic usage). The meaning ‘a resilient and ambitious person cannot be prevented from her / his target easily’ has a parallelism with enduring the thorns of roses and chicken’s cackling that are used to render the same meaning.

(8)

Turkish: Komşunun tavuğu komşuya kaz görünür.

(Literal English translation: Neighbor's chicken looks like a goose for another neighbor).

*English: The grass is always greener on the other side of the fence.**French: L'éloignement augmente le prestige.*

(Literal English translation: Remoteness increases prestige).

The proverbs in (8) verbalize the concept of dissatisfaction. The three proverbs are characterized by different syntactic patterns, but their contexts are similar, and the meanings are the same – ‘the things that do not belong to a person seem more appealing than her / his own possessions’. Only the Turkish proverb contains animal nominations – *tavuk* ‘chicken’ and *kaz* ‘goose’. In Turkey, chicken is a very common domestic animal bred for eggs and meat. Unlike chicken, goose is a rare domestic animal, therefore it is more valuable in terms of eggs and especially meat and, consequently, more expensive than chicken in Turkish agricultural household. In English, the idea of the border between something that does not belong to a person and something that does is verbalized by the expression including a concrete noun ‘*the other side of the fence*’ while in French it is expressed by an abstract noun *l'éloignement* ‘remoteness’.

(9)

Turkish: Üşüntü köpek mandayı paralar.

(Literal English translation: A flock of dogs can tear to pieces a water buffalo).

*English: Two heads are better than one.**French: Deux avis valent mieux qu'un.*

(Literal English translation: Two opinions are better than one).

The proverbs in (9) verbalize the concept of unity and solidarity. The three proverbs are characterized by different syntactic patterns, but their contexts are similar, and the meanings are the same – ‘the things a person cannot do are done by a group of people in unity’. Only the Turkish proverb contains an animal nomination – *köpek* ‘dog’. Again, a dog’s guarding skills are exploited – dogs as the guards of the flocks of sheep, goats, etc., especially against wolves in rural areas. It is stressed that not one dog but a few of them together can fight against the wolves and there is a parallelism with ‘water buffalo’ to indicate the power of dogs in unity. Instead of

animal metaphor, English exposes the metonymic use of a concrete noun *head* while French uses an abstract noun *avis* ‘opinion’. Unlike Turkish, both languages appeal to people.

(10)

Turkish: Horozu çok olan köyün sabahı geç olur.

(Literal English translation: The village with many roosters is late in the morning).

English: Too many cooks spoil the broth.

French: Trop de marmitons gâtent la sauce.

(Literal English translation: Too many scullions spoil the sauce).

The proverbs in (10) are contrary in a way to the ones in (9) meaning that a job must be done by one professional rather than by many. Thus, proverbs in (10) verbalize the concept of disorder. The three proverbs are characterized by different syntactic patterns, but they share the same context and meaning – ‘when many people and ideas come to clashes performing one and the same task, the result is rarely good’. Only the Turkish proverb contains an animal nomination – *horoz* ‘rooster’. The rooster is associated with the sun and pride in many cultures, and there is a link between the sound of its crowing and the break of day. The rooster's first-known characteristic is its ability to herald the approach of morning in Turkish culture. The rooster's ability to adapt its crowing without deviation, even in the face of varying night lengths, is one of its most admired traits. In Turkish culture people used to sleep early and wake up at dawn especially in villages and in rural areas with their roosters’ crowing to perform their morning prayers and then go to work in their fields, yards or other places. However, both English and French equivalents appeal to food and those who cook it. The common element is *cook* and *scullion* ‘cook’ while the dishes are different (*broth* as a and *sauce* that).

(11)

Turkish: Huylu huyundan vazgeçmez.

(Literal English translation: One doesn't give up the acquired temper).

English: You can't teach an old dog a new trick.

French: L'habitude est une seconde nature.

(Literal English translation: Habit is a second nature).

The proverbs in (11) are about character and temperament. Only the English proverb contains an animal nomination – *dog*. The three proverbs have different words and mean different things literally. However, there are similarities in contexts and meanings: ‘an individual may learn new things with difficulty because that person already knows how to do things in her/ his own way’. Dogs can learn to some extent in early period of their lives. The difficulty of teaching them something new later in life has a parallelism with teaching people in English culture. In Turkish and French *huyundan* ‘temper’ and *L'habitude* ‘habit’ correspondingly are used to render the same meaning.

(12)

Turkish: Adamın adı çıkacağına canı çıksın.

(Literal English translation: Let a man die instead his name will come out).

English: Give a dog bad name and hang him.

French: Qui veut tuer son chien, l'accuse de la rage.

(Literal English translation: Who wants to kill his dog, accuses him of rabies).

The proverbs in (12) are about honesty and falsity. English and French proverbs contain the same domestic animal nomination – *dog* and *chien* ‘dog’ – in the same context – killing or dying. Again, such similarity can be explained by the closeness of English and French cultures. The Turkish equivalent is anthropocentric exploiting the noun *adam* ‘man’ to convey the same meaning that ‘once a person’s reputation is besmirched, her / his life becomes harder’ (better die than put your name to shame). The reason is that negative connotations of ‘dog’ in English and French cultures are not found in Turkish.

(13)

Turkish: Tatlı dil yılanı deliğinden çıkarır.

(Literal English translation: Sweet words get the snake out of its hole).

*English: Honey catches more flies than vinegar.**French: Douce parole n'écorche pas langue.*

(Literal English translation: Sweet speech does not scratch the tongue).

The proverbs in (13) are about being nice to others – kind words make the evil surrender. All the three proverbs mean the same – ‘if you are polite instead of being rude and insolent, you can get what you want easier’. Turkish and English ones contain nominations of two different animals – *yılan* ‘snake’ and fly respectively, but the French one does not. Snake is most commonly known to be associated with evil while *fly* does not have such associations. In all the three, the idea of sweetness is exploited, but the oppositions are different: sweet – snake in Turkish, honey – vinegar in English and sweet – scratch in French.

(14)

Turkish: Baykuşun kısmeti ayağına gelir.

(Literal English translation: Owl's fortune comes to her feet).

*English: A cat has nine lives.**French: Un chat a neuf vies.*

(Literal English translation: A cat has nine lives).

The proverbs in (14) verbalize the concepts of luck and predestination. All the three express the same meaning of ‘being lucky enough to feed oneself and getting rid of dangerous and difficult conditions’, all the three contain animal nominations: *baykuş* ‘owl’ in Turkish, *cat* in English, *chat* ‘cat’ in French. The same nominations in English and French stem from their cultural closeness. In English and French contexts, cats are lucky, and they can survive despite difficulties. In Turkish, *baykuş* ‘owl’ is used instead. Owls are wild animals, they must hunt for living, but cats are considered domestic animals that do not have to struggle so hard for their survival. In Turkish context, it is emphasized that owls are lucky, and the food can come to owls even if they cannot hunt. This difference about how to be accepted as lucky may stem from the cultural differences between Turkey, on the one hand, and western countries – on the other.

(15)

Turkish: Anlayana sivrisinek saz, anlamayana davul zurna az.

(Literal English translation: Mosquito is a musical instrument for those who understand, drums and clarion are little for those who don't understand).

*English: A word to the wise is enough.**French: À bon entendeur, salut!*

(Literal English translation: Greetings to a good hearer).

The proverbs in (15) express the value of even a single hint for an intelligent person. Literally, all three proverbs are different, however the context and the meaning are the same – ‘a slight warning is enough for an intelligent person’. Only in the Turkish proverb an animal nomination (*sivrisinek* ‘mosquito’) is used. A mosquito is a small animal with a disturbing buzz. When people hear mosquitos, they generally try to get rid of them quickly. In Turkish, this little voice of a mosquito is compared to a big orchestra meaning that if a person is wise and sensitive enough, s/he can understand the matter even from a slight hint. English and French equivalents are, again, anthropocentric making use of ‘the wise’ and ‘the hearer’ respectively. The closeness of English and French can be seen in the fact that instead of an animal, a person is used to convey the same meaning.

(16)

Turkish: Dereyi görmeden paçaları sıvamak.

(Literal English translation: Rolling up one's trotters without seeing the stream).

English: Don't count your chickens before they hatch.

French: Il ne faut pas vendre la peau de l'ours avant de l'avoir tué.

(Literal English translation: Do not sell the skin of the bear before killing it).

The proverbs in (16) advise us not to be in a hurry for an expected thing or situation. English and French proverbs contain different animal nominations: *chicken* (domestic animal) and *l'ours* 'bear' (wild animal) respectively. The Turkish equivalent does not include an animal nomination. Instead, the idea of 'crossing the stream' is exploited. On the surface, the context seems different. However, looking deeper, one can clearly see similarity in the meaning of 'to reap the benefits before the task is accomplished'.

(17)

Turkish: Denize düşen yılanı sarılır.

(Literal English translation: If a person falls into the sea, s/he holds on even a snake).

English: A drowning man will catch at a straw.

French: Un homme qui se noie se raccroche à un fêtu.

(Literal English translation: A drowning man clings to a straw).

The proverbs in (17) are about the desire to survive in a desperate situation. In contrast with example (16), English and French proverbs do not contain animal nominations while the Turkish proverb does. The context for all the three is the same – 'one can do desperate things in desperate times'. English and French proverbs exploit the lexical units 'a drowning man' and 'straw'. Although in the Turkish equivalent a person is not directly given the attribute of drowning, the indirect appeal to 'a drowning man' is quite clear. The desperateness of the situation in English and French is verbalized by *straw* whose properties are completely unsuitable to hold a drowning person while in Turkish an appeal is made to *yılan* 'snake' with slippery body and evil nature which in Turkish culture is no match to a good-natured religious Turkish person.

(18)

Turkish: Boğulursan büyük suda (denizde) boğul.

(Literal English translation: If you drown, drown in the great water (sea)).

English: As well be hanged for a sheep as a lamb.

French: Tant qu'à être pendu pour un mouton, autant l' être pour un agneau.

(Literal English translation: As long as you hang for a sheep, you might as well hang for a lamb).

The proverbs in (18) verbalize the concept of high ambition. The three proverbs are contextually similar meaning that 'it is better to take risk, and then, even if you fail, your failure may be accounted as success'. As in (17), English and French demonstrate the highest degree of similarity exploiting two animal nominations (*sheep* and *lamb*, *mouton* 'sheep' and *agneau* 'lamb' respectively). In general, the lexical equivalence of the two is very high (e.g. the use of the verbs *hang* and *pendu* 'hang') as well as the word order similarity. The Turkish proverb does not contain an animal nomination. Instead of 'hang' and 'sheep', 'drown' and 'sea' are used.

4. Conclusion

Proverb studies in Turkish have a long history and are numerous in Turkish literature. English and French literatures also provide many proverbs, and the two languages borrow various proverbs from each other. When animal proverbs in different languages are investigated, the results may suggest that, on the one hand, specific traditions, customs and cultures of people are reflected in proverbs. On the other hand, proverbs may be accepted as universal values as well because the animal proverbs investigated in the current study have contextual similarities.

The concepts verbalized in the proverbs that were analyzed in the current study included greed, stability, determination, perseverance, threatening, mutual interest, criticism, success, determination, resilience, dissatisfaction, unity, solidarity, disorder, temperament, honesty, falsity, kindness, luck, predestination, warning, high ambition. The most common

animal found in the proverbs in the three languages is dog. Then, domestic animals such as horse, chicken, hen, goose, cat, sheep, bird, fly as well as wild animals such as snake, owl, mosquito, bear appear in the proverbs. In all the three cultures, dog, chicken, sheep, horse have been viewed as great companions for humans since old times. On the contrary, snake, wolf and bear have bad reputations being accepted as evil by many nations.

Out of 18 groups of proverbs (each including Turkish, English and French equivalents), 5 demonstrated equivalence of form, context and meaning with the same animal nominations. Among the 13 groups, 9 showed higher equivalence between English and French proverbs, 3 – between Turkish and French proverbs and only 1 – between Turkish and English proverb.

It was found that the connotations of animals like dog, chicken, horse, cat, bird, goose, snake, wolf may be suggested as similar in Turkish, English and French. It is obvious that animal proverbs have different connotations in various languages. However, in the current study, only the ones with the same connotations were chosen.

The reason why one or two languages of the three have animal nominations in a proverb while the other(s) does/do not have it may be explained by traditional, religious, geographical and historical differences. Due to these differences, proverbs in many cases cannot be translated directly into target languages. Therefore, while translating proverbs, the context and meaning should be preserved to convey the meaning of SL proverb into TL. With the usage of the two strategies exemplified in this study by 18 groups of proverbs, the original meaning of animal proverbs can be translated into target language properly.

The comparisons of animal proverbs in the current study contribute to understanding the variety and resemblance of the three cultures and their ways of thinking and living, aesthetic and religious beliefs and their surroundings. The obtained results also provide new ways of understanding the three cultures in a way that the same similarities and differences are referred by different or the same proverbs and the same meanings can be conveyed by different animals in different languages.

References

- Anderson, R. C., & Nagy, W. E. (1989). Word meanings. *Center for the Study of Reading Technical Report*, N 485.
- Annaberdiyev, D. (2013). Türkmen halk biliminde atasözü tanımlamalarına genel bir bakış [An overview of the definitions of proverbs in Turkmen folklore]. *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*, 13 (2), 185–197.
- Arekeeva, Iu. E. (2022). Aktualizatsiya oppozitsii «svoï – chuzhoy» v paremiyakh (na materialakh kitayskogo politicheskogo mediadiskursa) [Actualization of the opposition “friend – foe” in paroemias (Based on Chinese political media discourse)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 5–16. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5
- Baker, M. (2018). *In other words: A coursebook on translation*. Routledge.
- Das, B. K. (2005). *A handbook of translation studies*. Atlantic Publishers & Dist.
- Dobrovol'skij, D., & Piirainen, E. (2018). Conventional figurative language theory and idiom motivation. *Yearbook of Phraseology*, 9 (1), 5–30.
- Gibbs Jr, R. W. (2001). *Proverbial themes we live by*. *Poetics*, 29 (3), 167–188.
- Hamilton, V. (2013). The Dictionary of Modern Proverbs. *Reference Reviews*, 27 (6), 30–31. <https://doi.org/10.1108/RR-04-2013-0066>
- Ivanov, E. E., & Petrushevskaja, J. A. (2015). Etymology of English proverbs. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], 8 (5), 864–872.
- Kindstrand, J. F. (1978). The Greek concept of proverbs. *Eranos. Acta Philologica Suecana Uppsala*, 76 (2), 71–85.
- Leboux de La Mésangère, P. A. (1823). *Dictionnaire des proverbes français*. Paris, Treuttel & Würtz.
- Mieder, W. (2019). *“Right Makes Might”: Proverbs and the American Worldview*. Indiana University Press.

- Millar, S. R. (2020). Openness, Closure, and Transformation in Proverb Translation. *The Bible Translator*, 71 (1), 79–100.
- Mosina, N. V., & Mikhaylova, N. E. (2022). Semanticheskie osobennosti paremicheskikh edinit s komponentom «rabota i trudovaya deyatelnost'» v angliyskom, nemetskom i russkom yazykakh [Semantic features of paremic units with the component “work and work activity” in English, German and Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (4), 103–111. (In Russ). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_103
- Nida, E. (1964). *Toward a Science of Translating*. Leiden : J. Brill.
- Njui, M. M. (2019). Linguistic Interpretation of Proverbs in the Kenyang Language. *Journal of Language Teaching and Research*, 10 (3), 421–426. <https://doi.org/10.17507/jltr.1003.03>
- Polit, D., & Beck, C. (2020). *Essentials of nursing research: Appraising evidence for nursing practice*. Lippincott : Williams & Wilkins.
- Ricoeur, P. (2007). *On translation*. Routledge.
- Rozenkova, Ch. E., & Shustova, S. V. (2018). Animalisticheskiy kod: sopostavitel'nyy i lingvodidakticheskiy aspekty [Animalistic code: Contrastive and linguodidactic aspects]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (2), 79–90. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-71902018_4_2_79_90
- Shustova, S., Pinyagin, Y., Komarova, Y., Abdulina, A., & Androsova, S. (2021). Actualization of Optative Mood in Russian paroemias. *Applied Linguistics Research Journal*, 5 (2), 200–204. <https://doi.org/10.14744/alrj.2021.26097>
- Shustova, S. V., & Tyapugina, A. E. (2020). Aktualizatsiya animalisticheskogo koda kul'tury vo frazeologii russkogo i angliyskogo yazykov [Animalistic cultural code actualization in Russian and English phraseology]. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_190_199
- Siedlecki, S. L. (2020). Understanding descriptive research designs and methods. *Clinical Nurse Specialist*, 34 (1), 8–12.
- Simpson, J. & Speake, J. (2015). *Oxford Dictionary of Proverbs*. 6th edn. Oxford : Oxford University Press.
- Stanek, K. (2018). Dil ve kültür arasındaki bağlantı-"merhamet" duygusunun dilsel dünya tasviri (Türk atasözleri ve deyimleri) [The connection between language and culture – the linguistic world description of the feeling of “compassion” (Turkish proverbs and idioms)]. *Turkic peoples through the ages and lands* (pp. 486–496). Warszawa.
- Strauss, J. (2010, June). A Constitution for a Multilingual Empire. Translations of the Kanun-i Esasi and Other Official Texts into Minority Languages. *The first Ottoman experiment in democracy* (pp. 20–52). Ergon-Verlag.
- Strauss, J. (2016). Language and power in the late Ottoman Empire. *Imperial Lineages and Legacies in the Eastern Mediterranean* (pp. 115–142). Routledge.
- Unseth, P. (2006). Analyzing and using receptor language proverb forms in translation. Part 2: Application. *The Bible Translator*, 57 (4), 161–170.
- Vendryes, J. V. (2001). Dil ve düşünce [Language and thought (Çev. Berke Vardar)]. *Multilingual Yayınları*. İstanbul.
- Zimovets, N. V., & Matveeva, A. A. (2013). K voprosu o proiskhozhdenii angliiskikh poslovits i pogovorok [The origin of English proverbs and sayings]. *Aktual'nye voprosy perevodovedeniia i praktiki perevoda* [Current issues of translation studies and practice of translation]: Collected articles (Vol. 3, pp. 27–29). N. Novgorod : Al'ba Press. (In Russ).
- Zyryanov, M. S., Kashpur, V. V., Andreeva, T. L. (2021). «Svoy»: analiz yazykovoy reprezentatsii i modelirovanie kategorii (na materiale sushchestvitel'nykh, funktsioniruyushchikh v tekstakh rossiyskikh i amerikanskikh SMI o vooruzhennom konflikte v Sirii) “Friend”: Analyzing linguistic representation and modeling the category (Based on Russian and American media texts on the armed conflict in Syria). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (1), 46–62. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_46_62

УДК 81'33

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_35

Dmitry Yu. Gruzdev, Dmitry O. Kodzhebash
Military University, Russian Ministry of Defense
Moscow, Russian Federation
gru@inbox.ru

POS-powered queries for neat and lean concordances in ad-hoc corpora analysis

Abstract

The paper addresses the ways of boosting the query effectiveness in ad-hoc, a.k.a. DIY corpora. Based on the established trend of abandoning KWIC approaches in favor of pattern searches in the practice of professional translators, we hypothesize that advanced methods, including regular expressions and annotation, have a potential of accommodating them. The former has already proven an efficient text analysis tool for programmers while the latter takes credit for today's NLP technologies. It is the aspect that can be harnessed for increasing the efficiency of performing translation tasks. The obvious problem with ad-hoc corpora is that they rarely mature beyond the raw corpus status. However, tagging automation makes further improvements desirable. To grasp the potential of a tagged DIY corpus, we picked a random collection of news texts published in 2019–2020 and subjected it to automatic POS-tagging, acting as a computing lingua franca for more comprehensive and less constraining queries. The primary goal was to retrieve patterns based on the parts of speech of constituent words rather than anchor the search efforts to specific words. Taking advantage of existing tools, namely AntConc and TagAnt, we test the hypothesis. This confirmed the relevance of POS tagging of ad-hoc corpora for template extraction of linguistic data by translators. The resulting concordances, more concise and relevant, go a long way in keeping the analysis time lower, hence better overall efficiency.

Keywords: tags, POS, regular expressions, information retrieval, query, annotated corpus

© Gruzdev D. Yu., Kodzhebash D. O. 2023

For citation: Gruzdev, D. Yu., Kodzhebash, D. O. (2023). POS-powered queries for neat and lean concordances in ad-hoc corpora analysis. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 35–48. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_35

Груздев Дмитрий Юрьевич, Коджебаш Дмитрий Олегович
Военный университет
г. Москва, Российская Федерация
gru@inbox.ru

Поиск лингвистической информации в аннотированном электронном корпусе текстов

Аннотация

В статье рассматриваются способы повышения эффективности запросов в специальных корпусах текстов. Исходя из сложившейся в практике профессиональных переводчиков тенденции отказа от поиска по ключевому слову в пользу шаблонных запросов, выдвигаются гипотеза, что регулярные выражения и аннотация, поддерживаемые современными корпус-менеджерами, имеют потенциал для более продуктивного извлечения лингвистической информации из корпуса текстов. Регулярные выражения уже полноценно используются программистами для анализа текста, в то время как аннотация легла в основу всех современных технологий обработки естественного языка. Это может быть использовано для повышения эффективности решения переводческих задач. Очевидной проблемой специальных корпусов является узкое окно релевантности, в результате чего скорость составления и подготовки ресурсов становятся главными критериями наряду с репрезентативностью. Это соответствует требованиям переводчиков,

постоянно сталкивающихся с потоком текстов из различных областей, но в то же время препятствует дальнейшему совершенствованию подготовленных корпусов текстов. Таким образом, жизненный цикл большинства специализированных корпусов завершается поиском и аккумуляцией текстов в соответствии со стоящей лингвистической задачей. Однако благодаря автоматизации аннотации дальнейшее совершенствование ресурсов становится перспективным. Чтобы оценить потенциал аннотированного специализированного корпуса, мы провели разметку корпуса новостных текстов за 2019–2020 гг. С помощью морфологической разметки был сгенерирован промежуточный язык между корпус-менеджером и корпусом текстов для реализации сбалансированных запросов для извлечения конструкций и фраз на основе частей речи без привязки к конкретным лексическим единицам. Для проверки гипотезы использовались корпус-менеджер AntConc и программа для морфологической разметки TagAnt. В результате подтвердился потенциал морфологической разметки по подготовке специальных корпусов для шаблонного извлечения лингвистических данных при поиске путей преодоления переводческих трудностей. Составленные конкордансы отличаются более ёмкими и релевантными совпадениями, что способствует сокращению времени анализа.

Ключевые слова: теги, частеречная разметка, регулярные выражения, извлечение лингвистической информации, запрос, аннотированный корпус

© Груздев Д. Ю., Коджебаш Д. О. 2023

Для цитирования: Gruzdev D. Yu., Kodzhebash D. O. POS-powered queries for neat and lean concordances in ad-hoc corpora analysis // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 35–48. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_35

1. Introduction

In the past five decades, corpora have become key to multiple NLP solutions. However, text selection, which was extremely time consuming when computer technologies were in their infancy, went as far as providing manual search and data retrieval. A true multiplier of corpus studies came in the form of annotation, tagging and parsing. Today's state-of-the-art language technologies – speech-to-text (STT), voice synthesis and recognition, machine translation, etc. – are all products of annotated corpus in one way or another [Hlaing et al., 2022]. For example, the naturalness of speech output in voice synthesis is as much dependent on phonemic representations as lexical stress markings, syllable boundaries or part-of-speech tagging [Lőrincz et al., 2021].

A significant portion of modern efforts in the development of e-tools for intercultural communications is marked by the departure from statistics in favor of semantics, which is covered by annotation as well. This is also relevant for application within a single language, for example, to extract a summary “based on a combination of semantics and statistics [Widyassari et al., 2022].” Other noteworthy example is the development of an adaptive information extraction system in biomedical domain based on high-quality semantically annotated corpora [Roberts et al., 2009].

Annotation has become an integral part of modern corpora used in advancing AI language solutions. The trend takes end users out of the loop, turning the technology into a black box. No matter the results, impressive by any standards, the lack of understanding takes the initiative of corpus application and adjustment from the hands of professionals.

Under the circumstances any ad-hoc solution needed the involvement of a programmer. Not that there have been few in the past decade. Most were done in under resourced languages or to meet requirements of people occupied in fields other than linguistics. Again, non-linguists find annotated corpora useful for automatic information retrieval. For instance, some recent studies focused on making computers distinguish multitoken titles of entities or names of proteins in medical researches [Yamamoto et al., 2005].

Back to linguists, the feature of choice still remains the KWIC (key word in context) search option. This is accounted for by the fact that people in this trade, translators in particular, tend to use words or their combination to overcome difficulties and find a solution to a problem. However, as their language proficiency grows, translators gain everything there is to engage corpora in checking grammar structures [Zanettin, 2013]. However, the use of specific words will prove to be counterproductive due to the lack of fuzzy search algorithm in corpus-managers.

Template search in a corpus of texts allows to make up for the lack of the algorithm. In this respect regular expressions have become a major tool providing a flexible context of the checked lexical unit, thus increasing the efficiency of the linguistic information retrieval [Gruzdev et al., 2022]. The main drawback of the corpus is that the computer perceives a word as a chain of characters and the text as a sequence of character groups [Albukhitan et al., 2020]. Therefore, when writing a query pattern, it is essential to integrate wild cards, for example, with formal attributes of parts of speech (POS) to clarify the role of the searched unit context. This way the program is instructed as to the functions of character groups in a sentence. Annotation on the other hand can specify additional features for each word in advance, thereby preparing a large array of texts for pattern analysis. Due to the labor-intensive processing, i.e. tagging and annotation, in corpus linguistics, the approach has not been used by translators until recently. The emergence of automatic corpus markup software calls for evaluation of the effectiveness of regular expression (RegEx)-powered template search in the annotated corpus.

2. Tools

To achieve the goal set in the paper, the research will need the following tools and instruments: 1) corpus manager supporting regular expressions, 2) automatic annotation tools, 3) additional processing tools for optimizing text parameters in the corpus, 4) news corpus of texts in .txt format.

When selecting resources, specific attention was paid to the functionality of the software, which should include a variety of search settings, support regular expressions, and annotated corpus queries. In previous studies, the preference was given to the AntConc corpus manager packing all the necessary functionality. Due to the generated experience with the software, its accessibility and user-friendly interface, the choice was made in favor of AntConc 3.5.9 [AntConc, 2020]. In addition to the corpus manager, its designer Anthony Laurence developed a number of corpus research software, including automatic annotation software TagAnt and file preparation software AntFileSplitter, which meet the requirements of this study as well [TagAnt, 2022; AntFileSplitter, 2019].

For a raw corpus, it was decided to adopt 2019 and 2020 news corpora available online [Goldhahn et al., 2012]. Note that the qualitative aspect of the corpus does not constitute a factor in the attainment of the goal, thus the fact of having a ready-made tool was decisive. The sample of news texts published within a certain period meets the basic requirements for this class of electronic linguistic resources, namely – consistency in time and topics, and representativeness within the framework of the study [Gruzdev, Gruzdeva & Makarenko, 2019].

In accordance with the goal of the research, additional processing of the corpus was carried out with TagAnt followed by the breaking of the bulk files of the original corpus to the optimal size by AntFileSplitter to increase the AntConc processing speed.

The resulting tool will be used to conduct a series of experiments to evaluate the effectiveness of RegEx-powered patterned information retrieval strategies in an annotated corpus.

3. Materials and methods

With the development of electronic linguistic corpora in the second half of the 20th century it became possible to organize the storage and processing of large arrays of texts.

However, to automate the analysis and extraction of information, it was necessary to train computers to understand natural language. As a result, efforts were mounted to standardize language interpretation. By the end of the 1990s, a terminological basis had taken shape: a distinction was made between markup and annotation. The former provides extralinguistic characteristics of the language, for example, the genre of the text, situation, gender, age of the participants in the dialogue, etc. As a rule, these do not lead to ambiguity. The opposite happens in annotation whose purpose is to interpret the language. In this case, the potential for ambiguous results is much greater [Gruzdev, Gruzdeva & Makarenko, 2019]. It is this area of corpus processing that paved the way to breakthrough technologies in language application in the early 2000s and not so much time later proved to be a stumbling block.

The new millennium became a watershed for the corpus linguistics. During its conception and development, most of the projects were manual, garnering the interest of specialists. Everyone could try to adapt the resource to their own needs. Thus, translators saw enormous opportunities in it to search for linguistic information, to test their solutions in terms of quality and efficiency, and even relevance in the target language – something that had been achievable in a conversation with a native speaker only [Gruzdev et al., 2019].

However, advances in the first five years of the 2000s led to the automation of the translation process and the design of sophisticated products to meet the needs of most potential users. There was a leap from the study of the annotation problem to the successful application of the results in automated systems. People owe this to the emergence of voice recognition and speech transcription software, machine translation, and search engines with fuzzy search capabilities [Gruzdev et al., 2019]. At the same time, the interests of narrow specialists, including translators, were left unabated. These tools no longer seemed like raw resources. Since 2006, certain open-ended projects in the field of text processing automation, among them the AOT initiative by the Russian State University for the Humanities, have fallen into oblivion [Zanettin, 2013].

The annotated corpus is still used in individual language studies, for example, when compiling dictionaries and conducting special projects [Zanettin, 2013]. With the integration of an interlingua in the form of annotation, it is possible to highlight to the computer any features of the texts being studied in the corpus. Thus, completely exotic projects have emerged, one of them being S. Granger's educational annotated corpus compiled in 1998 to include papers of English language learners. S. Granger deliberately marked up the errors [Laviosa, 2004].

Translators are more likely to use specialized corpora without additional processing in the form of markup and annotation. The reason for this is the labor-intensive nature of the additional preparation of a corpus, which is unacceptable given the permanent backlog and ever-shifting subject matters of texts coming for translation [Soumia et al., 2017]. Furthermore, as a result of the logical decline in the need for the tool as more experience is gained in a certain area makes the prospect of additional hours or days spent improving the resource less appealing.

The solution to the problem lies in automation of the annotation stage. Since the purity, relevance and representation of the ad-hoc or DIY (do-it-yourself) corpus determines the quality of the resource, the translator's participation in the selection of material is essential [Gruzdev, 2011]. As experience is gained, the time to compile a raw corpus can be reduced to tens of minutes. However, further processing of the prepared instrument requires considerable time and the old man-in-the-loop approach seems as essential as ever before. What has not been said in the paper so far is that the breakthrough in the early 2000s resulted precisely from the automation of standard types of annotation – albeit with a slight reduction in quality from 98% to 95–96% – which can accelerate the process of extracting linguistic information from electronic corpora of texts [Névéol et al., 2010].

The standard types of annotation correlate with the main levels of language. A distinction is made between POS (part-of-speech), syntactic, prosodic, phonetic, and

semantic annotation. The type, the depth and quality of processing determine the applied value of the instrument. It is essential for a translator to find information quickly, so query and search will be decisive in selecting the type of annotation used.

The main challenge is to standardize natural language for the computer. The logic is simple: the computer perceives text as a continuous series of groups of characters that in natural language humans perceive as words. Similar to mathematical examples, variables must be introduced to group sentences into patterns and provide pattern information retrieval. It should be noted that programmers have achieved standardization of language by using regular expressions, which have also been successfully used to extract linguistic information from a corpus [Gruzdev et al., 2019]. However, programmers deal with ordered syntax as opposed to natural language with all the variety and unpredictability that the translator encounters in practice.

For modeling pattern-based queries, it is essential to establish recurring relationships in a language. Naturally, these are observed at the sentence level. An optimal annotation would be a mask breaking the text down into sentence members, which is difficult to perform automatically without further disambiguation due to the lack of persistent features in the groups of characters pertinent to the sentence parts [Albukhitan et al., 2020]. In addition, the same lexeme can perform the functions of different sentence members, adding to the ambiguity, thus further complicating querying. In view of all the limitations, it is advisable to consider the text for regular and recurring patterns, e.g., at the level of parts of speech.

At the POS level, annotation can be performed by automatic means with minimal errors. Moreover, this type of corpora processing is the most common and elaborated essentially laying the groundwork for other standard annotations [Alhasan & Al-Taani, 2018]. Therefore, it will only be logical to study POS annotation more thoroughly for mating it with the RegEx function of corpus managers to boost the efficiency of search and retrieval of linguistic information.

4. Results

In any annotation a set of tags is of primary importance. It is this aspect that shapes the intermediate language that ensures the automation of the corpus analysis and querying [Alkhatib et al, 2021; Shrestha & Dhakal, 2021]. Most standard annotations are individualized, which does not provide continuity in researches and complicates future refinements and improvements. From this point of view, POS annotation is the most standardized in terms of the tag set [Gruzdev et al., 2022].

Indeed, there is little variability, but the basis is always one of the CLAWS (Constituent Likelihood Automatic Word-tagging System) sets. Needless to say that even this successful model has not overcome the plague of all annotation and markup systems, i.e. ambiguity which remains at 3%. The project developed eight sets of C1-C8 tags varying in depth and thoroughness. It was assumed that C8 with the most elaborate set would be able to distinguish particular POS instances. However, this also failed to eradicate the problem. As it turned out, more tags lead to a higher degree of ambiguity in the annotation process but allow a more precise querying in processed corpora. Thus, the most common C5 (60 tags) and C7 (152 tags) were used in the British National Corpus (see Example 1, CLAWS). The smaller set of tags was used to process the entire corpus while the more elaborate one was applied to a small sample of two million tokens followed by manual verification.

Given the challenges and needs of a translator to compile an annotated corpus in the shortest possible time without having to disambiguate the results, it makes sense to limit yourself to a small set of tags. This is exactly what the developer of TagAnt, Anthony Lawrence, has done [TagAnt, 2022]. The software designer himself recommends the TreeTagger set of 58 tags (see Table 1, Treetagger Tag Set). In quantitative and qualitative

composition, the set is very close to C5. The success of this set in a large BNC annotation project proves its feasibility beyond any doubt.

Example 1. Excerpt from the British National Corpus, annotated with a set of C5 tags (from Captain Pugwash and the Huge Reward, British National Corpus)

<s c="0000002 002" n=00001>

When&AVQ-CJS; Captain&NP0; Pugwash&NP0; retires&VVZ; from&PRP;
active&AJ0; piracy&NN1; he&PNP; is&VBZ; amazed&AJ0-VVN; and&CJC;
delighted&AJ0-VVN; to&TO0; be&VBI; offered&VVN; a&AT0; Huge&AJ0;
Reward&NN1; for&PRP; what&DTQ; seems&VVZ; to&TO0; be&VBI; a&AT0;
simple&AJ0; task&NN1;.&PUN;

<s c="0000005 022" n=00002>

Little&DT0; does&VDZ; he&PNP; realise&VVI; what&DTQ; villainy&NN1;
and&CJC; treachery&NN1; lurk&NN1-VVB; in&PRP; the&AT0; little&AJ0;
town&NN1; of&PRF; Sinkport&NN1-NP0;.&PUN; or&CJC; what&DTQ; a&AT0;
hideous&AJ0; fate&NN1; may&VM0; await&VVI; him&PNP; there&AV0;.&PUN;

Table 1. TreeTagger tag set recommended by TagAnt developer Anthony Lawrence (58 tags)

POS Tag	Description	Example	POS Tag	Description	Example
CC	coordinating conjunction	<i>and, but, or, &</i>	VB	verb <i>be</i> , base form	<i>be</i>
CD	cardinal number	<i>1, three</i>	VBD	verb <i>be</i> , past	<i>was were</i>
DT	determiner	<i>the</i>	VBG	verb <i>be</i> , gerund/participle	<i>being</i>
EX	existential there	<i>there is</i>	VBN	verb <i>be</i> , past participle	<i>been</i>
FW	foreign word	<i>d'œuvre</i>	VBZ	verb <i>be</i> , pres, 3rd p. sing	<i>is</i>
IN	preposition/subord. conj.	<i>in, of, like, after, whether</i>	VBP	verb <i>be</i> , pres non-3rd p.	<i>am are</i>
IN/that	complementizer	<i>that</i>	VD	verb <i>do</i> , base form	<i>do</i>
JJ	adjective	<i>green</i>	VDD	verb <i>do</i> , past	<i>did</i>
JJR	adjective, comparative	<i>greener</i>	VDG	verb <i>do</i> gerund/participle	<i>doing</i>
JJS	adjective, superlative	<i>greenest</i>	VDN	verb <i>do</i> , past participle	<i>done</i>
LS	list marker	<i>(1),</i>	VDZ	verb <i>do</i> , pres, 3rd per.sing	<i>does</i>
MD	modal	<i>could, will</i>	VDP	verb <i>do</i> , pres, non-3rd per.	<i>do</i>
NN	noun, singular or mass	<i>table</i>	VH	verb <i>have</i> , base form	<i>have</i>
NNS	noun plural	<i>tables</i>	VHD	verb <i>have</i> , past	<i>had</i>
NP	proper noun, singular	<i>John</i>	VHG	verb <i>have</i> , gerund/participle	<i>having</i>
NPS	proper noun, plural	<i>Vikings</i>	VHN	verb <i>have</i> , past participle	<i>had</i>
PDT	predeterminer	<i>both the boys</i>	VHZ	verb <i>have</i> , pres 3rd per.sing	<i>has</i>
POS	possessive ending	<i>friend's</i>	VHP	verb <i>have</i> , pres non-3rd per.	<i>have</i>
PP	personal pronoun	<i>I, he, it</i>	VV	verb, base form	<i>take</i>

Continuation of Table 1

POS Tag	Description	Example	POS Tag	Description	Example
PP\$	possessive pronoun	<i>my, his</i>	VVD	verb, past tense	<i>took</i>
RB	adverb	<i>however, usually, here, not</i>	VVG	verb, gerund/participle	<i>taking</i>
RBR	adverb, comparative	<i>better</i>	VVN	verb, past participle	<i>taken</i>
RBS	adverb, superlative	<i>best</i>	VVP	verb, present, non-3rd p.	<i>take</i>
RP	particle	<i>give up</i>	VVZ	verb, present 3d p. sing.	<i>takes</i>
SENT	end punctuation	<i>?, !, .</i>	WDT	wh-determiner	<i>which</i>
SYM	symbol	<i>@, +, *, ^, , =</i>	WP	wh-pronoun	<i>who, what</i>
TO	to	<i>to go, to him</i>	WPS	possessive wh-pronoun	<i>whose</i>
UH	interjection	<i>uhhuhhuhh</i>	WRB	wh-abverb	<i>where, when</i>
			:	general joiner	<i>;, -, --</i>
			\$	currency symbol	<i>\$, £</i>

Having checked the TreeTagger tag set against a sample of text annotated with TagAnt, it was established that several tags have been modified or are not used at all (see Table 2). For instance, Example 2 shows that proper nouns are labeled NNP rather than NP. Also, punctuation marks are not combined into a separate category but rather have a tag of each own.

Example 2. Excerpt from the 2019 and 2020 news corpus [Goldhahn, Eckart & Quasthoff, 2012], annotated with TagAnt [TagAnt, 2022]

Acclaimed_JJ editor_NN and_CC Oscar_NNP winning_VBG sound_NN
designer_NN Walter_NNP Murch_NNP who_WP had_VBD worked_VBN on_IN
everything_NN from_IN to_IN would_MD make_VB the_DT big_JJ step_NN up_RP to_IN
the_DT director_NN s_POS chair_NN

Table 2. Verified tag set (44 tags)

POS Tag	Description	Example	POS Tag	Description	Example
CC	coordinating conjunction	<i>and, but, or, &</i>	RBS	adverb, superlative	<i>best</i>
CD	cardinal number	<i>1, three</i>	RP	particle	<i>give up</i>
DT	determiner	<i>the</i>	SYM	symbol	<i>@, +, *, ^, , =</i>
EX	existential there	<i>there is</i>	TO	to	<i>to go, to him</i>
FW	foreign word	<i>d'xuvre</i>	UH	interjection	<i>uhhuhhuhh</i>
IN	preposition/subord. conj.	<i>In, of, like, after, whether</i>	VB	verb <i>be</i> , base form	<i>be</i>
IN/ that	complementizer	<i>that</i>	VBD	verb <i>be</i> , past	<i>was Iwere</i>
JJ	adjective	<i>green</i>	VBG	verb <i>be</i> , gerund/participle	<i>being</i>
JJR	adjective, comparative	<i>greener</i>	VBN	verb <i>be</i> , past participle	<i>been</i>

POS Tag	Description	Example	POS Tag	Description	Example
JJS	adjective, superlative	<i>greenest</i>	VBZ	verb <i>be</i> , pres, 3rd p. sing	<i>is</i>
LS	list marker	<i>(1),</i>	VBP	verb <i>be</i> , pres non-3rd p.	<i>am are</i>
MD	modal	<i>could, will</i>	WDT	wh-determiner	<i>which</i>
NN	noun, singular or mass	<i>table</i>	WP	wh-pronoun	<i>who, what</i>
NNS	noun plural	<i>tables</i>	WP\$	possessive wh-pronoun	<i>whose</i>
NNP	proper noun, singular	<i>John</i>	WRB	wh-abverb	<i>where, when</i>
NNPS	proper noun, plural	<i>Vikings</i>	:	general joiner	<i>.. -. —</i>
PDT	predeterminer	<i>both the boys</i>	\$	currency symbol	<i>\$, £</i>
POS	possessive ending	<i>friend's</i>	.		<i>.</i>
PRP	personal pronoun	<i>I, he, it</i>	,		<i>,</i>
PRP\$	possessive pronoun	<i>my, his</i>	“”		<i>“”</i>
RB	adverb	<i>however, usually, here, not</i>	?		<i>?</i>
RBR	adverb, comparative	<i>better</i>	HYPH	-	<i>rear-mounted</i>

Now that TagAnt performed POS annotation of a corpus of texts automatically, the subsequent task is to test the effectiveness of the prepared tool. Extraction of linguistic information for overcoming translation difficulties was carried out in AntConc also developed by Anthony Lawrence [AntConc, 2019]. For the convenience of retrieving linguistic data from annotated corpora, the program has a function of hiding tags while retaining the ability to use them in queries. As a result, the concordance is not riddled by extra characters, violating the integrity of the text. In Figure 1 on the right, the tags are hidden, although the VB tag was used in the query to search for a verb rather than a noun.

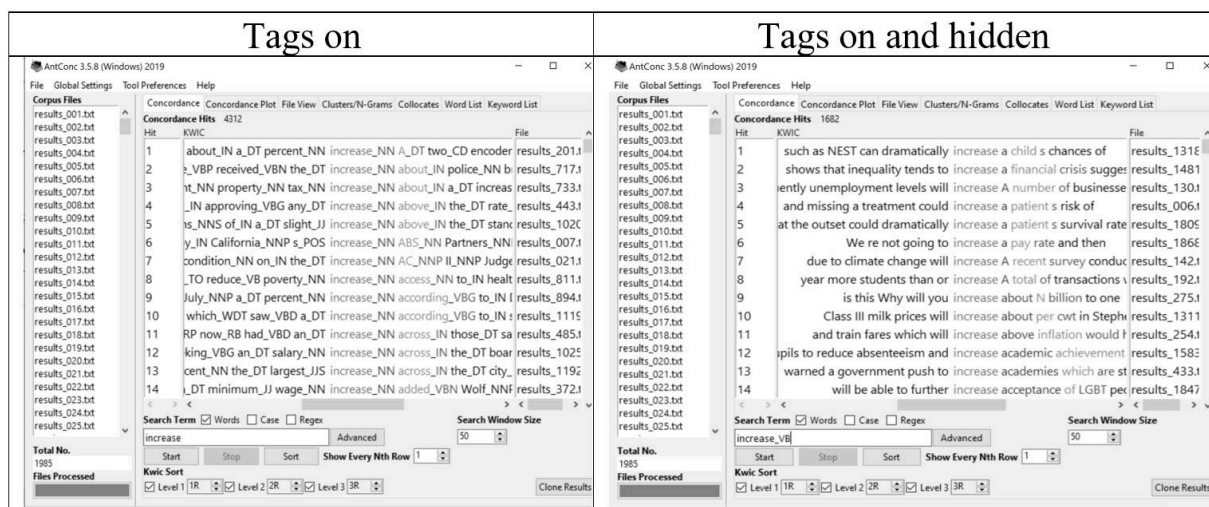

Figure 1. Concordance retrieved from the annotated corpus with tags enabled and hidden

5. Discussion

In its class, the raw corpus has the undeniable advantage of almost effortless preparation. However, in the absence of a fuzzy search algorithm, the user has to start searching for linguistic information with way too general, simple single-word queries. The approach calls for further refined queries based on primary long concordances with a large number of irrelevant matches. This may cycle on unloading a backlog of concordances on to the translator. The task gets more difficult when it comes to checking grammatical structures. In conditions of unknown lexical units, it is reasonable to develop the query based on marker words. The common nature of some lexical units leads to extensive concordances, thus increasing the time to find ways to overcome translation difficulties. For example, in the inverted structures in Table 3, frequent vocabulary makes up a significant part resulting in a dramatic drop in the relevance of the concordances. In some cases, it is not even possible to pick a marker. In the English structure *So+ adjective + to be (so ...)*, the constant is a common adverb with a graphic spelling that coincides with the conjunction and the introductory word.

Table 3. **Inverted structures in English**

No. seq.	Word/Combination	No. seq.	Word/Combination	No. seq.	Word/Combination
1.	barely... when	10.	nor/neither	19.	only by
2.	hardly (ever)... when	11.	not (even) once	20.	only in this way
3.	in no way	12.	not only... (but) also	21.	only then
4.	in/under no circumstances	13.	not only do/will/can... as well	22.	rarely
5.	little	14.	not since	23.	scarcely (ever)... when
6.	little... know/realize	15.	until / not till	24.	seldom
7.	never	16.	nowhere	25.	So ...
8.	never before	17.	on no account		
9.	no sooner... than	18.	on no occasion		

Checking of a sequence of two two-character sequences *So* in the corpus results in a concordance of 37,798 matches. Even a superficial analysis of such a volume would require at least 10 minutes with no guarantee of finding relevant hits.

One solution is to use the “regular expressions” function. Given the benefit of the tool to point to unknown words and set multiple choice for individual words in one query, one can refine the query without linking it to those lexical units whose probability of occurrence in the corpus in a particular sequence cannot be forecast in advance [Gruzdev et al., 2022].

Table 4. **Code components for pattern search of the inverse structure *so+adjective+verb to be* in a corpus of texts**

No.seq.	Task	Code
1.	Random adjective after <i>so</i>	(\w+)
2.	Probable form of the verb <i>to be</i>	(was were is are am)
3.	Space	\s

The query `So\s(\w+)\s(was|were|is|are|am)` resulted in 800 hits (see Table 4). After applying ABC sorting, it took below a minute to locate a relevant example (see Figure 2).

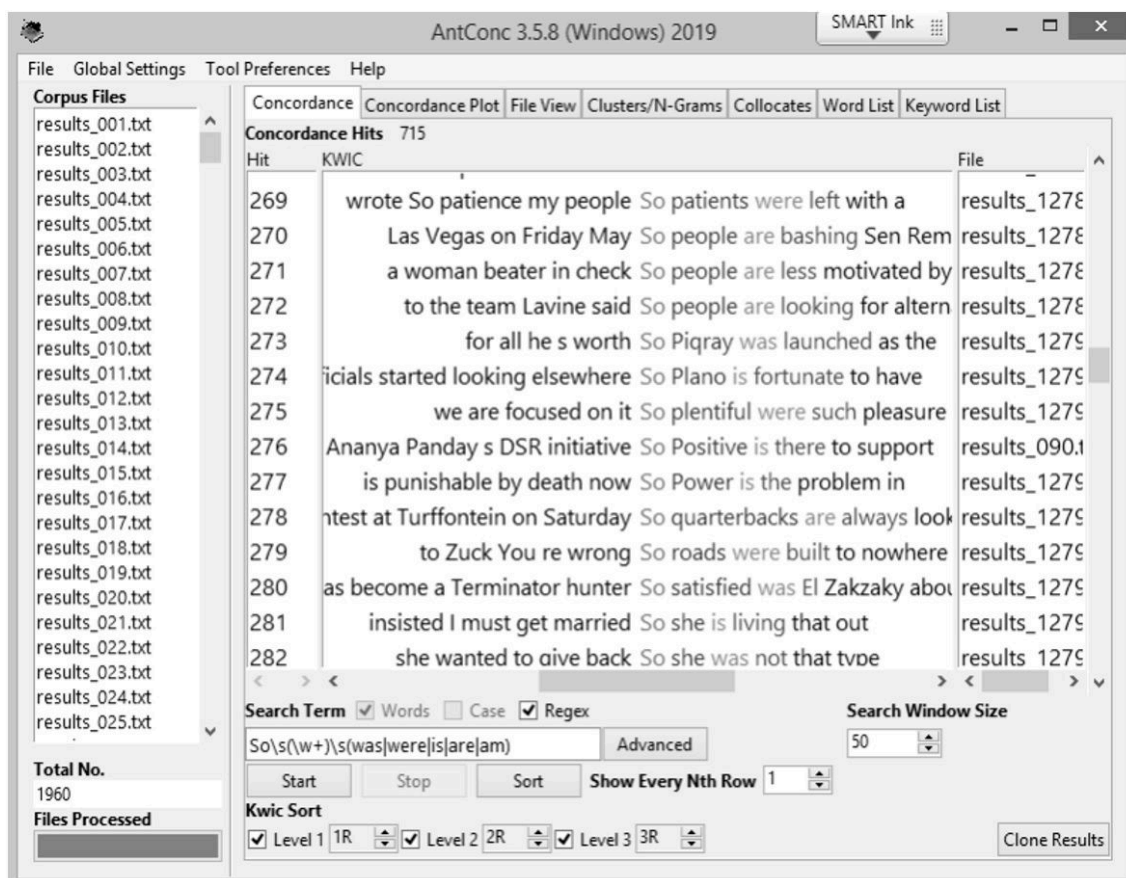

Figure 2. Results of the `So\s(\w+)\s(was|were|is|are|am)` query based on regular expressions

It should be noted that even with a significant reduction of the concordance by a factor of 40 it was not possible to completely get rid of irrelevant hits: only 11 hits out of 800 examples were examples of the needed grammar pattern.

For the sake of comparison, it was decided to check the sequences `So+` spontaneous adjective in the corpus (see Examples 3 and 4).

In Example 4, the case-sensitive feature was engaged to artificially narrow the search to cases at the beginning of a sentence. In the KWIC search free of additional functions, 139 matches were retrieved, none of which met the criteria of the searched phrase.

Given the low productivity, the verification of grammar structures in the corpus in the KWIC mode is inferior to the RegEx-powered method of linguistic information retrieval. However, the ratio of relevant queries to the total volume of the concordances provides no solid grounds to claim effectiveness of the second approach, either. Among the obvious problems one should note the lack of possibility to specify morphological features of the adjective. For example, if a verb was used in the gerund form, a solution would be to refine the query by appending the operator `(\w+)` with `-ing`. In the above example, the query had to indicate the presence of an indefinite word after the adverb `So`. Similarly, when it is necessary to indicate a number, regular expressions provide a combination `(1-9)` to denote an arbitrary series of digits [Gruzdev, Kodzhebash & Makarenko, 2022]. However, it is possible for numbers to be spelled out in the text, which this pattern will not recognize and will miss.

Given the rule of writing numbers up to 10 at the beginning of a sentence, the situation is not uncommon in English [Scribendi].

Example 3. A concordance extracted with AntConc from a news corpus of 1,000,000 words (query – so loud, 9 matches)

Hit No.	Concordance	
1.	the guy not to laugh	so loud I realised that it
2.	when the music isn t	so loud ok cutie Can t
3.	anything I feel like screaming	so loud right now it s
4.	the birds weren t quite	so loud Sarah Hammond who has
5.	Furious So why are they	so loud So why are we
6.	test hop and it was	so loud that All tankers need
7.	approximately three hours and was	so loud the walls were shaking
8.	black incomes So it is	so loud to play in So
9.	I ve laughed my heart	so loud Yes I do support

Example 4. A concordance extracted with AntConc from a news corpus of 1,000,000 words (query – so good with the case of the first letter of the adverb so, 8 matches)

Hit No.	Concordance	
1.	Goodell expected crap got it	So good for him for dropping
2.	t matter if you die	So good I thought for one
3.	him for dropping his gloves	So good in fact that it
4.	it motivated me to continue	So good it doesn t matter
5.	second about eating the floss	So good luck to them So
6.	So good luck to them	So good press is now more
7.	the start of the tournament	So good to be back in
8.	see Apollo back on screen	So good to see the children

These limitations are eliminated in the annotated corpus. Instead of the regular expression (1–9), the word symbol and the cardinal number tag (w+)_CD can be used to retrieve all references to quantities in the form of numbers and words from the corpus. Table 5 demonstrates the query for the template search of the inverted structure So+ adjective + to be (so ...) in the annotated corpus. In the query, regular expressions are specified by POS tags from Table 2. It extracted a concordance of 46 hits, 15 of which represent the grammatical phenomenon in question (see Example 5).

This concordance demonstrates that the program is case-sensitive in the RegEx mode. This fact should be considered as another aspect of computer's perception of a text. In the given example, the capital letter S in the query has bounded the search only to the beginning of sentences, which corresponds to the conditions of using the inverted structure So+ adjective + to be (so ...). Punctuation marks have a potential to offer another way to indicate where the

word or phrase in question shall occur in a sentence. However, the developers excluded them from the corpus employed for the purposes of this paper.

Table 5. Code components for pattern search of the inverse construction so+adjective+verb to be in an annotated corpus of texts (request - So_RB\s(\w+)_JJ\s(\w+)_VB.\s)

No.seq.	Task	Code
1.	Adverb <i>so</i>	So_RB
2.	Random adjective after <i>so</i>	(\w+)_JJ
3.	Random verb after the adjective	(\w+)_VB.
4.	Space	\s

Example 5. Matches from a concordance compiled with AntConc and a news corpus of 1,000,000 words (query - So_RB\s(\w+)_JJ\s(\w+)_VB. \s, 46 matches)

No.seq.	Nit No.	Concordance	
1.	2	arily struggling with that zipper	So bad has it been that
2.	3	of security among his people	So bad has the situation become
3.	5	in winning only one game	So catastrophic is the situation to
4.	6	or available as a Webinar	So few are surprised that as
5.	7	him into a better quarterback	So harsh was the sand on
6.	8	the community said Mulberry	So important was pietas to the
7.	37	to keep the YMCA open	So persistent was this narrative that
8.	38	wall but not a woman	So popular are the banned carrier
9.	39	history of the United States	So potent is the bigotry of
10.	40	Magneto to get her released	So profitable is the forex parallel
11.	41	carry us through to Jan	So serious is the situation that
12.	42	Matt Rudi Danny Bekah	So severe was this that six
13.	43	So training is very essential	So transformative was Gorbachev's revolution
14.	44	that caused heavy damage	So vast is the wealth generated
15.	45	would you go anywhere else	So wild is on brand for

Another important observation made during the experiment is that tags also function according to the general rules of text analysis in a corpus. The program treats them as a sequence of characters, thus the RegEx wild cards are relevant in the POS tags as well. Most of the them are a sequence of 2–3 characters, and within the same category the first two characters are mostly the same. For example, all verbs and nouns begin with VB and NN respectively (see Table 2). In the query demonstrated in Table 5, in order to extend the concordance scope as far as verbs are concerned, the third character has been replaced by ".", which corresponds to null or any character in the corpus RegEx function [Gruzdev et al., 2022].

6. Conclusions

The analysis of strategies for retrieving linguistic information in ad-hoc corpora resulted in a number of significant conclusions. First, due to the emergence of freeware tools for corpus annotation, translators should consider upgrading raw DIY corpora to increase the efficiency of querying. Second, it is advisable to use the POS annotation which is the most elaborate and standardized to date. It will prove to be an asset in clarifying the query up to the functions and role of optional lexical units in a phrase or grammar structure without specifying their spelling. Thirdly, the combined use of the annotated corpus and regular expressions leads to a cumulative effect. As a result, the search time is reduced by a factor of ten. Fourth, when checking grammar structures in a corpus, it is counterproductive to stick to lexical units, therefore it has to be replaced by optional combination of regular expressions denoting a string of characters separated by spaces on either end, i.e. word, and POS tags specifying its role. Fifth, when building a RegEx query in an annotated corpus, one should not neglect secondary features in order to bind the structure or phrase in question to a specific place in the sentence. For example, a dot or a capital letter will narrow down the program's field of search to the beginning of sentences. Sixth, before using the annotated corpus, it is essential to clarify the set of tags and the extent of their implementation in texts. The exclusion of linguistic phenomena during the compilation of the corpus leads to a lack of grounds for the application of the appropriate tags. Seventh, although the TagAnt software used in the experiment has been endowed by an optimal set of features, it only supports seven languages. Thus, the next step in this field needs to focus on locating alternative tools to expand the language base. Finally, some types of annotations left out of the scope of this paper are also of interest from the point of view of stepping up the query efficiency. The study of semantic and syntactic annotations could be a logical follow on to this research.

References

- Albukhitan, S., Alnazer, A., & Helmy T. (2020). Framework of Semantic Annotation of Arabic Document using Deep Learning. *Procedia Computer Science*, 170, 989–994. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.03.096>
- Alhasan, A., & Al-Taani, A. (2018). POS Tagging for Arabic Text Using Bee Colony Algorithm. *Procedia Computer Science*, 142, 158–165. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.10.471>
- Alshammari, N. and Alanazi, S. (2020). The impact of using different annotation schemes on named entity recognition. *Egyptian Informatics Journal*, 22. <https://doi.org/10.1016/j.eij.2020.10.004>
- Anthony, L. (2022). *TagAnt* (2.0.5) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University. <https://www.laurenceanthony.net/software>
- Anthony, L. (2020). *AntConc* (3.5.9) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University. <https://www.laurenceanthony.net/software>
- Anthony, L. (2019). *AntFileSplitter* (1.0.0) [Computer Software]. Tokyo, Japan: Waseda University. <https://www.laurenceanthony.net/software>
- Anthony, L. (May, 2023). *Treetagger Tag Set*. https://laurenceanthony.net/software/tagant/resources/treetagger_tagset.pdf
- Garside, R. (May, 2023). *British National Corpus*. Department of Computing, University of Lancaster, UK. http://www.natcorp.ox.ac.uk/docs/garside_allc.html
- Goldhahn, D., Eckart, T., & Quasthoff, U. (2012). Building large monolingual dictionaries at the Leipzig Corpora Collection: From 100 to 200 languages. *Proc. of the 8th International Language Resources and Evaluation (LREC'12)*.
- Gruzdev, D. (2011). Corpora as an interpreter's tool. *MSU Herald, Series 22, Translation Theory*, 2, 23–35. (In Russ.).
- Gruzdev, D., Gruzdeva, L., & Makarenko, A. (2019). 'Regular expressions' as a way of dealing with translation difficulties. *MSU Herald, Series 22, Translation Theory*, 4, Retrieved October 20, 2022.

УДК 81'271

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_49

Калинина Маргарита Владимировна
Волгоградский государственный институт искусств и культуры
г. Волгоград, Российская Федерация
kalinina_8181@mail.ru

Вербальные средства выражения агрессии в политических ток-шоу

Аннотация

Статья посвящена изучению вербальных и паравербальных средств выражения агрессии, встречающихся в политических ток-шоу. Характерной чертой медиасреды XXI века стало усиление эмоционального напряжения, активизация идеологической оппозиции как по отношению к политическим противникам, так и по отношению к недружественным государствам, что и явилось мотивацией для проведения настоящего исследования. Материалом для исследования послужили высказывания российских журналистов и политологов. В ходе исследования были дифференцированы и описаны различные типы лексических средств, используемых для экспликации вербальной агрессии (наклеивание ярлыков, оценочные номинации, инвективная лексика), передразнивание, ирония, сарказм и т. д.). В результате было выявлено, что самым распространённым средством проявления вербальной агрессии в политических ток-шоу было применение инвективной лексики (57,7%) совместно с приёмом наклеивания ярлыков. Ирония, граничащая с сарказмом встретилась более чем в два раза реже. Стоит отметить и паравербальные средства проявления агрессии – это использование пренебрежительного тона и резких восклицаний, передразнивание, неоправданное повышение голоса, неуместное включение пауз во время разговора. Представленный материал доказывает, что споры российских политиков и журналистов не всегда соответствуют тактикам и стратегиям кооперативного общения.

Ключевые слова: негативные эмоции, речевая агрессия, инвективная лексика, грубость, ирония, словесные ярлыки, медиадискурс

© Калинина М. В. 2023

Для цитирования: Калинина М. В. Вербальные средства выражения агрессии в политических ток-шоу // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 49–56. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_49

Margarita V. Kalinina
Volgograd State Institute of Arts and Culture
Volgograd, Russian Federation
kalinina_8181@mail.ru

Verbal means of expressing aggression in political talk shows

Abstract

The paper aims to examine verbal and paraverbal means of expressing aggression found in political talk shows. In the media of the XXI century there has been an increase in emotional tension as well as the activation of ideological opposition both in relation to political opponents and in relation to unfriendly states. This tendency determined the necessity of addressing the issue in this study. Speech samples of Russian journalists and political scientists were chosen as research material. In the course of study, various types of lexical means used to explicate verbal aggression (labeling people, evaluation nominations, invective language, mimicry, irony, sarcasm, etc.) were identified and described. As a result, it was found that the most frequent means to manifest verbal aggression in political talk shows was the use of invective vocabulary (57,7%) with the technique of

labeling people. Irony bordering on sarcasm was more than twice less frequent. Paraverbal means of aggression were also found including the use of a dismissive tone and sharp exclamations, mimicking, unjustified raising of the voice, inappropriate pauses during conversation. The material proves that disputes between Russian politicians and journalists do not always correspond to the tactics and strategies of cooperative communication.

Keywords: negative emotions, speech aggression, invective vocabulary, rudeness, irony, verbal labels, media discourse

© Kalinina M. V. 2023

For citation: Kalinina, M. V. (2023). Verbal'nye sredstva vyrazheniya agresсии v politicheskikh tok-shou [Verbal means of expressing aggression in political talk shows]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 49–56. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_49

1. Введение [Introduction]

Коммуникация в современном обществе характеризуется высоким уровнем конфликтогенности, преобладанием в речи грубости и недоброжелательности. Необходимость исследования речевой агрессии, представленной в политических ток-шоу, связана с тем, что употребление ненормативных языковых средств приводит к утрате доверия к СМИ как объективному источнику информации. «Агрессивность, став практически постоянным признаком современного телевизионного публицистического дискурса, наглядно демонстрирует, что нужно решать эту общеязыковую проблему, создать коммуникационное пространство, в котором риски в процессе общения будут сведены к минимуму» [Кондрашова, 2021, с. 26]. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед лингвистами, является привлечение внимания к проблеме вербальной агрессии и выработка стратегии противодействия ей.

Теоретической основой работы стали наиболее важные отечественные и зарубежные исследования в области теории и практики речевого воздействия [Жельвис, 2001, 2012 ; Лакофф, 2014 ; Стернин, 2015 ; Сковородников, 2019]. В них вербальная агрессия рассматривается как проявление речевого воздействия, приводящего к изменению поведения оппонента. Кроме того, использовались классификации средств речевой агрессии, её лексических и стилистических форм [Ионова, 2011 ; Паремузашвили, 2010 ; Кондрашева, Ермакова, 2021 и др.]. Среди последних работ, посвящённых исследованию агрессии в СМИ, внимания заслуживает, на наш взгляд, статья В. И. Озюменко, в которой говорится о целесообразности замены термина «речевая агрессия» на более широкое «информационная / медийная агрессия» в связи с напряжённой политической ситуацией в мире [Озюменко, 2017].

Значительный вклад в изучение речевой агрессии внесли и зарубежные слависты, которые исследовали зрительскую агрессию, возникающую при просмотре ток-шоу [Rubin, 2003], агрессию, порождённую волной иммигрантов [Musolf, 2019], проявление агрессии во время фатического общения (смеха, плача, зевоты) [Askenasy, 2017] и т. д.

Исследования, в которых рассматривается речевая агрессия, являются приоритетными в зарубежном журнале «Journal of Language Aggression and Conflict» и российских журналах «Политическая лингвистика» и «Коммуникативные исследования».

В настоящее время в современном российском обществе явно прослеживается этническое, политическое, экономическое напряжение, в связи с чем в языке появляются всё новые средства для выражения агрессии, а в современных СМИ начинают преобладать слова и выражения, обозначающие отрицательные оценочные понятия, формирующие мрачную картину мира. «С учётом регулярности <...> показа телепередач заложенная в них отрицательно оценочная семантика частично утрачивается, негатив-

ные смыслы нейтрализуются, достигается эффект привыкания телезрителей к агрессивному характеру телевидения» [Шаховский, 2016, с. 131]. Действительно, политические ток-шоу можно сравнить с военными действиями, в которых язык приобретает статус оружия [Шилихина, 2011, с. 177], целью же говорящего становится уничтожение противника, а речевая агрессия оказывается ведущей стратегией участников политических ток-шоу.

Чтобы быть более объективными, заметим, что вербальная агрессия может быть и способом речевой самообороны, поскольку одной из причин агрессивного речевого поведения может стать раздражающее или возмущающее поведение противоположной стороны. Это, в свою очередь, подтверждает тезис о двойственной природе агрессии, которая не только реализует стратегию нанесения оппоненту психологического ущерба, но и является, главным образом, биологическим защитным механизмом [Лоренц, 2017]. Здесь можно вспомнить о «доброкачественной агрессии» [Фромм, 2009], которая используется с целью самообороны.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для данного исследования послужили высказывания русских журналистов и экспертов, записанные при просмотре политических ток-шоу на разных телеканалах: «Вечер с В. Соловьевым» («Россия 1», средний рейтинг 3.3 при охвате аудитории в 8.7%), «Воскресный вечер с В. Соловьевым» («Россия 1», средний рейтинг 2.8 при охвате аудитории в 8%), «Время покажет» («Первый канал», средний рейтинг 1.3 при охвате аудитории в 4%). Приводятся данные АО «Медиаскоп» TV Index за 2022 год по Москве и Московской области среди зрителей от 18 до 54 лет. Программа «Место встречи» была выбрана из-за многочисленных положительных комментариев в социальных сетях и позитивных отзывов зрителей этого политического ток-шоу.

Активный сбор агрессивных высказываний проводился в период с июля 2022 г. по январь 2023 г. методом направленной выборки. Общая продолжительность отсмотренных видео составила 14 ч. 50 мин. Общий объём выборки насчитывает 450 высказываний, содержащих проявления речевой агрессии. В ходе отбора единиц для анализа предпочтение отдавалось высказываниям повышенной агрессивности с применением против собеседника (как обобщённого (коллектив, народ, страна), так и конкретного (определённый человек)) следующих тактик речевого поведения: угроз, дискредитации, брани, навешивания ярлыков, оскорбления, обвинения, насмешки. Для обработки данных применялись: метод обобщения; метод контекстного анализа для выявления особенностей реализации агрессии в языковых единицах; описательный метод, главной задачей которого было комментирование тех высказываний, которые содержат агрессивную тональность в отношении того или иного объекта; метод количественного подсчёта, без которого невозможна полноценная интерпретация полученных данных.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Прежде всего отметим необходимость различать допустимое и недопустимое в речевом поведении участников публичного диалога. При просмотре телепрограммы мы вправе ожидать уважительного отношения ведущего к гостям студии и надеяться на то, что приглашённые получают возможность выступить, их мнение будет выслушано. Между тем на деле оказывается, что журналисты просто не хотят общаться: вместо диалога звучит монолог ведущего программы, сопровождающийся постоянными прерываниями собеседников. Нетерпимость журналистов по отношению к чужим мнениям, их эмоциональная несдержанность – это обычное явление во многих политических ток-шоу на российском телевидении.

В целом в изученных ток-шоу журналисты и гости студии демонстрировали широкий круг языковых средств выражения агрессии: это различные языковые провокации, связанные как с выбором тем, так и с отбором лексических средств (инвективная, жаргонная, просторечная лексика, агрессивные сравнения и метафоры, словообразовательные неологизмы); искажение информации, тенденциозное использование негативной информации; оценочные номинации; закрытые вопросы; перебивания на полуслове; передразнивание и т. д. На нашем материале из 450 высказываний 260 (57,7%) содержат инвективную (обсценную, бранную, ненормативную) лексику.

К сожалению, «политические ток-шоу на российском телевидении являются примером антириторического поведения спорящих» [Сиротинина, 2017, с. 29], ведь издевательски-насмешливый тон, «грубианизмы» (термин В. И. Жельвиса) и негативизмы (слова и выражения с отрицательной коннотацией) встречаются в речи журналистов очень часто: *Жалкие шавки укро-нацистского режима* (об О. Шольце и его окружении), *Это жалкие люди, у которых маленький, жабий мозг. Что язык в горле пересох?* (В. Соловьев, «Вечер с В. Соловьевым», 28.08.2022), *Россию они хотят раскачивать, сволочи!* (В. Соловьев, «Вечер с В. Соловьевым», 30.08.2022), *Орденоносное дерьмо* (В. Соловьев об А. Данилко, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 30.08.2022), *лживый дурак* (В. Соловьев об А. Арестовиче, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 30.08.2022), *европейские ничтожества, эти жалкие псы кусают руку, которая их вскормила* (В. Соловьев о поляках и прибалтах, «Вечер с В. Соловьевым», 23.01.2023), *Шольц – дебил* (В. Соловьев «Вечер с В. Соловьевым», 31.01.2023). В. И. Жельвис, говоря о языковых способах выражения вербальной агрессии, предлагает ввести понятие «инвективное высказывание», в котором может быть материализован весь комплекс субъективно-эмоциональных оттенков агрессивного типа» [Жельвис, 2001, с. 79]. Многие слова из этих примеров являются маркерами агрессивного речевого поведения, а широкое использование подобных эмоциональных слов и выражений в современном информационном пространстве свидетельствует о регулярном нарушении этико-речевых норм.

Как показывает наша подборка примеров, речевая агрессия в российских СМИ актуализируется главным образом в темах внешней политики, вооружения, отстаивания национальных интересов. В пылу ожесточённой полемики в политических ток-шоу встречается открытая речевая агрессия с использованием словесных ярлыков: *сложно этих папуасов обучить военному делу* (Ф. Клинецвич об украинских военных, проходящих подготовку в Англии, «Время покажет», 18.07.2022); *выживший из ума старик даже не вызывает ненависти. Шизофреник* (о Байдене М. Фокин, «Время покажет», 20.07.2022); *британская ястребица* (А. Норкин о Лиз Трасс, «Место встречи», 8.07.2022); *мать всех сушек – Виктория Нуланд* (В. Соловьев, «Вечер с Владимиром Соловьевым», 18.08.2022); *Домовенок Кузя* (В. Соловьев о пресс-секретаре Белого дома Жан-Пьер Карин, «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», 29.09.2022), *это идиоты, но не клинические* (о Европейском союзе, «Место встречи», 30.01.2023) и т. д. Выступающие используют негативные номинации для отдельных лиц (*фашист, рашист, бандеровец, нацик, бандит, вор, мозгоправ, укроп, москаль, блудливая скотиньяка* (В. Соловьев о польском журналисте, признавшемся, что пишет по заказу украинского правительства, «Вечер с В. Соловьевым», 30.08.2022)), *обдолбанный наркоман* (В. Соловьев о В. Зеленском, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 30.08.2022)) и т. д.): *Какие редкие подонки, что Зеленский, что Кулеба. Их не волнует жизнь украинцев* (В. Соловьев, «Вечер с Владимиром Соловьевым», 18.08.2022), *стран и народов (пóлики (поляки), хохлы, западенцы (жители Западной Украины), страна-террорист, криминальная, полубандитская страна (об Украине), надоедливые, мелкие попрошайки (об украинцах, проживающих за границей))*. Причина активного функционирования словесных ярлыков в наши дни видится Н. Е. Булгаковой в широкой политизации и идеологической дифференциации современно-

го общества в сочетании с низким уровнем культуры ведения дискуссии [Булгакова, 2012, с. 45]. Журналистам, использующим приём «навешивания ярлыков», стоит помнить, что они провоцируют ответную агрессию со стороны собеседников.

Отметим, что агрессия может проявляться и в перебивании собеседника. Если сравнивать нашу подборку агрессивных примеров за 2018–2020 годы, то можно отметить, что прямые перебивы (*молчать, заткнись, закройте рот* и т. д.) уступили место «позитивному прерыванию собеседника» (прерыванию с извинениями: *прошу прощения, что перебиваю, можно теперь мне сказать? я могу продолжить?* и т. д.).

В материале встречаются эффективные приёмы выражения речевой агрессии, проявляющиеся в использовании иронии, тонко скрытой насмешки (115 примеров – 33,3% от общего объёма лексических единиц). Юмор играет роль своеобразного канала для выхода агрессии, осуществляет стратегию снятия конфликта и выполняет гармонизирующую функцию [Карасик, 2009], что ярко проявляется в публицистическом дискурсе: «*Коротко. Скрывайте радость, что Вы сбежали из Украины и теперь находитесь в нормальной стране. Может, не будем инвалида больше мучить?*» (А. Норкин об украинском политологе А. Мишине, приехавшем в Россию, «Место встречи», 30.01.2023).

Согласимся с мнением Э. Э. Паремюзашвили, говорящего о том, что «иронические высказывания и намеки используются в речи также для того, чтобы в зависимости от целей говорящего высказать порицание, упрёк, обвинение, пренебрежение, насмешку, оскорбление, угрозу и др.» [Паремюзашвили, 2013, с. 7], т. е. ироничные выражения могут расцениваться как агрессивные выпады: «*Борис Борисович, Вы что перегрелись там в Анапе?*» (А. Норкин Б. Надеждину, вернувшемуся из отпуска, «Место встречи», 15.07.2022). Выражением скрытого иронического смысла в данном случае является риторический вопрос. А. Норкин довольно часто использует тактики подавления агрессии с помощью юмористических реплик и анекдотов, что позволяет сторонам прийти к коммуникативному сотрудничеству, вызвать у гостей программы ощущение коммуникативного комфорта.

В ироническом ключе звучит и высказывание А. Кузичева об украинской писательнице-националистке Ларисе Ницой, назвавшей русских людей андрофагами-людоедами, а украинцев – создателями первой конституции, первых вертолётчиков и компьютеров: «*Ну что, андрофаги! Извините, я не стебусь. Она же женщина всё-таки. Я хочу её в контактный зоопарк. послушайте, таких людей надо лелеять*» («Время покажет», 18.07.2022). А. Кузичев отвечает Л. Ницой выпадом, выраженным на лексическом уровне введением жаргонной лексики (*стебусь*), нарушающей стилистическое единство текста, употреблением лексических единиц с негативным значением, приобретающих такую окраску под влиянием контекста (*женщина всё-таки, контактный зоопарк* и др.). Ирония, на наш взгляд, является в данном примере эффективным инструментом выхода агрессии.

Ирония, выполняющая функцию нападения, часто направлена на акцентирование недостатков общества и сходна по функциям с сатирой, обличающей и клеймящей позором того, против кого она обращена. Такая ирония призвана провоцировать и обвинять, критиковать и защищаться: «*Иногда мне кажется, что немцы в какой-то момент времени, видимо, от отсутствия газа, от неумения мыться... Весь мусор переиёл у них в головы, и они несут такое...*» (В. Соловьев, «Воскресный вечер с В. Соловьевым», 21.08.2022).

Ироничности следующему примеру добавляет фигура повтора (*этот же человек, в той же рубашке*) в сочетании со сравнением (*выглядит как человек, которого с пляжа выгнали*), метафорой (*одна известная субстанция*), образностью и ироничностью. Рассмотрим один из таких примеров: *Сейчас этот же человек, в той же рубашке, говорит совершенно обратное. Он вообще выглядит как человек, которого с пляжа выгнали. У Киева закончились аргументы. Их главный пропагандист из одной известной субстанции (фекалий и кала) пытается слепить легенду. Мяч сейчас в наших ногах* (В. Серуканов об украинском эксперте, «Место встречи», 8.07.2022). Посредством юмо-

ра говорящий сразу может достичь нескольких целей: унижение противников и развлечение слушающих. Юмор выполняет и функцию защиты общества и каждой личности в отдельности от потрясений, стресса и чрезмерного накала эмоций.

Данные примеры иллюстрируют, что споры российских политиков и журналистов не всегда соответствуют тактикам и стратегиям кооперативного общения. Абсолютно правильны мысли В. И. Шаховского, говорящего о том, что «одной из основных задач современной мировой лингвистики является обуздание человеческих эмоций языком, его лингвопластикой и переориентация всех видов общения на позитивный вектор» [Шаховский, 2021, с. 374]. Для понижения «градуса напряжённости общения» всему обществу необходим этико-эмоциональный код культуры позитивного общения [Опарина, 2016, с. 59], людям нужно прививать умение управлять эмоциями в каждой конкретной типичной ситуации, формировать «эмоциональный интеллект» (термин В. И. Шаховского), что, к сожалению, в современной ситуации психоэмоционального напряжения иногда очень сложно сделать.

Добавим, что различные виды интонационной грубости также причисляют к способам проявления речевой агрессии: использование пренебрежительного тона или резких восклицаний с угрозой (*Желаете ядерный армагеддон? Получите ядерный армагеддон!* (В. Соловьев, Вечер с В. Соловьевым», 23.01.2023)); неоправданное повышение голоса; выделение частей слова (*эта премьерША или премьерКА* (В. Соловьев о Лиз Трасс, «Вечер с В. Соловьевым», 23.01.2023)), передразнивание оппонентов с пародированием немецкой и украинской речи (часто встречается в речи В. Соловьева); неуместное включение пауз во время диалогической или монологической речи и т. д.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый анализ показывает, что речевое поведение журналистов и гостей студии отражает общую тенденцию общественных взаимоотношений, а именно – возрастание агрессивности социума. Агрессия в современных политических ток-шоу выражается с помощью лексики, несущей ярко выраженный негативно-оценочный заряд, она проявляется в навешивании словесных ярлыков, в иронии, сарказме, оценочных номинациях, перебивании на полуслове и т. д. Телевизионные ток-шоу ярко отражают современное состояние языка, которое не регулируется нормами речевого этикета. СМИ сознательно используют язык как инструмент, позволяющий воздействовать на существующую в сознании социума картину мира, манипулируя общественным сознанием. Деструктивность современной коммуникации, грубость и оскорбления, звучащие в политических ток-шоу, приводят к тому, что некоторые ораторы с трудом балансируют на границе дозволенного.

Полученные результаты могут быть полезны для дальнейшего изучения вербальной агрессии и лучшего понимания особенностей поведения в конфликтной ситуации, а также для применения на занятиях по культуре русской речи. Перспективу исследования может составить выявление языковых средств выражения агрессии в современной прессе, а также изучение языковых средств контрагессии. С одной стороны, это должно заполнить пробел в изучении семантической составляющей агрессивного вербального поведения, с другой стороны, данные разработки могут быть использованы во всех видах деятельности, связанных с эффективной коммуникацией.

Библиографический список

- Булгакова, 2012 – Булгакова Н. Словесные ярлыки как лексико-семантическое и лингвоэкологическое понятие // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 42–47.
- Жельвис, 2001 – Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 2001. 349 с.

- Жельвис, 2012 – Жельвис В. И. «Анти-Грайс»: постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения // *Жанры речи* : сб. науч. статей. Вып. 8 : Памяти К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2012. С. 99–109.
- Ионова, 2011 – Ионова С. В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание*. 2011. № 1 (13). С. 191–198.
- Карасик, 2009 – Карасик В. И. *Языковые ключи*. М. : Гнозис, 2009. 405 с.
- Кондрашева, Ермакова, 2021 – Кондрашева Е. В., Ермакова Е. В. Речевая агрессия в публицистической речи (на примере ток-шоу «60 минут» и «Место встречи») // *Эпоха науки*. 2021. № 26. С. 114–118.
- Лакофф, 2014 – Лакофф Р. Т. Вербальная агрессия vs. политкорректность // *Жанры речи*. 2014. №1–2 (9–10). С. 69–73.
- Лоренц, 2017 – Лоренц К. *Агрессия, или Так называемое зло*. М. : АСТ, 2017. 352 с.
- Озюменко, 2017 – Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // *Вестник РУДН. Сер. : Лингвистика*. 2017. № 1 (21). С. 203–220. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220>
- Опарина, 2016 – Опарина Е. О. Лингвистика перед вызовами XXI века. (Сводный реферат) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал*. 2016. № 1. С. 54–59.
- Паремужашвили, 2013 – Паремужашвили Э. Э. *Речевая агрессия в не прямой коммуникации (на материале русской классической и современной литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук* : 10.02.01. М., 2013. 24 с.
- Сковородников, 2019 – Сковородников А. П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном анти-поде // *Политическая лингвистика*. 2019. № 3 (75). С. 12–21. <https://doi.org/10.26170/pl19-03-01>
- Сиротинина, 2017 – Сиротинина О. Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017. № 1. С. 25–37.
- Стернин, 2015 – Стернин И. А. *Модели описания коммуникативного поведения*. 2-е изд., испр. Воронеж : Гарант, 2015. 52 с.
- Фромм, 2009 – Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М. : АСТ, 2009. 635 с.
- Шаховский, 2016 – Шаховский В. И. *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции*. Волгоград : Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2016. 504 с.
- Шаховский, 2021 – Шаховский В. И. Экология коммуникативной дистрибуции слова // *Неофилология*. 2021. Т. 7, № 27. С. 369–376.
- Шилихина, 2008 – Шилихина К. М. *Современные теории вербальной иронии: основные проблемы* // *Язык, коммуникация и социальная среда*. Вып. 6. Воронеж : ВГУ, 2008. С. 24–32.
- Askenasy, 2017 – Askenasy J. J. *Biosemiotic conflict in communication* // *Pragmatics and Cognition*. 2017. Vol. 23, Iss. 3. P. 364–375. <https://doi.org/10.1075/pc.23.3.02ask>
- Musolff, 2019 – Musolff A. *Language Aggression in Public Debates on Immigration* // *Journal of Language Aggression and Conflict*. 2019. Vol. 5, Iss. 2. P. 175–177. <https://doi.org/10.1075/jlac.5.2.01mus>
- Rubin, 2003. – Rubin A. M. *Viewer Aggression and Attraction to Television Talk Shows* // *Media Psychology*. 2003. Vol. 5, Iss. 4. P. 331–362. https://doi.org/10.1207/S1532785XMEP0504_02

References

- Bulgakova, N. (2012). Slovesnyye yarlyki kak leksiko-semanticheskoye i lingvoekologicheskoye ponyatiye [The verbal labels as lexico-semantic concept]. *Mir russkogo slova* [The world of Russian word], 2, 42–47. (In Russ.).
- Zhel'vis, V. I. (2001). *Pole brani. Skvernosloviye kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [The battlefield. Profanity as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow : Lodomir Press. (In Russ.).
- Zhel'vis, V. I. (2012). «Anti-Grays»: postulaty grubosti kak regul'yatora kommunikativnogo povedeniya [«Anti-Grice»: Postulates of rudeness as a regulator of communicative behavior]. *Zhanry rechi: sb. nauch. statey. Pamyati K. F. Sedova* [Genres of speech: Collection of scientific. articles. In memory of K. F. Sedov] (Vol. 8, pp. 99–109). Moscow : Labirint Press. (In Russ.).

- Ionova, S. V. (2011). K voprosu o priznakakh ekologichnosti tekstovoy kommunikatsii [On ecocitysigns signs of textual communication]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 1 (13), 191–198. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2009). *Yazykovyye klyuchi* [Language keys]. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Kondrasheva, E. V., & Yermakova, E. V. (2021). Rechevaya agressiya v publitsisticheskoy rechi (na primere tok-shou «60 minut» i «Mesto vstrechi») [Speech aggression in publicistic (For example, the talk show “60 minutes” and “Meeting place”)]. *Epokha nauki* [The Age of Science], 26, 114–118. <https://doi.org/10.24412/2409-3203-2021-26-114-118>
- Lakoff, R. T. (2014). Verbal'naya agressiya vs. politkorrektnost' [Verbal aggression vs. political correctness]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 1–2 (9–10), 69–73. (In Russ.).
- Lorenc, K. (2017). *Agressiya, ili Tak nazyvayemoye zlo* [Aggression, or So-called evil]. Moscow : AST Press. (In Russ.).
- Ozyumenko, V. I. (2017). Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii – k agressii [Media discourse in an atmosphere of information warfare: From manipulation to aggression]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Lingvistika*. [Russian Journal of Linguistics], 1 (21), 203–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220>
- Oparina, E.O. (2016). Lingvistika pered vyzovami XXI veka. (Svodnyy referat) [Linguistics before the challenges of the XXI century. (Summary)]. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazykoznanie: Referativnyy zhurnal* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign literature. Series 6: Linguistics], 1, 54–59. (In Russ.).
- Paremuzashvili, E. E. (2013). Rechevaya agressiya v nepryamoy kommunikatsii (na materiale russkoy klassicheskoy i sovremennoy literatury) [Speech aggression in indirect communication (Based on the material of Russian classical and modern literature)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2019). O sverkhsil'noy rechevoy agrescii i yeye modal'nom antipode [Extreme speech aggression and its modal antipode]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (75), 12–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl19-03-01>
- Sirotnina, O. B. (2017). Chto meshayet effektivnosti sovremennoy kommunikatsii? [What makes modern communication ineffective?]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 1, 25–37. (In Russ.).
- Sternin, I. A. (2015). *Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya* [Models of the description of communicative behavior]. Voronezh : Garant Press. (In Russ.).
- Fromm, E. (2009). *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow : AST Press. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2016). *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krughe: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of environmental friendliness in the communicative circle: Human, language, emotions]. Volgograd : IP Polikarpov I. L. Press. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2021). Ekologiya kommunikativnoy distributsii slova [Ecology of communicative word distribution]. *Neofilologiya* [Neophilology], 7 (27), 369–376. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2008). Sovremennyye teorii verbal'noy ironii: osnovnyye problemy [Contemporary theories of verbal irony], *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment] (Vol. 6, pp. 24–32). Voronezh : VGU Press. (In Russ.).
- Askenasy, J. J. (2017). Biosemiotic conflict in communication. *Pragmatics and Cognition*, 23 (3), 364–375. <https://doi.org/10.1075/pc.23.3.02ask>
- Musolff, A. (2019). Language Aggression in Public Debates on Immigration. *Journal of Language Aggression and Conflict*, 5 (2), 175–177. <https://doi.org/10.1075/jlac.5.2.01mus>
- Rubin, A. M. (2003). Viewer Aggression and Attraction to Television Talk Shows. *Media Psychology*, 5 (4), 331–362. https://doi.org/10.1207/S1532785XMEP0504_02

УДК 811.1/8

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_57

Кравченко Михаил Александрович
Ростовский государственный университет путей сообщения
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
mak@rgups.ru

Если угодно: филологический этюд к портрету метаоператора (на материале Национального корпуса русского языка)

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению функционирования одного из метакоммуникативных маркеров – метаоператора *если угодно*, употребляемого в качестве вводной конструкции в широком спектре метаязыковых контекстов. Метаоператор *если угодно* фиксирует зоны метаязыкового напряжения и выступает сигналом метаязыковой рефлексии. Материалом для исследования послужило 1864 контекста употребления конструкции. С помощью функционально-семантического, функционально-прагматического и контекстуального анализа установлена тенденция к грамматикализации конструкции *если угодно*, которая в модально-предикативном значении современными носителями языка воспринимается как устаревшая и вытесняется из речевой практики. Трансформация конструкции *если угодно* из предикативной единицы с модальным значением во вводный оборот относится к числу активных процессов в современном русском языке. Метаоператор *если угодно* характеризуется синтаксической свободой относительно объекта рефлексии. Фиксируются случаи его нахождения в препозиции, постпозиции и интерпозиции по отношению к рефлексиву. В работе удалось выявить и описать две основные функционально-семантические роли метаоператора: 1) маркирование коммуникативного напряжения при выборе языковой единицы, 2) осмысление результатов выбора знака. В первой функции метаоператор сигнализирует о трудностях выбора знака и является маркером гезитаций, а во второй – выступает маркером статуса выбранного знака, который может определяться его коммуникативной направленностью (сигналы нечёткой номинации и пояснения), стилистической окраской (сигнал принадлежности знака к особому стилистическому регистру), эмоционально-экспрессивной характеристикой (сигналы эвфемизации или дисфемизации) и лингвокреативным потенциалом (сигнал языковой игры).

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, метаоператор, метакоммуникативный маркер, рефлексив, функционально-семантическая роль, гезитация, аппроксиматор

© Кравченко М. А. 2023

Для цитирования: Кравченко, М. А. Если угодно: филологический этюд к портрету метаоператора (на материале национального корпуса русского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 57–67. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_57

Mikhail A. Kravchenko
Rostov State Transport University
Rostov-on-Don, Russian Federation
mak@rgups.ru

Esli ugodno 'If you will': A philological sketch for the portrait of a meta-operator (Based on the Russian National Corpus)

Abstract

This article aims to study the functioning patterns of one of the metacommunicative markers – the meta-operator *esli ugodno* 'if you will' used as an introductory expression in a wide range of metalanguage contexts. This meta-

operator fixes the zones of metalanguage tension and acts as a signal of metalanguage reflection. The total of 1864 contexts were selected from the Russian National Corpus and further processed using functional-semantic, functional-pragmatic and contextual analysis. The results show the tendency towards the grammaticalization of the expression. Its transformation from a predicative unit with a modal meaning into an introductory unit is one of the active processes in modern Russian. The meta-operator is characterized by syntactic freedom with respect to the object of reflection. The study enabled to identify 2 main functional and semantic roles of the meta-operator: 1) to mark the communicative tension when choosing a language unit, 2) to comprehend the results of the choice of the sign. In its first function, the meta-operator signals difficulties in choosing a sign being a marker of hesitations, in the second function it appears a marker of the status of the selected sign determined by the direction of communication (signals of fuzzy nomination and explanation), stylistic coloring (a signal of the sign belonging to a particular style), emotional and expressive features (signals of euphemization or dysphemization) as well as linguocreative potential (the signal of the language game).

Keywords: metalanguage reflection, meta-operator, metacommunicative marker, reflexive, functional and semantic role, hesitation, approximator

© Kravchenko M. A. 2023

For citation: Kravchenko, M. A. (2023). *Esli ugodno: filologicheskiy etyud k portretu metaoperatora (na materiale Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Esli ugodno 'If you will': A philological sketch for the portrait of a meta-operator (Based on the Russian National Corpus)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 57–67. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_57

1. Введение [Introduction]

Способность к рефлексии является фундаментальным свойством языкового сознания. Как правило, вектор рефлексии направлен в сторону внешнего мира, который подвергается процедурам концептуализации и находит отражение в языковой материи. Однако в ряде случаев языковая рефлексия смещается в сторону внутренней референции. При этом её объектом становится сам языковой код. В такого рода случаях принято говорить о метаязыковой рефлексии, которая обеспечивает метаязыковой потенциал естественного языка.

Следует отметить, что определённые дискурсивные практики целиком являются продуктом метаязыковой рефлексии. Речь, в частности, идёт о видах профессиональной деятельности, в которых глубокие знания языка и коммуникативные компетенции играют важнейшую роль. Так, лингвисты и литературоведы опираются на научное метаязыковое сознание, в то время как писатели, журналисты, специалисты в области рекламы и связей с общественностью в осуществлении своей профессиональной деятельности задействуют творческие механизмы метаязыкового сознания. Вместе с тем, рядовой носитель языка, чья профессиональная деятельность напрямую не связана со словом (языком), также нередко прибегает к процедурам метаязыковой рефлексии. Можно констатировать, что нынешняя эпоха развития языка и культуры характеризуется повышенной рефлексивностью. Метаязыковые комментарии инкорпорируются в речь коммуникантов разных категорий, проникают в самые разные виды дискурсов. Данный факт послужил поводом говорить о так называемом «метаязыковом привкусе эпохи». По словам И. Т. Вепревой, «обилие метаязыковых высказываний ... в современной речи придаёт ей особый привкус: как щепотка соли, метавысказывания помогают выявить антропоцентрический характер современного языкового существования, подчеркнуть значимость личности в языке, осознающей себя в свободном выражении своей оценочной позиции» [Вепрева, 2014, с. 128–129]. Метаязыковая рефлексия, протекающая в сознании рядового носителя языка, в отечественной лингвистике определяется как «обыденная метаязыковая рефлексия».

Некоторые лингвисты считают, что метаязыковая рефлексия в обязательном порядке сопровождается всякую речевую деятельность. При этом метаязыковое сознание функционирует на двух уровнях: подсознательном и сознательном. На первом уровне метаязыковая рефлексия протекает в «свёрнутом виде» и заключается в автоматизированном (бессознательном) контроле правил использования языковых единиц [Шумарина, 2011, с. 46–47]. На втором уровне метаязыковая рефлексия выходит в «светлое поле» сознания, а её результаты находят специальное отражение в тексте [Там же, с. 48].

Объектом лингвистических исследований обыденного метаязыкового сознания являются контексты метаязыкового характера, которые сформировались под действием рефлексии в «светлом поле» сознания. Процессы метаязыковой рефлексии активируются в случаях затруднений при выборе номинаций, в случаях осмысления или пояснения семантики языковых единиц, в случаях формирования оценки языковых фактов и т. д. В тексте маркеры метаязыковой рефлексии представлены в форме специальных метапоказателей. Отдельную группу метапоказателей (метаоператоров) образуют так называемые метакоммуникативные маркеры [Пиргова, 2001] или субъектные компоненты речи [Рябцева, 2005, с. 376–411]. По мнению Н. К. Рябцевой, «наиболее ярко процессы рефлексии проявляются в речи, в текущем коммуникативном взаимодействии с адресатом, и воплощаются в особых «субъектных компонентах речи», которые не только отражают особенности производимой говорящим при этом рефлексии, но и позволяют в новом свете проинтерпретировать главное свойство языка – его антропоцентричность» [Рябцева, 2005, с. 376]. К числу метакоммуникативных маркеров или субъектных компонентов речи относятся разного рода вводные слова и обороты, частицы *так сказать*, *грубо (честно) говоря*, *что ли*, *так называемый*, *как бы*, *как его*, *пожалуй*, *именно* и многие другие, фиксирующие зоны метаязыкового напряжения и отражающие результаты метаязыковой рефлексии.

Настоящее исследование посвящено изучению функционирования метаоператора *если угодно* в различных метаязыковых контекстах. С грамматической точки зрения, словосочетание *если угодно* можно квалифицировать как функциональный омоним: с одной стороны, оно может представлять собой предикативную единицу, образованную сочетанием союза и сказуемого с модальным значением (в значениях 'если нужно', 'если хотите'), с другой – вводную конструкцию (со значениями 'кстати говоря', 'между прочим', 'пожалуй'). Именно в качестве вводной конструкции *если угодно* употребляется в широком спектре метаязыковых контекстов.

Актуальность предпринятого исследования объясняется высокой степенью рефлексивности речевой деятельности современных носителей языка, иными словами, «метаязыковым привкусом эпохи». Работа выполнена в русле актуальной в настоящее время когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований с привлечением обширного материала национального корпуса русского языка. Необходимо также упомянуть, что, по имеющимся у нас данным, специальное исследование характеристик метаоператора *если угодно* осуществляется впервые. Цель исследования состоит в выявлении и описании функциональных характеристик метаоператора *если угодно*.

В отечественной лингвистике сложились две основные традиции в изучении метакоммуникативных маркеров. Первая из них базируется на функционально-семантическом подходе к анализу эмпирического материала. Вторая использует достижения и инструментарий лингвистической прагматики.

В работах первого направления акцент сделан на исследовании функциональной семантики метаоператоров, отмечается роль последних в передаче метаязыковых значений. Одной из первых работ в данном направлении стало исследование Т. В. Шмелевой метаоператоров *так сказать* и *как говорится* [Шмелева, 1987]. К числу особенно значимых и определяющих дальнейшие перспективы развития научной традиции стоит от-

нести диссертационное исследование метакоммуникативных маркеров, выполненное Е.К. Пигровой [Пигрова, 2001]. В настоящий момент в лингвистической литературе представлен опыт функционально-семантических исследований метаоператоров *так называемый, проще говоря, попросту говоря* [Розина, 2009]; *скажем так* [Байдуж, 2017]; *грубо говоря, честно говоря, правду (по правде) говоря, мягко говоря, искренне говоря, прямо говоря* [Лю, 2022] и др.

Альтернативный взгляд на субъектные компоненты речи представлен в работах прагматического направления. В них маркеры метаязыковой рефлексии предлагается рассматривать в качестве прагматем устной речи [Богданова-Бегларян, 2015, с. 12]. При этом метапоказатели получают широкую трактовку как конструктивные компоненты дискурса (прежде всего, его устной разновидности), поэтому нередко определяются авторами как «дискурсивные слова». Оценка собственной речи говорящим рассматривается как один из активных процессов русской устной речи [Зайдес, 2020; Богданова-Бегларян, 2021]. В русле прагматического направления, на перекрестке проблематики изучения коммуникативной личности и прагматики дискурса, осуществляются исследования, в которых определяется зависимость использования прагматических маркеров от психотипа говорящего [Горбунова, 2021; Zaides et al., 2022]. В рамках данного направления исследований предпринимаются попытки решения лексикографических задач, связанных с кодификацией характеристик метакоммуникативных маркеров. Так, перспективным видится включение метаоператоров в предложенный Н. В. Богдановой-Бегларян Словарь прагматем русской устной речи [Богданова-Бегларян, 2015, с. 16]. Отдельную группу составляют исследования прагматических маркеров поиска знаковых средств, зачастую сопровождающегося хезитациями в процессе выбора лексических единиц [Шилихина, 2013; Чэн, 2018; Сунь, Богданова-Бегларян, 2022]. Ставится также вопрос о механизмах процесса грамматикализации конструкций, выполняющих функции прагматических маркеров [Bogdanova-Beglaryan, Zaides, 2021].

2. Функциональные характеристики метаоператора *если угодно* [Functional patterns of metaoperator *если угодно* 'if you will']

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили данные национального корпуса русского языка (основной подкорпус). Привлечение материалов национального корпуса русского языка обеспечило доступ к большому количеству контекстов употребления метаоператора, предоставило инструментарий для обработки квантитативной информации, что создало необходимые условия для глубины и достоверности научного исследования.

Основными методами проведенного исследования выступили методы функционально-семантического, функционально-прагматического и контекстуального анализа языковых данных. Таким образом, исследование в большей степени соответствует функционально-семантической традиции. Однако, нужно заметить, что для решения поставленных задач использовались также элементы прагматического анализа. Главное отличие настоящего исследования от работ прагматической традиции заключается в выборе эмпирического материала: эмпирическая база нашего исследования, опираясь на данные национального корпуса русского языка, вышла далеко за пределы устной спонтанной речи.

Предваряя изложение результатов исследования, приведём некоторые статистические характеристики эмпирической базы. В основном подкорпусе национального корпуса русского языка (на февраль 2022 года) собраны 1864 примера употребления конструкции *если угодно*. Указанные примеры извлечены из 1003 источников, относящихся к самым разным жанрам устной и письменной речи.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ данных национального корпуса русского языка позволил выявить ярко выраженную тенденцию трансформации конструкции *если угодно* из предикативной единицы с модальным значением во вводный оборот. В 45% случаев (840 – в абсолютном исчислении) конструкция *если угодно* представляет собой вводный оборот, который способен выступать маркером метаязыковых контекстов. Диахронный взгляд на корпус примеров, ставший возможным благодаря применению временного фильтра, показал, что в подавляющем большинстве контекстов, относящихся к XIX веку, *если угодно* проявляла себя как предикативная единица, в контекстах же конца XX – XXI веков функциональная дистрибуция конструкции кардинально изменилась в сторону выполнения служебных ролей. Для контекстов начала и середины XX века характерно относительно равномерное распределение случаев употребления конструкции *если угодно* как в качестве модальной конструкции, так и в качестве вводного оборота. Учитывая представленную динамику, можно с полным основанием утверждать, что грамматикализация конструкции *если угодно* относится к числу активных процессов, происходящих в современном русском языке. *Если угодно* в модально-предикативном значении современными носителями языка воспринимается как устаревшее и вытесняется из речевой практики выражением *если хотите* (последнее, однако, также не лишено способности к трансформации во вводный оборот, но примеры подобного употребления пока не столь многочисленны).

Перейдём к описанию функционально-семантических характеристик метаоператора *если угодно*. В тексте он маркирует зоны метаязыкового напряжения, указывает на интенсивную деятельность метаязыкового сознания. Анализ эмпирической базы показал, что исследуемый метапоказатель характеризуется синтаксической свободой относительно знака или последовательности знаков, выступающих объектом рефлексии. Иными словами, он не имеет фиксированной позиции по отношению к рефлексиву (единице, находящейся в фокусе внимания метаязыкового сознания). Так, метаоператор может предшествовать объекту рефлексии и тем самым готовить читателя (слушателя) к его восприятию: ... *отличительной чертой искусства времён Возрождения является «индивидуализм» или, если угодно, субъективизм* (М. М. Филиппов «Леонардо да Винчи. Как художник, ученый и философ», 1892); *Как и любой юбилейный презент, он не имеет ровно никакого практического значения – только символическое или, если угодно, мифологическое* (А. Колесников ««Свобода» в кривом эфире», 2002 // «Известия», 07.10.2002).

Если угодно может находиться в постпозиции к объекту рефлексии. При этом продуцентом актуализируется семантический эффект, своеобразное «послевкусие» от употреблённого слова: *Практически победила моя точка зрения: холодный версификатор, автор головных стихов, эпигон Гумилева и Пастернака, который неискренне пытается (от страха за свою шкуру, вероятно) приспособиться к новой действительности, мимикрировать, если угодно* (Б. Кенжеев «Из Книги счастья», 2007 // «Новый Мир», 2008); *Он понимал, что у Мережковских собирается элита, и чувствовал свою второразрядность, некоторую ущербность, провинциальность, если угодно* (А. Варламов «Пришвин или Гений жизни» // «Октябрь», 2002).

Если объект рефлексии представляет собой синтаксически сложное образование (состоит из двух или более слов), метаоператор может оказаться в интерпозиции, т. е. вклиниваться в структуру рефлексива: *Мы встретились по старой памяти у Чистых прудов (у Поганой, если угодно, лужи), в воскресенье, в мае ...* (А. Макушинский «Город в долине», 2012); *Я согласен с тем, что на Алексея Федоровича музыка оказала колоссальное воздействие и что до определённой поры Алексей Федорович находил возможным как бы поддаваться необузданным, если угодно, силам, которые идут из искусства...* (А. А. Тахо-Годи «Жизнь и судьба: Воспоминания», 2009).

Необходимо заметить, что далеко не все контексты употребления метаоператора *если угодно* семантически однозначны и прозрачны. В целом ряде случаев для уточнения функции метаоператора требуется более широкий контекст, чем тот, что представлен в корпусе. Некоторые примеры характеризуются содержательным синкретизмом, что не позволяет прояснить нюансы смысла и аргументированно определить функционально-семантическую роль метаоператора. Тем не менее в результате проведённого анализа удалось установить две основные функционально-семантические роли метаоператора *если угодно*. Первая роль связана с маркированием коммуникативного напряжения в процессе выбора языковой единицы. Вторая связана с указанием на осмысление результатов выбора знака. Далее последовательно опишем выявленные функционально-семантические характеристики.

I. Маркирование коммуникативного напряжения в процессе выбора языковой единицы. В такого рода случаях использование вводного оборота *если угодно* сигнализирует о трудностях ономаσιологического выбора. Он указывает на сомнения говорящего в процессе выбора номинации. Известно, что вербализация коммуникативного затруднения является типичным проявлением метаязыковой рефлексии [Гаврилова, Дикущина, 2021]. Поэтому *если угодно* выполняет функции хезитатива. Хезитации манифестируются через поиск слова, осуществляемый путём подбора в речевой цепи синонимов (в том числе контекстуальных) с целью определения знака, максимально адекватного денотату: *Всегда же мечтала не просто о муже, а о настоящем спутнике жизни, соратнике, если угодно* (Ю. И. Андреева «Многоточие сборки», 2009); *Не так давно я обнаружил свою раннюю (1994) повесть – или, если угодно, дневник – о проделках компании школьников* (А. Шепелев «Кгышфт Вшыгундф-ТВ», 2008 // «Волга», 2011).

Иногда хезитации находят более эксплицитный способ выражения в тексте. Помимо собственно метаоператора, процесс выбора слова маркируется выделением на письме пауз хезитации, а также специальными лексическими средствами: *Не то чтобы свободнее ... просто иначе ... легче, если угодно ...* (Ю. Буйда «Йолотистое мое йолото», 2013); *Осталось описать тот случай или, если угодно, то происшествие, что ли, – не знаю, как сказать...* (Л. Б. Усыскин «Сосед», 1997 // «Волга», 1999).

II. Указание на осмысление результатов выбора знака. Особенность данной функционально-семантической роли метаоператора *если угодно* заключается в том, что акцент переносится с осмысления процесса выбора номинации на осмысление результата этого выбора. В фокусе внимания метаязыковой рефлексии оказывается статус выбранного знака. Метаоператор передаёт разного рода сигналы о статусе знака. В зависимости от их функционального назначения эти сигналы могут быть распределены по отдельным таксономическим группам.

Во-первых, метаоператор способен передавать сигнал об особом коммуникативном статусе знака. Такого рода сигналы мы будем называть коммуникативными. В частности, к группе коммуникативных относятся сигналы нечёткой номинации. Маркер используется как сигнал о неполном референциальном соответствии избранного способа номинации [Подлеская, 2013, 621]. Избранное слово представляется продуценту как не совсем точное, приблизительное. Поэтому метаоператор *если угодно* выполняет функцию аппроксиматора: *Нет, японцы не азиаты. Это совершенно отдельная, если угодно, раса* (А. Сокуров «Письма на родину», 2007); *Получился афоризм или, если угодно, нечто вроде пословицы: «Жена есть жена!»* (С. Лунгин «Виденное наяву», 1989–1996). Сигнал нечёткой номинации усиливается, если объект рефлексии, помимо метаоператора *если угодно*, сопровождается дополнительным метапоказателем со значением возможности, неточности, допустимости: *Если угодно, это можно назвать активной обороной* (Я. Шимов «Четвёртый Рим или Бессилие сильных», 2002 // «Октябрь», 2002); *В математической реальности существуют различные числовые системы (если угодно, можно называть их числовыми осями) ...* (В. А. Успенский «Нестандартный анализ», 2002).

Если угодно формирует также коммуникативный сигнал пояснения. Данный сигнал актуализируется в тех случаях, когда, по мнению говорящего, отдельные употреблённые им слова нуждаются в пояснении, семантической расшифровке. Метаоператор сигнализирует о том, что слово – объект рефлексии выполняет функцию семантизатора. Как правило, пояснения затрагивают иноязычную лексику и терминологию:... *вышли мы, наконец, к Сене, к станции метро, точнее RER, электричек, если угодно, проходящих через город, под городом, возле которой и условились со Светой встретиться* (А. Макушинский «Город в долине», 2012); *Педагогика перцепции или, если угодно, обучение восприятию – вот тот важный посыл, который рождается из столь проблематичного контакта философии и кино* (О. В. Аронсон «Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия» Ч. I, 2007).

Отдельная разновидность коммуникативных сигналов формируется с целью указания на употребление языковых единиц в неконвенциональных, переносных значениях, всецело обусловленных контекстом. Метаоператор предупреждает реципиента о том, что он имеет дело с неординарным способом выражения мысли; о том, что ему потребуется специальный ключ для осмысления и понимания сказанного. Считаем, что указанная функция метаоператора проявляется в следующих примерах: *В Политехническом музее мы хотим вернуть книге её первоначальную коммуникативную функцию, эротизм если угодно* (К. Мильчин, Б. Куприянов «О ярмарках, кризисе и эротизме книги», 2011 // «Русский репортер», № 34 (212), 01.09.2011); ... *Соня пошла неволью в ритме этой музыки, и походка... чёрт побери! походка её теперь была иною, не такой, как обычно, не такой, как всегда, она была экзистенциальной, если угодно!* (С. И. Шуляк «Квартира номер девять. Роман с чертовщиной», «Волга», 2013).

Во-вторых, сигналы метаоператора могут передавать информацию о стилистическом статусе объекта рефлексии. К разряду типичных относятся случаи, когда на поверхности текста отражается метаязыковая рефлексия в отношении лексических единиц, выходящих за пределы состава общеупотребительной лексики. Предполагается, что их использование в речевой цепи требует дополнительных усилий от продуцента, а также специальной настройки воспринимающего сознания реципиента. Метаоператор фиксирует зону метаязыкового напряжения, сигнализируя об особом стилистическом регистре слова. Так, употребление вводного оборота *если угодно* с жаргонизмом является особым социальным маркером этого слова: *На Ваш взгляд: сложившееся сообщество, или, если угодно, тусовка, адекватно создаваемым ныне текстам?* (Разговоры с А. Пермяковым: Е. Вежлян – В. Куллэ, 2010 // «Волга», 2010); *Они братья. Если угодно, братаны* (А. Рубанов «Сажайте, и вырастет», 2005).

По тем же принципам метаоператор выделяет употребление в тексте профессионализмов. Если угодно указывает на особый статус термина: *Так я назвал тот этап истории человека (если угодно, антропогенеза) ...* (В. И. Данилов-Данильян и др. «Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России», 2005); *Это просто восточно-православное исповедание, или, если угодно, исихазм* (В. Карпец «От отроков Маковицких», 2004 // «Наш современник», 15.10.2004).

Подобным образом оказываются «отрефлексированными» в тексте слова иноязычного происхождения: *Сырьевая колонизация России сегодня налицо; а современные российские управленцы или если угодно, топ-менеджеры – рекруты этой стратегической задачи ...* (В. А. Подорога «Европа и Россия. Вопрос о колонизации», 2009); *Я пришел нарочно за вами, – сказал он – сегодня Академия Художеств открыта для любопытных, и я готов быть вашим путеводителем, вашим чичероне, если угодно!* (К. Н. Батюшков «Прогулка в Академию Художеств. Письмо старого Московского жителя к приятелю в деревню его Н», 1814).

В-третьих, метаоператор может выступать сигналом эмоционально-экспрессивного статуса слова – объекта рефлексии. Результатом рефлексии является оценка эмоционально-экспрессивной характеристики знака. С помощью метаоператора говорящий может повышать или понижать эмоциональный фон высказывания, что выражается в его эвфемизации или дисфемизации. Употребление вводного оборота задаёт эмоционально-экспрессивный вектор, противоположный тому, который определяется лексическим выбором. В частности, в приведённых ниже примерах автор обозначает попытку ухода от излишней дисфемизации: *Всё живое должно рождаться в муках – таков закон, таков рок или, если угодно, таково проклятие нашего земного бытия* (Н. В. Устрялов «К вопросу о русском империализме», 1916 // «Проблемы России» 1916); *Не знаю, поняли ль вы теперь странную, если угодно, уродливую душу Антиоха, которая открывалась только мне одному и никому более?* (Н. А. Полевой «Блаженство безумия», 1833).

В примерах с обратным содержанием ограничивается уже нейтрализующий потенциал использованных эвфемизмов: *Даже тех документов, которые стали достоянием общественности в последние годы, с лихвой хватает для понимания уровня цинизма (или, если угодно, прагматизма) политиков, разведчиков и военных* (Д. Великовский «ЦРУ без прикрытия», 2007 // «Русский репортер», № 7 (7), 5–12 июля 2007); *А вот когда говорится, что первые статьи Берковича в сети появились в 2000 году там-то, в то время как они появились в 1997 году и совсем в другом месте, то это – ложь. Или, если угодно, ошибка* (В. Лебедев «Я ценю труд, вложенный в написание отрицательных рецензий», 2004 // Интернет-альманах «Лебедь», 11.01.2004).

Наконец, в-четвёртых, *если угодно* может сигнализировать об имеющем место языковом эксперименте, об элементах языковой игры, инкорпорированных в семантическую ткань текста. Эксперименты над языковой материей формируют текстовые реминисценции и создают дополнительную семантическую глубину текста. Указанные эксперименты способны принимать различные формы: творческое использование словообразовательных моделей языка, конструирование неологизмов, обращение к приемам фоносемантической и паронимической аттракции, создание эффекта семантической неоднозначности, широкое применение конструкций экспрессивного синтаксиса и многое другое. При этом метаоператор играет роль своеобразного информатора об эксперименте над кодом и о потенциальных приращениях смысла: *А если по теме: проблема в том, что есть же коллективное бессознательное, да и, если угодно, коллективное сознательное* (Д. Бавильский, И. Манцов «У каждого ума свой телескоп», 2010 // «Частный корреспондент», 2010); *По сравнению с Чеховым, который показывает тонкие, цивилизованные преступления: как бессмысленно человек живёт, легко легкомысленно, забывая, что он смертен, Шекспир – из другой эпохи, другой автор, драматург, драмодел, если угодно* («Кама Гинкас в ожидании Макбета», 1996 // «Итоги», 03.09.1996).

3. Заключение [Conclusion]

В заключение отметим, что проведённое исследование позволило выяснить и в общих чертах изложить вопрос о функционировании конструкции *если угодно* в современном русском языке. Имеются веские основания говорить о наличии тенденции к грамматикализации оборота. Частотность его употребления в качестве предикативно-модальной единицы неуклонно сокращается. Напротив, контексты его употребления как метаоператора расширяются и на данный момент составляют 45% от всех изученных случаев. В качестве метаоператора оборот выполняет две основные функционально-семантические роли: индикатора процесса выбора номинации и индикатора результата выбора номинации. В первом случае он указывает на метаязыковые контексты, отражающие процесс поиска слова, а во втором – маркирует особый статус языковых знаков,

связанный с их коммуникативной направленностью, стилистической окраской, эмоционально-экспрессивной характеристикой и лингвокреативным потенциалом.

Библиографический список

- Байдуж, 2017 – Байдуж Л. М. Стратегии квазиноминаций, реализуемые в высказываниях с метапоказателем скажем так // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 59–64. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2017-16-9-59-64>
- Богданова-Бегларян, 2015 – Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян, 2021 – Богданова-Бегларян Н. В. Так сказать – рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 73–85.
- Гаврилова, Дикушина, 2021 – Гаврилова Е. И., Дикушина В. В. Вербализация коммуникативного затруднения как проявление речевой рефлексии (на материале автобиографической прозы М. И. Цветаевой) // Казанская наука. 2021. № 11. С. 57–60.
- Горбунова, 2021 – Горбунова Д. А. Прагматические маркеры русской устной речи: корреляция с психотипом говорящего : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.5. СПб., 2021. 145 с.
- Ведрева, 2014 – Ведрева И. Т. Метаязыковой привкус эпохи. Избранные работы последнего десятилетия. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2014. 223 с.
- Зайдес, 2020 – Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.01. СПб., 2020. 247 с.
- Лю, 2022 – Лю Э. Функционирование метатекстовых операторов с компонентами «говорять» и «сказать» в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Владивосток, 2022. 25 с.
- Пигрова, 2021 – Пигрова Е. К. Метакоммуникативные маркеры в устной спонтанной речи : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. СПб., 2021. 168 с.
- Подлеская, 2013 – Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог». Вып. 12 (12) : в 2-х тт. Т. 1 : Основная программа конференции. М. : Изд-во РГГУ, 2013. С. 619–631.
- Розина, 2009 – Розина Р. И. Так называемый: семантика вводных метаязыковых оборотов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М. : РГГУ, 2009. С. 426–431.
- Рябцева, 2005 – Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М. : Academia, 2005. 640 с.
- Сунь, Богданова-Бегларян, 2022 – Сунь С., Богданова-Бегларян Н. В. Особенности употребления прагматического маркера это самое в спонтанной монологической речи // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 636–640.
- Чэн, 2018 – Чэн Ч. Хезитации в устной русской речи носителей китайского языка: дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. СПб., 2018. 204 с.
- Шилихина, 2013 – Шилихина К. М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог». Вып. 12 (12) : в 2-х тт. Т. 1 : Основная программа конференции. М. : Изд-во РГГУ, 2013. С. 698–707.
- Шмелева, 1987 – Шмелева Т. В. Так сказать и как говорится // Службные слова: межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск : НГУ, 1987. С. 125–132.
- Шумарина, 2011 – Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 328 с.
- Bogdanova-Beglaryan, Zaides, 2021 – Bogdanova-Beglaryan N., Zaides K. Pragmatic markers and parts of speech: on the problems of annotation of the speech corpus // CEUR Workshop Proc. Proc. of the International Conference “Internet and Modern Society” (IMS-2021). St Petersburg, 2021. P. 129–139.

Zaides et al., 2022 – Pragmatic markers and personality: approaches to analysis / K. Zaides, D. Gorbunova, T. Popova, N. Bogdanova-Beglaryan // *Язык и культура в глобальном мире*. СПб. : Изд-во «Лема», 2022. P. 457–464.

References

- Bayduzh, L. M. (2017). Strategii kvazinominatsiy, realizuemye v vyskazyvaniyakh s metapokazatelem skazhem tak [The quasi-nominations strategies realized in statements with the expression skazhem tak (so to say)]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 16 (9), 59–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2017-16-9-59-64>
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2015). Refleksiv v sisteme diskursivnykh edinit russkoy ustnoy rechi [Reflexive items in Russian speech discursive units system]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 3, 11–17. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2021). Tak skazat' – rozhdenie pragmaticheskogo markera (ob aktivnykh processakh v russkoy ustnoy rechi) [Tak skazat' (so to say) – the birth of a pragmatic marker (About active processes in Russian speech)]. *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe* [Active processes in modern Russian: National and international]: Selected papers (pp. 73–85). Flinta Press. (In Russ.).
- Gavrilova, E. I., Dikushina, V. V. (2021). Verbalizatsiya kommunikativnogo zatrudneniya kak proyavlenie rechevoy refleksii (na materiale avtobiograficheskoy prozy M. I. Tsvetaevoy) [Verbalisation of the communication difficulties as a display of speech reflection (Based on the autobiographical prose of Marina Tsvetaeva)]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 11, 57–60. (In Russ.).
- Gorbunova, D. A. (2021). Pragmaticheskie markery russkoy ustnoy rechi: korrelyatsiya s psixotipom govoryashchego [Pragmatic markers of Russian oral speech: Correlation with the speaker's psychotype]: PhD in Philological sci. diss. St Petersburg: St-Petersburg State University. (In Russ.).
- Vepreva, I. T. (2014). *Metazykovoy privkus epokhi. Izbrannye raboty poslednego desyatiletiya* [Metalanguage flavor of the era. Selected works of the last decade]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. (In Russ.).
- Zaydes, K. D. (2020). Pragmaticheskie markery predikativnogo tipa v russkoy ustnoy spontannoy rechi [Pragmatic markers of predicative type in Russian oral spontaneous speech]: PhD in Philological sci. diss. St Petersburg: St Petersburg State University. (In Russ.).
- Lyu, E. (2022). *Funktsionirovanie metatekstovykh operatorov s komponentami «govorya» i «skazat'» v sovremennom russkom yazyke* [Functioning of metatext operators with the components “saying” and “say” in modern Russian]: PhD in Philological sci. diss. Vladivostok. (In Russ.).
- Pigrova, E. K. (2001). *Metakommunikativnye markery v ustnoy spontannoy rechi* [Metacommunicative markers in oral spontaneous speech]: PhD in Philological sci. diss. St Petersburg: St Petersburg State University. (In Russ.).
- Podlesskaya, V. I. (2013). Nechetkaya nominatsiya v russkoy razgovornoy rechi: opyt korpusnogo issledovaniya [Vague reference in Russian: evidence from spoken corpora]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog”* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proc. of the annual International Conference “Dialogue”] (Vol. 12, Iss. 1, pp. 619–631). Moscow: Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.).
- Rozina, R. I. (2009). Tak nazyvaemy: semantika vvodnykh metazykovykh oborotov [So-called: semantics of introductory metalanguage turns] *In Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog 2009»* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proc. of the annual international conference “Dialog 2009”]. (Vol. 8, Iss. 15, pp. 426–431). Moscow: Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.).
- Ryabtseva, N. K. (2005). *Yazyk i estestvennyy intellekt* [Language and natural intelligence]. Academia Press. (In Russ.).

- Sun, X., Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2022). Osobennosti upotrebleniya pragmaticheskogo markera eto samoe v spontannoy monologicheskoy rechi [Features of using the pragmatic marker eto samoe in spontaneous monological speech]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2022, 3 (50), 636–640. (In Russ.).
- Chen, Ch. (2018). Khezitatsii v ustnoy russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka [Hesitations in the oral Russian speech of native Chinese speakers]: PhD in Philological sci. diss. St Petersburg: St Petersburg State University. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2013). Diskursivnoe markirovanie netrivial'nogo leksicheskogo vybora [Discursive labeling of non-trivial lexical choice]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog"* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proc. of the annual International Conference "Dialog"]. (Vol. 12, Iss. 1, pp. 698–701). Moscow: Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.).
- Shmeleva, T. V. (1987). Tak skazat' i kak govornitsya [So to say and as they say]. *Sluzhebnye slova* [Grammatical words]: Selected papers (pp. 125–132). Novosibirsk: NSU Press. (In Russ.).
- Shumarina, M. R. (2011). Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta [Language in the mirror of a literary text]. *Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy* [Metalanguage reflection in works of Russian prose]. FLINTA Press: Nauka Press. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglaryan, N., Zaides, K. (2021). Pragmatic markers and parts of speech: on the problems of annotation of the speech corpus. *CEUR Workshop Proc. Proc. of the International Conference «Internet and Modern Society» (IMS-2021)* (pp. 129–139). St Petersburg.
- Zaides, K., Gorbunova, D., Popova, T., Bogdanova-Beglaryan, N. (2022). Pragmatic markers and personality: approaches to analysis. *Yazyk i kul'tura v global'nom mire* [Language and culture in the global world] (pp. 457–464). St Petersburg: Lema Press.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 11.10.2023.
The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 11.10.2023.

Ленец Анна Викторовна, Лагажан Юлия Алексеевна

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

annalenets@sfedu.ru, lagazhan@sfedu.ru

Языковая репрезентация вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медиапространстве

Аннотация

В статье представлен анализ языковых средств, используемых в немецкоязычном медиапространстве лидерами новостных изданий, направленных на воздействие и манипулирование общественным сознанием в странах немецкоязычного ареала в условиях пандемии COVID-19. Материалом исследования послужили газетные статьи о вакцинации в ведущих интернет-изданиях Германии, Австрии и Швейцарии. Методом сплошной выборки было отобрано 206 примеров. Далее был применён метод семантико-стилистического анализа. В результате используемые авторами новостных статей языковые средства, выражающие отношение к вакцинации, были разделены на три группы: 1) с позитивной семантикой, 2) с негативной семантикой, 3) нейтральные. Выявлено, что в немецкоязычном медийном дискурсе вакцинация рассматривается позитивно как необходимость, спасение и долг. Вместе с тем доля лексико-семантических групп, выражающих положительную семантику, относительно небольшая (28%). Негативное отношение к вакцинации выражается в скептицизме и недоверии к ней. Доля лексико-семантических групп, выражающих негативную семантику, намного больше (68%). В исследовании отмечена значительная вариативность распределения по группам в зависимости от страны немецкоязычного ареала. Нейтральное мнение встречалось редко (4%).

Ключевые слова: COVID-лексика, медиадискурс, речевое воздействие, СМИ, немецкий язык

© Ленец А. В., Лагажан Ю. А. 2023

Для цитирования: Ленец А. В., Лагажан Ю. А. Языковая репрезентация вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медиапространстве // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 68–83. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_68

Anna V. Lenets, Iuliia A. Lagazhan

Southern Federal University

Rostov-on-Don, Russian Federation

annalenets@sfedu.ru, lagazhan@sfedu.ru

Language representation of COVID-19 vaccination in the German-speaking media space

Abstract

The article aims to examine the language means exploited by the leaders of the German-speaking media space that are aimed at influencing and manipulating public consciousness during the COVID-19 pandemic. Journal articles about vaccination published in leading online newspapers in Germany, Austria and Switzerland were used as research material. 206 examples were selected using continuous sampling. The methods of semantic and stylistic analysis were applied for the obtained data processing. As a result, the language means used by the authors in the news articles to express the attitude to vaccination were classified into 3 groups: (i) with positive semantics showing confidence in vaccines, (ii) with negative semantics indicating a complete rejection of vaccination, (iii) neutral. It was found that in the German-language media discourse, vaccination is viewed positively as a necessity, salvation and duty. However, the percentage of lexico-semantic groups expressing

positive semantics was relatively small (28%). The negative attitude towards vaccination is expressed in skepticism and distrust of it. The percentage of lexico-semantic groups expressing negative semantics was as high as 68%. The study noted a significant variability in the distribution of groups depending on the country of the German-speaking area. Neutral attitude was rare (4%).

Keywords: COVID vocabulary, media discourse, speech impact, mass media, the German language

© Lenets A. V., Lagazhan I. A. 2023

For citation: Lenets, A. V., Lagazhan, I. A. (2023). Yazykovaya reprezentatsiya vaktsinatsii ot COVID-19 v nemetskoyazychnom mediaprostranstve [Language representation of COVID-19 vaccination in the German-speaking media space]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 68–83. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_68

1. Введение [Introduction]

Средства массовой информации являются важным связующим звеном между обществом и различными событиями, которые происходят ежедневно. Газеты, журналы, блоги и другие средства передачи информации призваны публиковать только настоящие новости, т. е. события, которые произошли на самом деле. Однако реальность сегодняшнего дня такова, что не каждое печатное или Интернет-издание придерживается нейтральной позиции и публикует объективно правдивую информацию о прошедших или предстоящих событиях. Средства массовой информации способны создавать вторую реальность, отличную от настоящей, преследуя при этом определённые цели, чтобы влиять на общественное мнение. Всякая обстановка в мире или стране, вызванная природными катаклизмами или созданная искусственно человечеством, находит своё отражение в СМИ в виде новостей, при этом распространение новой информации происходит молниеносно. Большое внимание в СМИ уделяется важным событиям, которые либо резонируют с мировоззрением общества, либо имеют большое влияние на людей, в большинстве случаев негативное [Архипова, Пейгин, 2021]. Различные глобальные катастрофы, войны, международные конфликты и многое другое побуждают средства массовой информации реагировать на данные события и оповещать о них общество [Ленец, Зарипова, 2018].

В начале 2020 года мир потрясло событие, которое повлияло и продолжает влиять на жизнь всего мира. Обнаруженная в 2019 году в Китае вирусная инфекция получает название COVID-19 (от англ. COronaVirus Disease; также Coronavirus; 2019-nCoV). Данный вирус распространился на 210 стран по всему миру. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию коронавируса 30 января 2020 года и подняла, в связи с этим, международные проблемы общественного здравоохранения [Novel Coronavirus, 2020]. Событие такого уровня во многом повлияло не только на вектор изысканий учёных в естественных науках (что вполне закономерно). Так, в области политики и политологии учёные изучают понятия риска в условиях пандемии [Vera-Valdés, 2021], в сфере экономики исследователи большое внимание уделяют изучению безработицы в период пандемии [Su et al., 2021], в области медицины исследователей интересуют мероприятия по предотвращению распространения вируса в других странах и по оказанию медицинской помощи [Trout, Kleinman, 2020].

Пандемия во многом определила и тематику дальнейших изысканий в гуманитарных науках [Bunevičienė et al., 2021], в том числе и в лингвистике [Болотнов, 2021; Дубинина, 2022; Редкозубова, 2020; Borankulova, Proshina, 2021; Sanz et al., 2021 и др.]. Так, актуальными в этой связи для лингвистов становятся вопросы словообразования COVID-лексики [Редкозубова, 2020], анализа средств выразительности в освещении

COVID-19 [Павленко, 2020]. Большое внимание учёные уделяют теории дискурса, в частности, стремятся определить роль СМИ в освещении пандемии [Anwar et al., 2020], способы подачи информации о COVID-19 [Kartika, 2020]. В последнее время актуальной во всем мире становится тема вакцинации [Hughes et al., 2021]. С появлением информации о первой вакцинации конфронтация людей, которые выполняют все требования в период пандемии, и тех, кто выступает против данного вируса и всех ограничений, только увеличилась. Вакцинация от COVID-19, а также её целесообразность и/или вредность для человека получает самое живое обсуждение в средствах массовой информации [Цонева, 2021; Zimand-Sheiner et al., 2021]. Новостные агрегаторы порой максимально полярно пишут о вакцине и вакцинации, применяя при этом различные языковые средства и методы, которые позволяют манипулировать общественным мнением [Hughes et al., 2021].

Между тем, в лингвистической литературе не представлено трудов, посвящённых языковым средствам, используемым для речевого воздействия с целью убеждения вакцинироваться от COVID-19 (или наоборот) в немецкоязычном медийном пространстве. В связи с вышеизложенным, целью данной статьи является анализ языковых средств в немецкоязычных средствах массовой информации, которые направлены на воздействие и манипулирование общественным сознанием в условиях пандемии COVID-19. Обозначенная цель позволяет определить решение следующих задач: 1) установить особенности современного медиа-дискурса в связи с ситуативным контекстом; 2) описать использование языковых средств дискурсивного воздействия в медиа-пространстве; 3) проанализировать прагматический потенциал языковых средств на материале немецкоязычных статей ведущих новостных агрегаторов Германии, Австрии и Швейцарии.

1.1. Медийный дискурс и его свойства [Media discourse and its properties]

Пресса продолжает выполнять основную функцию убеждения в условиях новых цифровых форм передачи информации. Предполагается, что данная функция воздействует на сознание человека при помощи апелляции к критическому мышлению реципиента. В условиях постоянно и быстро меняющейся жизни общества, а также сильно изменившегося медиаландшафта средства массовой информации не теряют своих позиций, остаются основным источником информации и играют жизненно важную роль в просвещении и информировании масс.

Современный медийный дискурс является продуктом нынешних социокультурных трансформаций, где пандемия COVID-19 оказала большое влияние на его развитие. При определении медийного дискурса мы опираемся на мнение Т. Г. Добросклонской, которая понимает под ним совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская, 2020, с. 110]. Обратимся к основным характеристикам современного медийного дискурса, к которым современные исследователи относят демонстративность, ювенилизация, поликодовость, визуальное представление информации, размывание институциональности [Карасик, 2021].

Демонстративность стала ярким примером тиражирования в современном медиапространстве [Карасик, 2021, с. 18]. Помимо демонстративности происходит ювенилизация общения, которая особо выражена в статьях, нацеленных на подростковую аудиторию, а также характеризуется использованием сниженной лексики для сокращения дистанции между автором и читателем [Карасик, 2021, с. 18–19]. В современных реалиях из-за большого количества поступающей информации возникает фикцианизация информации, которая вытесняет устоявшееся информирование [Карасик, 2021, с. 20]. В связи с этим появляется потребность в развитии навыков критического анализа для того, чтобы уметь различать факты, фейки и фактоиды, которые в медиапро-

странстве противопоставляются. Современный медийный дискурс характеризуется повышением доминирования визуального представления информации и поликодовости [Карасик, 2021, с. 21–22], которая в тексте представляет собой замену традиционного буквенного текста на мультимедийный способ передачи информации. С другой стороны, происходит размывание институциональности, т.е. расширение интердискурсивности осуществляется за счёт смешения форм организации коммуникации различных институтов [Карасик, 2021, с. 25–26]. Обозначенные признаки характерны для большинства печатных информационно-аналитических агрегаторов, которые для сохранения аудитории и в условиях конкуренции с набравшими огромную популярность социальными сетями частично перешли в онлайн-формат. Кроме того, поступающая информация (очень часто неподкреплённая достоверными источниками и фактами) распространяется с огромной скоростью. В борьбе за сохранение уже существующей аудитории и привлечение новых читателей, журналисты прибегают к различным тактикам для манипулирования мнением аудитории и воздействия на неё [Петренко, 2020].

Другой важной характеристикой медийного дискурса является размывание границ приватности, публичности, при котором в СМИ появляются статьи различных жанров и тем медийного дискурса. Сохранение эмоционального напряжения в медийном пространстве позволяет успешно влиять на восприятие и потребление информации читателем. Особенно это проявляется в заголовках статей, с помощью которых журналисты пытаются привлечь внимание аудитории именно к их новостным ресурсам [Красина, 2020]. Активное продвижение той или иной темы в медиаресурсах способствует привлечению внимания к актуальной для многих стран проблеме (например, движение против расизма и насилия „Black Lives Matter“, которое возникло в 2013 году, а сама фраза активно используется как в политическом, так и в медийном дискурсе).

1.2. Пандемия коронавируса и вакцинация в медийном дискурсе [The coronavirus pandemic and vaccination in media discourse]

Актуальной темой для всего мира с конца 2019 года становится пандемия коронавируса, которая привела к тому, что медийный дискурс стал перенимать определённые формы коммуникации, которые присущи врачам. С другой стороны, данная тема получила политическую значимость, т.к. многие статьи были посвящены деятельности государства по борьбе с коронавирусной инфекцией. Исследования современных лингвистов направлены на рассмотрение такого явления как COVID-19 в самых разнообразных отраслях языкознания [Болотнов, 2021 ; Дубинина, 2022 ; Павленко, 2021 ; Цонева, 2021]. Постепенно COVID-тема приобретает значение для исследований в области медийного дискурса в рамках политолингвистики (например, готовность читателей изменить свое поведение для обеспечения коллективной безопасности) [Мухарьямова, 2021], теории дискурса (напр., понимание и изучение роли средств массовой информации и коммуникаций в области общественного здравоохранения) [Anwar et al., 2020], прагмалингвистики (например, роль источников коммуникации в формировании отношения людей к вакцинации) [Zimand-Sheiner, 2021]. Из-за существующих противоположных точек зрения на вирус общество раскололось на два лагеря. Средства массовой информации, призванные снизить градус критичности ситуации, не всегда справляются со своей задачей, а в некоторых случаях во многом усугубляют положение. Наряду с новостными изданиями, которые объективно и ясно предоставляли новости о COVID-19, также были и те, кто ставил под сомнение существование самого вируса и его опасность для человечества.

Лингвистические исследования COVID-темы показывают, что наблюдается тенденция к рационализации фактов о пандемии, с ясными и чёткими рекомендациями [Карасик, 2020]. Учёные-лингвисты подробно изучают различные аспекты влияния

пандемии на общество в целом и на язык в частности. Влияние COVID-19 проявляется в возникновении новой лексики, в изменениях уже существующей или же в образовании новых понятий уже привычных дефиниций, а также в процессе заимствования новых слов из других языков. В российском медийном дискурсе само появление и развитие пандемии отражалось ярко и эмоционально, часто в юмористической форме. Вместе с тем, информация о вакцине и вакцинации 2021 года, согласно исследованиям, более сбалансирована и не так ярко окрашена в СМИ [Цонева, 2021, с. 43]. Другим интересным направлением исследований является метафоризация пандемии в средствах массовой информации. В политическом дискурсе СМИ наблюдается тенденция метафоризации с привлечением различных эпитетов для передачи ёмкой и во многом отрицательной оценки сложившейся ситуации [Петренко, 2020, с. 206]. Помимо излишней милитаризации COVID-19 исследователи указывают на метафоризацию болезни как путешествия для понижения уровня агрессии и замены данной тенденции на более спокойную, указывающую на смирение с событиями, которые не представляется возможным контролировать [Нагорная, 2021, с. 31].

В связи с быстрым распространением и проникновением вируса во все сферы жизнедеятельности было выявлено, что на первый план вышли понятия «ковид», «карантин», которые активно используются в различных сферах коммуникации. Помимо этого, узкоспециальные медицинские термины, такие как сатурация, резистентность, антитела и другие понятия, стали наиболее употребительными в период пандемии [Голованова, 2021, с. 34]. Впоследствии самой обсуждаемой в медиапространстве темой становится «вакцинация». А само понятие *vax* («вакцина»), согласно исследованию Оксфордского словаря, стало самым важным в 2021 году. Для обоснования необходимости массовой вакцинации и убеждения населения в достаточном количестве вакцин и их эффективности против коронавирусной инфекции в статьях и их заголовках используются различные лексико-грамматические средства. Остановимся на полученных результатах исследования использования лексики о вакцинации от COVID в медийном пространстве.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Постепенное, а в последние 20 лет стремительное развитие средств массовой информации привело к тому, что информационные агрегаторы предоставляют огромное количество информации в сети Интернет за короткий промежуток времени. С целью сохранения аудитории и влияния многие газетные издания также перенесли выход новостей в онлайн-формат. В качестве материала исследования были отобраны статьи о вакцинации, размещённые на страницах девяти информационно-аналитических газетных изданий Германии – „*Die Zeit*“, „*Frankfurter Allgemeine Zeitung*“, „*Süddeutsche Zeitung*“, Австрии – „*Wiener Zeitung*“, „*Kronen Zeitung*“, „*Der Standard*“, Швейцарии – „*Neue Zürcher Zeitung*“, „*Der Blick*“, „*Tages-Anzeiger*“. Вышеперечисленные немецкоязычные средства массовой информации являются самыми тиражируемыми газетными изданиями на территории немецкоязычного ареала. Все упомянутые газеты оказывают значительное влияние на общественное мнение в немецкоязычных странах. Кроме того, в указанных изданиях представлены различные точки зрения на процесс вакцинации от COVID-19. Для анализа полученных результатов исследования газеты были разделены на три большие группы, в которые вошли по три новостных издания из каждой немецкоязычной страны.

Первая группа представлена ежедневными газетами Г е р м а н и и. Ярким представителем немецкой межрегиональной газеты, которая придерживается центристских взглядов, является газета „*Die Zeit*” (DZ). Данное информационное издание популярно

среди читателей благодаря обсуждению самых спорных тем с привлечением различных экспертов из различных областей для формирования объективного мнения по определённой проблеме. Другой общенациональной подписной газетой является „*Frankfurter Allgemeine Zeitung*” (FAZ), которая играет огромную роль в формировании мнения немцев, являясь независимой газетой и не поддерживая ни одну из партий Германии. География распространения данного газетного издания является самой обширной из всех газет Германии. Издание газетного типа „*Süddeutsche Zeitung*” (SZ) также относится к общенациональной подписной газете мюнхенской издательской группы *Süddeutsche Verlag*, которая не всегда выступает в роли объективного издания предлагаемых новостей. Газета имеет скандал с публикацией поддельного интервью.

Во вторую группу входят информационные издания *А в с т р и и*, которые имеют широкое влияние на всей территории Республики. Материалом для исследования послужили примеры из старейшей, всё ещё издаваемой и известной газете в Европе – „*Wiener Zeitung*” (WZ). Данная газета используется для публикации официальных объявлений правительства Австрийской Республики. Также большой интерес представляет газета „*Kronen Zeitung*” (KZ), которая является самой крупной австрийской бульварной газетой. Данное издание не всегда придерживается курса объективности предлагаемой информации. Газета уже обвинялась в антисемитизме и правом экстремизме. Абсолютной противоположностью является общенациональная газета издательства *Standard Verlagsgesellschaft* „*Der Standard*” (DS), которая публикует материал в соответствии с кодексом чести австрийской прессы, т.е. уважает право на частную жизнь и печатает актуальную и объективно правдивую информацию.

Третья группа представлена газетами, тиражируемыми в *Ш в е й ц а р и и*. Так, одной из ведущих немецкоязычных газет Швейцарии является „*Neue Zürcher Zeitung*” (NZZ), которая известна своей объективностью и глубоким анализом текущих событий. Другое новостное (одно из самых читаемых в Швейцарии) издание – немецкоязычная газета, выпускаемая в Цюрихе „*Der Blick*” (DB). Газета не отличается объективностью, т.к. в ней публиковались манипулятивные статьи, в которых содержалась ложная информация. Немецкоязычная газета, которая считается одной из самых влиятельных газет Швейцарии и представляет большой интерес – „*Tages-Anzeiger*” (TA).

В настоящем исследовании использовались различные лингвистические методы. Метод словарных дефиниций позволил проанализировать и сформулировать понятия медиадискурса, дискурсивного влияния и вакцинации. Для рассмотрения языковых средств, применяемых авторами статей для описания явления вакцинации, использовался семантико-стилистический анализ. Методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 206 языковых примеров репрезентации процесса вакцинации в статьях немецкоязычных газетных СМИ. Для анализа и подсчёта полученных данных использовалась программа *Antconc* – инструмент для статистических исследований текстов (создатель программы – профессор Школы науки и техники университета Васеда (Япония) Лоуренс Антони).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Интересно рассмотреть происхождение немецкой лексемы *Impfung* (вакцинация), этимология которой зафиксирована в онлайн-словаре DWDS: «*процесс инъекции или инъекции защитных веществ в организм для иммунизации*». Истоки вакцинации заложены ещё в период расцвета римской культуры, когда германцы по примеру римлян учились облагораживать и прививать фруктовые деревья (*ahd. imphōn* – растения). Позже в XII веке используется уже и переносное значение – «добавить, принести». В XVIII веке с изобретением вакцины против оспы данный термин становится меди-

цинским и обозначает процесс введения в организм патогенов, сделанных для создания защитных веществ. С начала XIX века термин вакцинации устойчиво сохраняет значение вакцинации против определённого заболевания. Помимо лексемы *Impfung* в словаре DWDS предлагается синоним *Vakzination*, который менее популярен. Также представлен лексический ряд, который чаще всего используется в словосочетании с *Impfung*: *Nebenwirkung, Nutzen, Risiko, Wirksamkeit, empfehlen, schützen*.

Обратимся к определению понятия. „*Impfung – das Einbringen vom Impfstoff in den Körper eines Menschen, um Immunität gegen eine oder mehrere Krankheiten zu erzielen, Schutzimpfung; Aufbringen von Mikroben oder mikrobenverdächtigem Material auf einen lebenden Organismus zum Zweck des Nachweises oder der Weiterzucht; Einbringen von Stickstoff erzeugenden Bakterien in den Boden, Bodenimpfung*“ [DUDEN] – 'Вакцинация – введение антивируса в организм человека для формирования иммунитета к одному или нескольким заболеваниям, защитная вакцинация; внесение бактерий, грибов или вирусов в питательную среду с целью выявления или дальнейшего разведения; внесение в почву бактерий, генерирующих азот, вакцинация почвы' (здесь и далее перевод наш – А. Л., Ю. Л.).

Помимо основного значения в области медицины, данный термин используется в сельском хозяйстве, сохраняя своё первоначальное значение, где имеется в виду удобрение определённых видов растений для выработки азота. С точки зрения биологии вакцинация – это внесение бактерий, вирусов или грибов в питательную среду для их последующего размножения. Следует отметить, что лексема *Impfung* имеет и переносное значение, описывая процесс иммунизации против ложной информации, т. е. дезинформации.

Для противостояния пандемии COVID-19 создаётся вакцина, которая предоставляет возможность на начальном этапе снизить ограничения, а впоследствии вернуть привычный уклад жизни. Вопрос вакцины и вакцинирования в целом вызывает полярные мнения, в результате чего возникли два противоборствующих лагеря. Первый объединяет сторонников повсеместного вакцинирования, а во втором лагере, наоборот, находятся противники вакцинирования, в редких случаях вакцинирование воспринимается резко отрицательно. С начала появления коронавируса отмечалась ментальная стойкость ассоциации болезни с войной, что подкреплялось выступлениями политиков, которые в своих речах использовали милитаристскую риторику. Но такая риторика оказалась деструктивной, т. к. её активное использование провоцирует столкновение представителей двух групп – сторонников необходимости вакцинироваться и противников вакцинирования. Риторика «войны» и противостояние болезни как врагу извне не является верной в связи с тем, что ограничительные меры были направлены не на объединение, а на изоляцию. Это подтверждает, что языковая репрезентация вакцинации в медийном дискурсе имеет важное значение.

Для обоснования формируемого необходимого мнения в медийном дискурсе нами установлены лексико-семантические группы слов, которые преимущественно используются для описания процесса вакцинации. Важными при этом являются группы лексических единиц, которые характеризуют:

- **процесс и этапы вакцинации** (*Impfung, Zweitimpfung, Dritt-Impfung; Impfdurchbrüche; Impfleistung, Impffortschritt, Impfplafond, Impflücke, Impftempo, Impfgeschwindigkeit, Impfverlauf*):

Denn wenn viel Virus zirkuliert, kann sich der Einzelne nur mehr bedingt vor Kontakt mit dem Virus schützen. Und gerade jene, die besonders vulnerabel sind, haben als Erste ihre Impfungen erhalten (WZ, 2021, №144);

- **акторы процесса вакцинирования, среди которых как последователи, так и противники** (*Impfbefürworter, Impfexperte, Impfskoordinator, Impfbotschafter, Impfmotivator; Impfkritiker, Impfzögerer, Impfzauderer, Impf-Verunsicherte, Impfmuffel, Impfgegner, Anti-Vaxxer*):

*Solange ich mein Kind nicht selbst schützen kann, erwarte ich mir, dass die Kleinen vom Umfeld geschützt werden“, sagt die Mutter, die anonym bleiben möchte, weil sie und ihre Kinder negative Erfahrungen mit **Impfkritikern** gemacht haben (KZ, 2021, №22.070);*

- **причины вакцинирования** (*Impfmöglichkeit, Impf-Anreiz, Impfabwägungen, Impfvertrauen, Impfbereitschaft, Notwendigkeit, Ordnung, Pflicht, Misstrauen, Druck, Bedrohung*):

Bei einer verpflichtenden Impfung würde aus dieser Spannung in der Belegschaft jedes Krankenhauses und jedes Pflegedienstes eine Spaltung. Zumal man eines bedenken muss: Eine Impfpflicht für Angestellte in Pflegeheimen löst ja das eigentliche Problem dort nicht (DZ, 2021, №53);

- **показатели вакцинирования** (*empfohlen, möglich, bereit; vollständig, dreimalig, hierzulande; obligatorisch, notwendig, verpflichtend, sinnlos, unzureichend*):

Momentan sehen wir, dass zu viele Menschen nicht zur Impfung bereit sind. Dass also viele Menschen nicht bereit sind, Solidarität zu üben. Eine Impfpflicht wäre deshalb ein gerechtes, zumutbares Mittel (DZ, 2021, №33).

Выявленные лексические единицы, используемые в медийном дискурсе для описания процесса вакцинирования, совершенно противоположны – с положительной и отрицательной коннотацией. Прагматический потенциал выявленных лексических единиц заключается в возможности формирования позитивного отношения к вакцинации (напр., *спасение, доверие, рекомендация, возможность выбора вакцины*), а также нейтрального восприятия процесса вакцинирования (напр., *терпение, взаимоподдержка*). С другой стороны, в немецкоязычном медиапространстве внедряется и негативное отношение к вакцинированию как непроверенному медицинскому способу противодействия коронавирусу (напр., *обязанность, недоверие, давление, угроза, призыв, беспорядок*). Рассмотрим их подробнее.

Особое внимание уделяется формированию позитивного отношения к вакцинации для увеличения количества вакцинированных и получения в дальнейшем коллективного иммунитета. В новостной статье австрийской газеты *WZ* вакцинация преподносится как *спасение*. Благодаря вакцинации определённой части людей удалось избежать госпитализации в отделение интенсивной терапии. Так, представитель здравоохранения Г. Лоакер призывает к увеличению числа вакцинированных до необходимых 70% к осени 2021:

(1) *Die Zahl der Personen, denen dank Impfung die Einlieferung auf eine Intensivstation erspart blieb, beziffert das Ministerium mit 1.755. Neos-Gesundheitssprecher Gerald Loacker fordert die Regierung, nun alles zu unternehmen, um bis zum Herbst zumindest 70 Prozent der Bevölkerung zu impfen (WZ, 2021, №111).*

С другой стороны, необходимость коллективного иммунитета формулируется в швейцарской газете как *требование* в случае появления нового штамма COVID-19. Исполнение данного требования послужит защите большого количества граждан:

(2) *Angesichts der Ausbreitung der Delta-Variante fasst der amerikanische Präsident Biden die obligatorische Covid-19-Impfung für Bundesangestellte ins Auge. Das wäre eine Abkehr von der bisherigen Politik, die auf Freiwilligkeit beruhte (NZZ, 2021, №174).*

Ещё один способ повышения количества вакцинированных выражается в существующей возможности выбора вакцины. Выбор представляется, с одной стороны, как *преимущество или привилегия* для определённых групп граждан, а с другой – как *мотивация*. Вакцинировавшиеся получают определённые льготы, которых лишены те, кто не вакцинируется или выступает против вакцины (например, граждане со слабым здоровьем). Кроме того, особое преимущество перед другими имеют дети, которые могут вакцинироваться в специальных ковидных центрах вакцинирования:

(3) *Wiesbaden und Wetterau organisieren **Sonderimpfungen für Kinder**. Termine können nun auch in den Impfzentren vereinbart werden (FAZ, 2021, №39).*

Подчёркиваемое в немецкоязычном медийном пространстве преимущество имеют не только возрастные, но и профессиональные группы. Специфика работы с большим количеством людей обусловила появление ряда профессий, представители которых имеют преимущество, а также обязательство вакцинироваться (напр., учителя). Выполнение данного требования во многом повлияло на понижение уровня заболевших COVID-19 среди представителей данных профессий во время третьей волны:

(4) *Im Verlauf der dritten Welle hatten die Lehrer dann wegen **der ausgeweiteten Impfmöglichkeiten** kein höheres Risiko mehr zu erkranken als die übrige Bevölkerung. Während die Ansteckungsraten in den Haushalten aufgrund der Delta-Variante deutlich angestiegen seien, konnten sie in den Schulen weitgehend konstant gehalten werden* (FAZ, 2021, №47).

Другой мотивацией для вакцинации, например, в Швейцарии, являются возможные льготы в виде денежных выплат, свободных дней, бесплатных поездок на общественном транспорте и др.:

(5) *In der Schweiz soll die Impfquote erhöht werden. Nun belegt erstmals eine Studie, dass **Geldanreize bei Corona-Impfungen funktionieren** können. Im Versuch wurde die Impfquote um vier Prozentpunkte erhöht* (NZZ, 2021, №234).

На время пандемии помимо ограничительных мер появляются и рекомендации как для тех, кто пока еще не вакцинировался, так и для тех, кто уже прошёл полный этап вакцинации. Так, для тех, кто ещё не вакцинировался и не прошёл тест на COVID-19, рекомендуется постоянно носить маски, соблюдать правила дистанции в общественных местах:

(6) *Laut dem Plan müssten diejenigen **ohne Covid-19-Impfung sich regelmässig testen lassen, eine Maske tragen, Abstandsregeln befolgen und wären Reisebeschränkungen unterworfen**. Dies liess das Weisse Haus am Dienstag verlauten. Es kündigte an, Biden werde am Donnerstag in einer Rede weitere Schritte vorstellen, um mehr Amerikaner zu einer Impfung zu bewegen* (NZZ, 2021, №174).

Порядок повышения позитивного отношения к вакцинации также зависит от порядка вакцинации, грамотного и удобного планирования и доступности. Для контроля вакцинированных был создан специальный цифровой мониторинг, куда для всеобщего удобства попадают все сведения о вакцинированных:

(7) *Die **tatsächlichen Impfungen erfasst** das Digitale Impfquoten-Monitoring (DIM). Dort gehen alle Impfungen ein, die an die Kassenärztliche Vereinigung gemeldet werden: von Haus- und Betriebsärzten, mobilen Impfteams, aus Krankenhäusern und Impfzentren* (DZ, 2021, №45).

Для увеличения числа тех, кто вакцинировался, были созданы специальные передвижные центры, чтобы граждане, живущие в самых отдалённых местах, смогли комфортно вакцинироваться:

(8) *Zudem startet heute **der Betrieb in der Impfbox** im Gerngross auf der Mariahilfer Straße. Und ab Montag kann man sich dann sogar im Hauptgebäude der TU Wien beim Karlsplatz immunisieren lassen* (KZ, 2021, №22.047).

При планировании вакцинации учитываются специальные дни, когда определённые группы граждан могут вакцинироваться. Так, в одной из немецких статей описывается комфортный период для вакцинации детей перед Рождеством:

(9) *Für die Impfkation der Fünf- bis Elfjährigen wird den Angaben zufolge **ausschließlich das für die Altersgruppe zugelassene Vakzin des Herstellers Biontech/ Pfizer verwendet**. Am Mittwoch hatten bereits zahlreiche Kliniken in Hessen angekündigt, **Kinderimpfstage vor Weihnachten einzurichten*** (FAZ, 2021, №52).

В немецкоязычном медиапространстве формируется и отрицательное отношение к процессу вакцинирования. Так, довольно часто встречаются обоснования отказа от

вакцинации. В данную группу входят следующие номинации – обязанность (*Notwendigkeit*), недоверие (*Misstrauen*), давление (*Druck*), угроза (*Bedrohung*), призыв (*Appell*), беспорядок (*Chaos*). Рассмотрим их подробнее.

К группе лексических единиц, номинирующих *давление*, относятся те, с помощью которых оказывается воздействие на определённые группы общества. Самое сильное давление оказывается на людей, входящих в возрастную группу от 18 до 40 лет, и на представителей определённых профессиональных сфер. Другая группа лексических единиц, номинирующих *недоверие*, также широко используется в статьях немецкоязычных СМИ. Скептицизм по отношению к вакцинации выражается по шкале от неготовности граждан вакцинироваться (*die mangelnde Impfbereitschaft*) до полного отрицания необходимости вакцинироваться в связи с бессмысленностью защиты от данной инфекции (*eine vermeintlich unsinnige Impfung*):

(10) *Bisher unbekannte Nebenwirkungen seien bei Impfungen aber immer möglich. Die Frage, wer dafür haftbar gemacht werden kann, gewinnt angesichts der angelaufenen Covid-19-Impfung an* (WZ, 2021, №2);

(11) *Die Meinung, Antikörpertests wären quasi das Allheilmittel, um einer vermeintlich unsinnigen Impfung zu entgehen, hält sich vor allem unter Impfskeptikern schon lange* (KZ, 2021, №22.039).

При увеличении спроса на вакцину возникает проблема, которая связана с *ограничением* или *лимитом*, в связи с чем большое количество граждан не имеют возможность вакцинироваться. Так, из-за отсутствия достаточного количества вакцин перед справочным центром вакцинирования в Цюрихе возникают очереди, которые также являются прямым нарушением ограничительных правил во время пандемии:

(12) *Die Ausweitung der Zertifikatspflicht führt zu einer deutlich höheren Nachfrage nach Covid-Impfungen. Vor dem Referenzimpfzentrum beim Zürcher Central bildeten sich gestern Warteschlangen – von einem eigentlichen Großandrang berichtet das Zentrum in Uster. Die Gesundheitsdirektion rechnet mit einer weiteren Zunahme der Impfungen* (TG, 2021, № 210).

Беспорядок в закупке вакцин также отражает отрицательную ситуацию, которой успешно манипулируют лидеры медиапространства. Беспорядок представляет собой угрозу всему обществу, с помощью которой в медиапространстве оказывается воздействие на граждан, намеренно избегающих возможности вакцинироваться. В связи с этим работодатель имеет возможность уволить сотрудника из-за отсутствия вакцинации:

(13) *Arbeitgeber können eine Corona-Schutzimpfung nicht einseitig anordnen. Kündigungen wegen einer Impfverweigerung könnten aber zulässig sein* (WZ, 2021, №100).

С другой стороны, например, в австрийском законодательстве обязательная вакцинация не предусмотрена и это используется в австрийских СМИ как *призыв* вообще отказаться от вакцинации:

(14) *Da in Österreich aber keine gesetzliche Impfpflicht besteht, können Arbeitgeber ihre Mitarbeiter nicht zu einer Impfung verpflichten* (WZ, 2021, №100).

В ходе анализа статей была обнаружена большая группа номинаций акторов вакцинации, которая включает в себя участников, выступающих за вакцинацию и против. Для привлечения внимания читателя в медийном пространстве используются лексемы, характеризующие участников процесса вакцинации и их отношение к ней. Большую группу таких слов составляют определения людей, которые критически (*Impfkritiker*), недоверчиво или ворчливо (*Impfzögerer*, *Impfzauderer*, *Impf-Verunsicherte*, *Impfmuffel*) относятся к вакцинации или выступают против неё (*Impfgegner*, *Anti-Vaxxer*). Такое активное противостояние вакцинации имеет свои основания, где главной причиной выступает недостаточность исследований эффективности вакцин, которые появляются на мировом

рынке. При этом активное рекламирование той или иной вакцины и давление, оказываемое на определённые группы граждан, порождают сомнения. Когда давление становится чрезмерным, возникает активное противодействие. Излишняя привилегированность одних усиливает нежелание вакцинироваться других. Установленные послабления для вакцинированных отражаются на тех, кто не желает вакцинироваться. Меры ограничения по отношению к противникам вакцинирования ужесточаются, что не способствует повышению мотивации прививаться в дальнейшем:

(15) *Und sie tragen solidarisch dazu bei, die bis zur körperlichen und seelischen Erschöpfung auf den Intensivstationen arbeitenden Krankenpfleger und Ärzte zu entlasten. Für Millionen **Impfzauderer**, **Impffauler** und **Impfgegner** wird es dagegen richtig ungemütlich. Die bundesweite 2-G-Regel, wonach nur noch Geimpfte und Genesene Zugang zum öffentlichen Leben haben, bedeutet de facto einen Lockdown für Ungeimpfte – und hoffentlich die Motivation, sich doch impfen zu lassen* (FAZ, 2021, №39).

Помимо этого, громкие заявления граждан, выступающих против вакцинации и имеющих влияние на формирование общественного мнения, также порицаются властью, т.к. такая открытая конфронтация является прямой угрозой для общественного здравоохранения и правопорядка:

(16) *Der demonstrativ ungeimpfte Tennisspieler ist zu einer Heldenfigur für die weltweite Szene der Impfgegner geworden, womöglich mehr, als er es selber will, aber eben nicht ohne eigenes Zutun. Allein seine Präsenz im Land und seine Wirkung auf **Anti-Vaxxer** und Impf-Verunsicherte mache ihn zu einer Gefahr für die öffentliche Gesundheit und Ordnung, argumentierten die Regierungsjuristen* (SD, 2022, №12).

В немецкоязычном медийном пространстве представлено также мнение тех, кто выступает за обязательное вакцинирование (*Impfbefürworter*). Для улучшения отношения к вакцинированию приводится мнение экспертов, которые объясняют важность вакцинирования (*Impfexperte*); координаторов, которые отчитываются по поводу наличия, видов и способов вакцинирования (*Impfkoordinator*); а также тех, кто активно распространяет информацию о вакцине (*Impfbotschafter*) и способствует повышению доверия к вакцине (*Impfmotivator*). Мнение экспертов в области вакцинации, врачей и учёных приводится в случае аргументированного подхода к массовому вакцинированию для более быстрого преодоления пандемии и выхода из мирового кризиса:

(17) *Impfexperte Herwig Kollaritsch etwa führt gegenüber Ö1 aus: „Obwohl ich kein großer Freund solcher Maßnahmen bin, sehe ich zunehmend weniger Spielraum, dass man nicht doch auf so etwas wie die 1-G-Regel umsteigt, weil offensichtlich das reine darüber Sprechen nicht hilft* (KZ, 2021, №22.039).

По мере того, как протекает пандемия, противостояние между сторонниками и противниками вакцинации всё больше и больше нарастает. Так, активное распространение информации, развенчание мифов и проведение широкой кампании по увеличению числа вакцинированных являются приоритетными задачами:

(18) *Auch Argumente für die Impfung und Fakten über Impfmynthen müssen den Menschen aktiv vermittelt werden. Informationen nur im Internet oder auf Flyern bereitzustellen, reicht dabei nicht aus. Neben reichweitenstarken Kampagnen gilt es, Vorbilder sowie **Impfbotschafterinnen/ Impfbotschafter zu gewinnen, die für den Stich werben – gerade auch in lokalen Communitys abseits des Mainstreams*** (DS, 2021, №9738).

Однако бесконечные дискуссии мало чем помогают. Более эффективным представляется обращение элиты ко всем слоям общества и её активное содействие целям в области общественного здравоохранения. Кроме того, мотиваторами являются и те, кто уже успешно вакцинировался, что должно стать одним из стимулов вакцинироваться:

(19) *Der **Impfmotivator** Landeshauptmann Hans Peter Doskozil (SPÖ) hat ja eine Art Tombola mit insgesamt 1.000 Preisen angekündigt, wenn das Ziel 80 Prozent der impfbaren*

Bevölkerung überschritten werde. Das Impfziel dürfte das Burgenland nun diese Woche erreichen, am Dienstag fehlten noch 84 Personen. Nun ist Doskozil zuversichtlich, "dass wir da deutlich drüber liegen werden (DS, 2021, № 9945).

Собранные языковые примеры были проанализированы и высчитаны с использованием программы Antconc. Анализ материала позволяет заключить, что в рассмотренных новостных статьях наглядно представлены полярные мнения о вакцинации. Нейтральное мнение встречается редко в небольших аннотациях перед статьями или при передаче фактической информации (4%). Вакцинация рассматривается в немецкоязычном медийном дискурсе как необходимость и спасение, так и в качестве обязанности или долга. При этом восприятие вакцинирования значительно отличается в каждой из стран немецкоязычного ареала. Так, описание вакцинации как обязанности обнаружено в 39% примеров в газетах Германии и лишь в 7% в австрийских газетах. Скептицизм, опасность, угроза, недоверие описываются преимущественно в 27% информационно-аналитических агрегаторов Германии, в меньшей степени – в австрийском (12%) и лишь в 8% – в швейцарском медийном дискурсе.

Следует отметить, что репрезентация акторов, причин и показателей процесса вакцинирования представляет собой довольно небольшую группу. Так, примеры с акторами вакцинации составляют всего 7%, где 4% – это сторонники всеобщей вакцинации, а 3% – её противники. Вместе с тем в проанализированных примерах широко представлено и недовольство уклонением граждан вакцинироваться во всём немецкоязычном медиaprостранстве. Количество примеров, в которых описываются причины нежелания вакцинироваться, в определённых случаях и страх перед вакцинацией, составляет 28%. Беспорядок в организации порядка вакцинирования, описываемый в новостных статьях, составляет 3%. Описание призывов вакцинироваться достигает 9%. При этом абсолютное навязывание необходимости вакцинироваться составляет 4%, что вызывает негативную реакцию населения. Репрезентация открытого дискурсивного воздействия в немецкоязычном медиадискурсе на читателей составляет 13%.

3. Заключение [Conclusion]

Любое масштабное социальное явление порождает неологизмы, пополняя словарный запас любого языка. К такому явлению относится и тема вакцинации от COVID, которая широко обсуждается в современном немецкоязычном медиaprостранстве. Повсеместная цифровизация и повышенный запрос на быстрое и качественное информирование расширяют характерные особенности медийного дискурса. Возникает потребность в таком представлении темы вакцинации от COVID, которая зачастую имеет воздействующий манипулятивный характер.

Языковые средства дискурсивного воздействия широко используются в немецкоязычном медийном пространстве для управления мнением социума, формирования положительной общественной позиции к процессу вакцинации и содействия в повышении уровня доверительного отношения к вакцине. С точки зрения лингвистического описания процесса вакцинации анализ новостных газетных изданий позволяет заключить, что лидеры немецкоязычного медиaprостранства полностью придерживались общей повестки по вакцинированию.

Семантико-стилистический анализ используемых авторами новостных статей позволил разделить языковые средства, выражающие отношение к вакцинации, на три группы: 1) с позитивной семантикой, 2) с негативной семантикой, 3) нейтральные. Выявлено, что в немецкоязычном медийном дискурсе вакцинация рассматривается позитивно как необходимость, спасение и долг. Вместе с тем доля лексико-семантических групп, выражающих положительную семантику, оказалась относительно небольшой и составила

28%. Негативное отношение к вакцинации выражается в скептицизме и недоверии к ней. Доля лексико-семантических групп, выражающих негативную семантику, оказалась преобладающей и составила 68%. Была отмечена значительная вариативность распределения по группам в зависимости от страны немецкоязычного ареала. Нейтральное мнение встречалось редко (4%). Результаты исследования показали, что успешное использование COVID-лексики позволяет лидерам немецкоязычного медийного пространства манипулировать мнением читателей в сторону положительного либо отрицательного отношения, соблюдая баланс, выгодный для заинтересованных сторон на данный момент.

Список сокращений и условных обозначений

DB – Der Blick, DS – Der Standard, DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, DZ – Die Zeit, FAZ – Frankfurter Allgemeine Zeitung, KZ – Kronen Zeitung, NZZ – Neue Zürcher Zeitung, SZ – Süddeutsche Zeitung, TA – Tages-Anzeiger, WZ – Wiener Zeitung

Библиографический список

- Архипова, 2021 – Архипова А. С. Министерство правды: как российское правительство борется со слухами в эпоху коронавируса // ШАГИ-STEPS. 2021. Т. 7, № 4. С. 124–150. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-124-150>
- Болотнов, 2021 – Болотнов А. В. О некоторых особенностях подтекста в медиадискурсе публициста // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 71. С. 25–37. <https://doi.org/10.17223/19986645/71/2>
- Голованова, 2021 – Голованова Е. И. Динамические процессы в русском языке эпохи коронавируса // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 5. С. 33–39. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V128>
- Добросклонская, 2021 – Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: «КДУ», «Добросвет», 2020. 178 с. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>.
- Дубинина, 2022 – Дубинина М. Н. Моделирование лексико-семантического поля «коронавирус» (на примере китайского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 3. С. 79–89. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_79
- Карасик, 2021 – Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34. <https://doi.org/10.26170/pl20-02-02>
- Карасик, Слышкин, 2021 – Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31
- Красина, 2020 – Красина Е. А. Англоязычные газетные заголовки онлайн как явление медиалингвистики (опыт лингвистического описания) // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. 1. С. 136–148. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).136-148](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).136-148)
- Ленец, Зарипова, 2018 – Ленец А. В., Зарипова А. Н. Лингвокультурный и прагматический аспекты использования терминов-реалий в медийных сообщениях о миграции (на материале медийного дискурса Германии и Австрии) // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 73–81.
- Мухарямова, 2021 – Мухарямова Л. М. Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 72–80. https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_06
- Нагорная, 2021 – Нагорная А. В. Метафорический фрейминг пандемии COVID-19 // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 469. С. 28–35. <https://doi.org/10.17223/15617793/469/4>
- Павленко, 2020 – Павленко В. Г. Способ образования и перевода сложных слов в английском языке (на материале аналитических статей) // Язык и культура. 2020. № 49. С. 83–98. <https://doi.org/10.17223/19996195/49/5>
- Петренко, 2020 – Петренко Д. А. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) // Научный диалог. 2020. № 7. С. 194–209. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-194-209>

- Редкозубова, 2020 – Редкозубова Е. А. COVID-лексика: этимологические и словообразовательные аспекты (на материале русского, английского и немецкого языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 193–200. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200>
- Цонева, 2021 – Цонева Л. М. Особенности отображения вакцинации против коронавируса в медийном дискурсе // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 37–45. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_04
- Anwar et al., 2020 – Anwar A., Malik M., Raees V. Role of mass media and public health communications in the COVID-19 pandemic // Cureus. 2020. Vol. 12 (9): e10453. P. 1–9. <https://doi.org/10.7759/cureus.10453>
- Borankulova, Proshina, 2021 – Borankulova B. E., Proshina Z. G. New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 18–25. https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_3_18_25
- Buneviciene et al., 2021 – COVID-19 media fatigue: predictors of decreasing interest and avoidance of COVID-19-related news / I. Buneviciene, R. Bunevicius, S. Bagdonas S., A. Bunevicius // Public Health. 2021. Vol. 196. P. 124–128. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2021.05.024>
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, <<https://www.dwds.de/d/wb-dwdswb>>, abgerufen am 19.08.2022.
- Hughes et al., 2021 – Development of a codebook of online anti-vaccination rhetoric to manage COVID-19 vaccine misinformation / B. Hughes, C. Miller-Idriss, R. Piltch-Loeb, B. Goldberg, K. White, M. Criezis, E. Savoia // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021. Vol. 18. P. 1–18. <https://doi.org/10.3390/ijerph18147556>
- Kartika, Lestari, 2020 – Kartika A. D., Lestari T. E. Framing of COVID-19 in German and Indonesian news // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 491. P. 797–804.
- Novel Coronavirus, 2020 – Novel Coronavirus (2019-nCoV): Situation report-1. World Health Organization, 2020. P. 1–5. URL : https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200121-sitrep-1-2019-ncov.pdf?sfvrsn=20a99c10_4
- Sanz et al., 2021 – Sanz R. I., Jiménez M. J., Prieto B. P. The discourse on COVID-19: A study in the Italian, Spanish and German press // Revista de Comunicación. 2021. Vol. 20 (1). P. 239–267. <https://doi.org/10.26441/RC20.1-2021-A13>
- Su et al., 2021 – COVID-19 pandemic and unemployment dynamics in European economies / C-W. Su, K. Dai, S. Ullah, Z. Andlib // Economic Research-Ekonomiska Istraživanja. 2021. P. 1–13. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2021.1912627>
- Trout, Kleinman, 2020 – Trout L. J., Kleinman A. Covid-19 Requires a Social Medicine Response // Front. Sociol, 2020, 5 (579991), p. 1–4. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2020.579991>
- Vera-Valdés, 2021 – Vera-Valdés E. J. The political risk factors of COVID-19 // International Review of Applied Economics. 2021. Vol. 35 (2). P. 269–287. <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1866973>
- Zimand-Sheiner et al., 2021 – To be (vaccinated) or not to be: The effect of media exposure, institutional trust, and incentives on attitudes toward COVID-19 vaccination / D. Zimand-Sheiner, O. Kol, S. Frydman, S. Levy. // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021. Vol. 18:12894. P. 1–14. <https://doi.org/10.3390/ijerph182412894>

References

- Arkhipova, A. S. (2021). Ministerstvo pravdy: kak rossiiskoi pravitel'stvo boresya so slukhami v epokhu koronavirusa [Ministry of truth: How the Russian state fights fake news during the COVID-19 pandemic]. *ShAGI/STEPS*, 7 (4), 124–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-4-124-150>
- Bolotnov, A. V. (2021). O nekotorykh osobennostyakh podteksta v mediadiskurse publitsista [Some features of the subtext in the media discourse of a publicist]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 71, 25–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19986645/71/2>
- Golovanova, E. I. (2021). Dinamicheskie protsessy v russkom yazyke epokhi koronavirusa [Dynamic processes in the Russian language of the coronavirus era]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) fed. un-ta. Ser.: Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University.

- Series “Humanitarian and Social Sciences”], 5, 33–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V128>
- Dobrosklonskaya, T. G. (2020). *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Media linguistics: theory, methods and tendencies]. Moscow : KDU, Dobrosvet. (In Russ.). <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>
- Dubinina, M. N. (2022). Modelirovanie leksiko-semanticheskogo polya «koronavirus» (na primere kitayskogo yazyka) [Modeling the lexical semantic field of “coronavirus” (Based on Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (3), 79–89. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_79
- Karasik, V. I. (2020). Epidemiya v zerkale mediinogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [Epidemic in the mirror of media discourse: Facts, evaluations, positions]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2 (80), 25–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl20-02-02>
- Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2021). Tendentsii razvitiya sovremennogo diskursa [Modern discourse developmental trends]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 1, 14–31. (In Russ.).
- Krasina, E. A. (2020). Angloyazychnye gazetnye zagolovki onlain kak yavlenie medialingvistiki (opyt lingvisticheskogo opisaniya) [Online English newspaper headlines as media linguistics phenomenon (An attempt of linguistic description)]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and Practical Issues of Journalism], 9 (1), 136–148. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9\(1\).136-148](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(1).136-148)
- Lenets, A. V., Zaripova, A. N. (2018). Lingvokul'turnyi i pragmaticheskii aspekty ispol'zovaniya terminov-realiy v mediinykh soobshcheniyakh o migratsii (na materiale mediinogo diskursa Germanii i Avstrii) [Linguoculture and pragmatics aspects of the use of culture-bound terms in mass media messages regarding migration (based on mass media discourse in Germany and Austria)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i pedagogika* [Proc. of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy], 8. 4 (29), 73–81. (In Russ.).
- Mukharyamova, L. M. (2021). Pandemiya COVID-19 v rossiiskikh massmedia: politicheskii kontekst [COVID-19 Pandemic in the Russian Mass Media: A Political Context]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1 (85), 72–80. (In Russ.). https://doi.org/10.12345/1999-2629_2021_01_06
- Nagornaya, A. V. (2021). Metaforicheskii freiming pandemii COVID-19 [Metaphoric Framing of COVID-19]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta* [Tomsk State University Journal], 469, 28–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/469/4>
- Pavlenko, V. G. (2020). Sposob obrazovaniya i perevoda slozhnykh slov v anliiskom yazyke (na materiale analiticheskikh statei) [The method of formation and translation of complex words in English (based on analytical articles)]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], 49, 83–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/49/5>
- Petrenko, D. A. (2020). Sredstva yazykovoï vyrazitel'nosti v obraze COVID-19 (na materiale nemetskogo politicheskogo diskursa SMI) [Linguistic Means in Image of COVID-19 (German Political Discourse in Media)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 7, 194–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-194-209>
- Redkozubova, E. A. (2020). COVID-leksika: etimologicheskie i slovoobrazovatel'nye aspekty (na materiale russkogo, angliiskogo i nemetskogo yazykov) [COVID-vocabulary: Etymology and word-formation (Based on Russian, English, German)]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and Social Sciences], 4, 193–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-193-200>
- Tsoneva, L. M. (2021). Osobennosti otobrazheniya vaksinatcii protiv koronavirusa v mediinom diskurse [Specificity of presentation of vaccination against coronavirus in media discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 6 (90), 37–45. (In Russ.). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_04
- Anwar, A., Malik, M., Raees, V. (2020). Role of Mass Media and Public Health Communications in the COVID-19 Pandemic. *Cureus*, 12 (9): e10453, 1–9. <https://doi.org/10.7759/cureus.10453>
- Borankulova, B. E., Proshina, Z. G. (2021). New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation. *Teoreticheskaya i prikladnaya*

- lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 18–25. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25
- Buneviciene, I., Bunevicius, R., Bagdonas, S., Bunevicius, A. (2021). COVID-19 media fatigue: predictors of decreasing interest and avoidance of COVID-19-related news. *Public Health*, 196, 124–128. <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2021.05.024>
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. <https://www.dwds.de/d/wb-dwdswb>, abgerufen am 19.08.2022.
- Hughes, B., Miller-Idriss, C., Piltch-Loeb, R., Goldberg, B., White, K., Criezis, M., Savoia, E. (2021). Development of a Codebook of Online Anti-Vaccination Rhetoric to Manage COVID-19 Vaccine Misinformation. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 18, 1–18. <https://doi.org/10.3390/ijerph18147556>
- Kartika, A. D., Lestari, T. E. (2020). Framing of COVID-19 in German and Indonesian News. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 491, 797–804.
- Novel Coronavirus (2019-nCoV). Situation report-1. (January 21, 2020). *World Health Organization* (pp. 1–5). URL : https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200121-sitrep-1-2019-ncov.pdf?sfvrsn=20a99c10_4
- Sanz, R. I., Jiménez, M. J., Prieto, B. P. (2021). The discourse on COVID-19: A study in the Italian, Spanish and German press. *Revista de Comunicación*, 20 (1), 239–267. <https://doi.org/10.26441/RC20.1-2021-A13>
- Su, C W., Dai, K., Ullah, S., Andlib, Z. (2021). COVID-19 pandemic and unemployment dynamics in European economies. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 1–13. <https://doi.org/10.1080/1331677X.2021.1912627>
- Trout, L. J., Kleinman, A. (2020). Covid-19 Requires a Social Medicine Response. *Front. Sociol*, 5(579991), 1–4. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2020.579991>
- Vera-Valdés, E. J. The political risk factors of COVID-19 (2020). *International Review of Applied Economics*, 35 (2), 269–287. <https://doi.org/10.1080/02692171.2020.1866973>
- Zimand-Sheiner, D., Kol, O., Frydman, S., Levy, S. (2021). To be (vaccinated) or not to be: The effect of media exposure, institutional trust, and incentives on attitudes toward COVID-19 vaccination. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 18:12894, 1–14. <https://doi.org/10.3390/ijerph182412894>

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 11.09.2023.
The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 11.09.2023.

Ли Вэньгэ, Сун Цзыюань
Харбинский политехнический университет
г. Харбин Китайская Народная республика
yuqilihit@126.com

К проблеме машинного перевода: на примере некоторых паремий в паре языков русский↔китайский

Аннотация

Целью настоящей статьи является оценка качества машинного перевода с русского языка на китайский и с китайского на русский известных высказываний фразеологического характера на примере некоторых аналектов /афоризмов Конфуция и русских пословиц и поговорок, входящих в курс русского языка для китайских студентов. Материалом для исследования послужили 20 оригинальных единиц с четырьмя вариантами их машинного перевода и одним вариантом, выполненным профессиональным переводчиком-человеком. Сравнительно-сопоставительный анализ 120 полученных единиц показал низкое качество машинного перевода, несмотря на значительный прогресс с момента создания и апробирования первого механизированного двуязычного словаря до разработки систем перевода, основанных на работе нейронных сетей со встроенной автоматической памятью. Чтобы решить проблему для пары языков русский↔китайский, необходимо внедрение постоянно пополняемого автоматического словаря фразеологических единиц наряду с механизмами использования такого словаря в системе автоматического перевода.

Ключевые слова: машинный перевод, онлайн-переводчик, фразеологическая единица, паремия, лакуна, приём перевода

© Ли В., Сун Ц., 2023

Для цитирования: Ли В., Сун Ц. К проблеме машинного перевода: на примере некоторых паремий в паре языков русский↔китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 84–93. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_84

Li Wenge, Song Ziyuan
Harbin Institute of Technology
Harbin, China
yuqilihit@126.com

Concerning machine translation: Based on some paroemiae in the Russian↔Chinese pair of languages

Abstract

The present paper aims to assess the quality of Russian-to-Chinese and Chinese-to-Russian machine translation of phraseological units exemplified by famous Confucius analects and popular Russian proverbs and sayings included in the coursebook of Russian as L2 for Chinese students. The material for the study comprised 20 authentic units, 4 variants of their machine translations and 1 translation variant performed by a professional human interpreter. Comparative analysis of the total of 120 units showed low quality of machine translations despite a considerable progress achieved since the times of designing and testing first automated two-language dictionary to inventing automated translation systems based on neural networks with automated memory installed. To solve the problem for the Russian↔Chinese pair of languages, we need to design and install a constantly updated automated dictionary of phraseological units together with the mechanisms of applying it in the systems of machine translation.

Keywords: machine translation, online translator, phraseological unit, paroemia, lacuna, translation technique

© Li W., Song Z. 2023

For citation: Li, W., Song, Z. (2023). K probleme mashinnogo perevoda: na primere nekotorykh paremiy v pare yazykov russkiy↔kitayskiy [Concerning machine translation: Based on some paroemiae in the Russian↔Chinese pair of languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 84–93. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_84

1. Введение [Introduction]

С быстрым развитием Интернета и информационных технологий в условиях глобализации и необходимости содействия политическим, экономическим и культурным обменам роль машинного перевода возрастает. Люди массово путешествуют и стремятся учиться за границей, однако многие не владеют иностранным языком в достаточной мере. В этом случае качественный перевод весьма востребован. Это путь к мечте о безбарьерном общении в любом месте, в любое время и на любом языке. Если раньше в распоряжении человека, выполняющего перевод (не обязательно только профессионального переводчика), имелись лишь физические артефакты, напр., бумажные словари, то теперь это целый арсенал электронных артефактов: сама сеть Интернет, система автоматической памяти, которую можно добавлять в нейронные сети и т. п. – всё это обеспечивает работу в высокотехнологической реальности [Ремхе, Нефедова, 2022].

История исследований и разработок в сфере машинного перевода восходит к 30–40 гг. 20 века. В июле 1933 г. французский учёный Ж. Арцруни получил первый патент на изобретение машины для перевода, которая представляла собой большой двуязычный механизированный словарь [Раренко, 2021 а, б]. В этом же году несколькими месяцами позже советский изобретатель П. П. Смирнов-Троянский сконструировал машину для перевода с одного языка на другой (см. описание в [Колосёнок, 2019 ; Раренко, 2021 а, б]) со схожим принципом работы и в том же году (5 сентября) её запатентовал; однако, поскольку технический уровень в 1930-е годы был все ещё очень низким, данное изобретение по достоинству не оценили и вернулись к нему лишь в 60-е гг. в связи с необходимостью конкурировать в данной области с США. В 1946 году появился первый современный компьютер ENIAC, и вскоре после этого пионер теории информации, американский учёный У. Уивер и британский инженер А. Д. Бут, обсуждая сферу применения компьютеров, в 1947 году выдвинули идею использования компьютеров для автоматического перевода с одного языка на другой. В 1949 году У. Уивер опубликовал меморандум, в котором официально предложил идею машинного перевода методом дешифровки (более подробно историю развития в этапах, событиях и персоналиях см. [Карцева и др., 2016 ; История машинного перевода, б. д. ; Раренко, 2021 а, б]). За 90 лет машинный перевод прошёл извилистый и долгий путь развития, на котором были взлеты и падения вплоть до отказа от самой идеи и признания невозможности качественного машинного перевода. В академических кругах историю развития машинного перевода обычно делят на следующие четыре периода: новаторский период (1947–1964), первоначальный период (1964–1975), период возрождения (1975–1989), новый период (1990–) [Карцева и др., 2016 ; История машинного перевода, б. д.].

В разные периоды своего развития машинный перевод опирался на разные теоретические принципы / критерии, выведенные из практики (а перевод – это древнейшая человеческая практика [Раренко, 2021 а]). На основе этих принципов формировались разные подходы, которые воплощались в разных научных теориях. Самой известной китайской теорией перевода можно назвать теорию Янь Фу, заложившего три основополагающих принципа: достоверность, норма и стиль (анализ развития теорий перевода в Китае см. в [Ван, 2012]).

Несмотря на настоящий прорыв в сфере машинного перевода, его качество по-прежнему ниже, чем то, что достигается профессиональным переводчиком-человеком. Ситуацию осложняет то, что перевод выполняет функцию межъязыкового посредничества, которая по своей сути очень сложна. В условиях бурного развития китайско-русских отношений такое посредничество приобретает особую актуальность, однако осложняющим обстоятельством является то, что китайский и русский языки, будучи отнесены к разным языковым семьям, структурно и типологически весьма далеки друг от друга. То же самое можно сказать и о разнице культур. В следующем разделе рассмотрим ряд переводческих проблем, носящих лингвокультурный характер.

2. Проблемы машинного перевода в условиях китайско-русского лингвокультурного общения [Challenging issues of machine translation during Chinese-Russian cross-cultural communication]

2.1. Неологизмы [Neologisms]

Одну из важных проблем представляют неологизмы, по большей части заимствования, например, в сфере молодёжного сленга. Возьмем в качестве примера новые слова, которые полюбились молодым россиянам больше всего в 2022 году. На одном из российских сайтов в 2021 году зафиксировано 30 новых слов молодёжного лексикона¹. Проанализируем некоторые из них.

(1) **Баттхёрт**. Данное слово заимствовано из английского языка. В он-лайн переводчиках с русского на китайский и с китайского на русский оно отсутствует, но в электронные словари русского языка и он-лайн энциклопедии оно уже вошло с полнокорректным значением 'уязвленное самолюбие' (пословный перевод в данной статье не приводится по причине его грубости). Суть данного слова означает следующее: пользователей Интернета много, каждый со своими взглядами на жизнь. Любители баттхёрта демонстрируют бурные негативные эмоции на что-либо для них неудобное, выражая мнение резко, грубо и эмоционально. Воспринимать спокойно чью-либо точку зрения, помимо собственной, пересмотреть жизненные позиции или хотя бы контролировать себя такие люди не могут.

(2) **Бэсти**. На языке зумеров слово означает 'лучший друг': *Ну, кто из нас не хотел бы наконец хорошо выспаться, выбраться на поздний завтрак в ближайшую кофейню и поболтать со своими бэстиз?*

(3) **Заиквар**. Слово означает нечто позорное и неприятное. Источник – тюремный жаргон; произошло либо от глагола *заиквариться* (=облажаться) путём отсечения суффиксов; либо от однокоренного существительного *иквара*, обозначающего человека, опустившегося на социальное дно, путём отсечения окончания: *Читать чужие переписки – это полный заиквар*.

(4) **Кринж**. Слово означает 'испанский стыд', иначе говоря, чувство стыда за действия другого человека: *Вот некоторые ролики в ТикТоке – кринж чистой воды*. Данное слово уже участвует в словообразовательной парадигме – от него суффиксальным способом образовано прилагательное кринжовый.

(5) **Мейт**. Образовано от англ. *mate* 'приятель, к которому испытываешь особенно тёплые чувства' – близкий человек (возлюбленный или друг).

(6) **Факап**. Образовано от англ. глагола *to f.. up* и обозначает жестокую неудачу или провал. Так, факап для фотографа – завалить горизонт на снимке, а для певца – забыть слова собственной песни.

¹ 30 новых слов молодёжного лексикона, которые научат говорить с зумерами на одном языке // 1Gai.Ru : сайт. URL : <https://1gai.ru/publ/527762-30-novyh-slov-molodezhnogo-leksikona-kotorye-nauchat-govorit-s-zumerami-na-odnom-jazyke.html>

Нетрудно заметить, что многие новые слова современной российской молодёжи транслитерированы с английского, сохраняя часть первоначального английского значения и добавляя свои собственные эмоции. Конечно, китайский язык тот же самый. Слова, используемые многими молодыми китайцами в социальных сетях, являются сокращёнными или омофоническими. Молодые люди используют эти слова, чтобы выразить свои эмоции, за или против, положительные или отрицательные.

Однако, поскольку машинный перевод представляет собой предварительно введённые данные и не содержит эмоций, он не может точно передать смысл. Более того, поскольку человеческие эмоции сложны, в разговорах часто появляются сатира, метафоры и недомолвки, и в этом случае машинный перевод особенно механичен и безжизнен.

Решение проблемы таких неологизмов заключается в своевременном пополнении онлайн словарей и баз данных, даже если судьба новообразования ещё не ясна, ведь при критическом снижении количества употреблений или выхода из употребления слово можно удалить в ходе ежегодной актуализации, которая является очевидной необходимостью.

2.2. Поэзия и паремии [Poetic texts and paroemiae]

Как мы все знаем, Китай и Россия – большие страны с долгой историей, и многие литературные произведения и пословицы остались в долгой истории. Хотя, опираясь на развитие науки и техники, база данных машинного перевода очень богата, но охватить столько информации невозможно. Более того, из-за разных привычек жизни и языковых структур понимание литературных произведений, пословиц и поговорок при переводе должно быть разным. Машинный перевод может перевести только буквальный смысл, но глубокий смысл автора не может быть выражен.

Наследие обеих культур – российской и китайской – включает большое количество стихов, пословиц, поговорок и идиом, представляющих значительную сложность для машинного перевода в связи особыми рифмой и ритмом, а также с глубинным смыслом, который не выразить с помощью пословного перевода. В качестве примеров возьмём некоторые китайские поэтические строки и 5 необычных с точки зрения китайской культуры русских поговорок.

Рассмотрим пример из древнекитайской поэзии: 大漠孤烟直，长河落日圆。Яндекс-переводчик выдал следующий результат: *Пустыня одинока, и дым прямой, и длинная река полна заката.* Схожий результат получен с помощью Google переводчика: *Пустыня одинока и дым прям, солнце садится над длинной рекой.* Такой перевод не соответствует нормам русского языка и не может адекватно вербализовать картину бескрайней пустыни, над которой поднимаются прямые столбы дыма, а рядом протекает длинная река, в которой тонет уходящее в закат солнце. Невозможно ощутить трагизм и мощь художественного образа пустыни за пределами пограничной крепости, восхваляемого словами, идущими от сердца поэта.

Пословицы и поговорки, которые мы часто произносим, концентрируют многолетний опыт и мудрость нации. Люди древнего Китая долгое время жили и конкурировали с природой, создав развитую сельскохозяйственную цивилизацию. Двадцать четыре солнечных термина/сезона, представляющих собой солнечный календарь, признанный достоянием мировой культуры. Китайцы изучают песни о двадцати четырёх солнечных терминах / сезонах в начальной школе: 春雨惊春清谷天，夏满芒夏暑相连。秋处露秋寒霜降，冬雪雪冬小大寒。Машинный перевод таков: *Весенний дождь потрясает весну и очищает небо долины, а лето полно света, и лето связано. Осенью бывает роса, осенью холод и иней, зимой снег, а зимой немного холодно.*

То же самое можно сказать и о русских пословицах и поговорках. Переводчик-китаец хорошо знающий русский язык переведёт пословицу «*Тише едешь – дальше будешь*» как 宁静致远, т. е. китайской пословицей с полной эквивалентностью содержа-

ния. В то же время Google переводчик выдаёт вариант 越安静, 走得越远 – высказывание нехарактерное для китайской лингвокультуры. Таким образом, даже схожие в двух лингвокультурах паремии являются сложными для машинного перевода. Ещё сложнее дело обстоит со специфичными только для одной лингвокультуры паремиями и необычными для другой. В этом случае образуются лакуны (безэквивалентные единицы [Бархударов, 1975, с. 93]), заполнение которых требует умелого использования разных переводческих приёмов. Такие лакуны успешно заполняются для пары языков русский↔английский (см, напр., [Габдреева, Маршева, 2016]) но для пары русский↔китайский ситуация не столь благополучна.

К русским пословицам, необычным для китайской лингвокультуры можно отнести:

(1) «*На чужой каравай рот не разевай*» – данная пословица говорит о том, что не следует завидовать кому-то или претендовать на чужое.

(2) «*Работа не волк, в лес не убежит, потому её, окаянную, делать и надо*». Это полная версия пословицы, значение которой сводится к тому, что бессмысленно откладывать что-либо на потом, всё равно делать придётся. Данная версия была распространена в Царской России, но уже в 19 столетии вторая часть выражения была отброшена и пословица приобрела значение ненужности и бессмысленности выполнять работу в срок или ранее срока.

(3) «*Пьяному море по колено, а лужа – по уши. Как проспится – и свиньи боится*». Здесь имеется в виду, что выпивший человек ощущает себя всемогущим героем, даже если в трезвом уме он последний трус.

(4) «*На нет и суда нет*». Пословица употребляется в случае выражения недовольства, когда собеседник мирится с отсутствием чего-либо или с отказом в чём-либо. Если в разговоре кто-то сказал «нет», а в ответ получил эту пословицу, это означает, что аргументы оппонента закончились и он не хочет продолжать беседу. Таким образом, «На нет и суда нет» означает смиренное принятие отсутствия чего-либо или же отказа в просьбе.

(5) «*Не учи учёного*». Смысл пословицы в том, что не надо поучать того, кто знает, что делать. Выражение, скорее всего, появилось в 20 веке, иногда встречается в литературе и в кино, часто используется как шутка или как способ оборвать человека, который лезет с навязчивыми советами. Синонимы поговорки: «*Не учи рыбу плавать*», «*Хвост голове не указка*», «*Учёного учить – только портить*». Вариант, который не носит фразеологического характера – «*Я без тебя это знаю*».

2.3. Тестирование онлайн переводчиков [Testing online translators]

Исследование проблемы лакун имеет долгую историю. Более полувека назад Ю. С. Степанов определил лакуну как «белое пятно на семантической картине языка» [Степанов, 1965, с. 120]. Позже Ю. А. Сорокин предложил метод идентификации лакун как лингвокультурологического феномена, представленного в художественной литературе. Хотя теория лакунарности была предложена около полувека назад, в академическом сообществе до сих пор не сформировалось единого мнения относительно определения лакуны (напр., считать ли лакунами частичные несовпадения или только полные) и классификации лакун. Как явление несоответствия между двумя языками и культурами, феномен лакун чётко отражает национально-культурные особенности каждого языка.

При машинном переводе проблема лакун и способов их устранения стоит особенно остро. Чтобы это продемонстрировать, возьмём четыре наиболее часто используемых онлайн переводчика (два китайских и два русских): Baidu, Youdao, Google и Яндекс. В качестве тестового материала используем 10 китайских и русских аутентичных высказываний паремического характера, которые можно отнести к фразеологическим лакунам (о таких лакунах, содержащих цветообозначения в русском и китайском языках

см. подробнее в [Щитова, Щитов, 2020]). В настоящем исследовании китайская часть взята из 602 аналектов Конфуция, а русская часть – из учебника «Русский язык» [Ши и др., 2010], в котором содержатся 154 пословицы и поговорки. В таблицах 1–2, продемонстрированы варианты перевода с китайского языка на русский, в таблицах 3–4 приведены результаты перевода с русского языка на китайский.

Сравнение данных таблиц 1–2, делает очевидным то, что все четыре онлайн-переводчика выбирали в основном стратегию пословного перевода, что привело в ряде случаев к абсурдным искажениям: Baidu-вариант и Youdao-вариант для примера 1; Youdao-вариант для примера 2 (переводчик использовал название популярного в США успокоительного «прозак»); немотивированное употребление имён собственных в примере 6 всеми четырьмя онлайн-переводчиками, в примере 7 Google-переводчиком, в примерах 8 и 10 Baidu-переводчиком; немотивированное обращение к богу в примере 7 двумя китайскими онлайн-переводчиками; неуместное обращение к сексу в примере 10 Яндекс-переводчиком и, возможно, Youdao-переводчиком (слово тройничок может означать и тип сексуальных отношений, и техническую деталь «тройник» в уменьшительно-ласкательной форме).

Т а б л и ц а 1. Примеры машинного перевода «Аналектов Конфуция» с китайского языка на русский

[T a b l e 1. Examples of Confucius analects machine translation from Chinese into Russian]

	Пример	Переводчик Baidu	Переводчик Youdao	Переводчик Google	Яндекс Переводчик
1	学而时习之，不亦乐乎。	Учиться, когда привыкаешь, не радуется.	Учиться и учиться, не значит радоваться.	Приятно учиться и практиковать это время от времени.	Время от времени учиться – одно удовольствие.
2	人无远虑，必有近忧。	У человека нет ни малейшего сомнения,	Человек беспечен, он прозак.	Люди без мыслей, он должен беспокоиться о.	Если люди не беспокоятся о будущем, у них должно быть беспокойство о ближайшем будущем.
3	己所不欲，勿施于人。	Не делайте того, чего вы не хотите.	Не поступай с людьми так, как не хочешь ты.	Сделайте для других, не навязывайте другим.	Не делай того, чего ты не хочешь, не делай этого с другими.
4	与朋友交，言而有信。	Общайтесь с друзьями, говорите и верьте.	Подружился с друзьями, дал слово.	Есть друг, верный своему слову.	Заводите друзей с друзьями и верьте в то, что вы говорите.
5	是可忍也，孰不可忍也。	И терпеливый, и невыносимый.	Это допустимо.	Это терпимо, и это невыносимо.	Это терпимо, но это невыносимо.
6	朝闻道，夕死可矣。	Чжоу услышал, что достаточно умереть ночью.	Смерть юбари-это все, что нужно.	Если ты услышишь Дао утром, ты умрёшь вечером.	Чжоу Вэнь сказал: "Вечером придёт время умирать".
7	君子喻于义，小人喻于利。	Господь говорит о праведности, а злодей – о пользе.	Слава богу, лилипуты – это преимущество.	Господин уподобляется праведности, а злодей уподобляется прибыли.	Джентльмен – это метафора праведности, а злодей – метафора наживы.
8	德不孤，必有邻。	Дэ не одинок, у него должны быть соседи.	Так не одинок, должны быть соседи.	Добротетель никогда не бывает одна, у неё должны быть соседи.	Добротетель не одинок, должны быть соседи.
9	学而不厌，诲人不倦。	Не устают учиться, не устают учить.	Неустанно учиться, неустанно развивать людей.	Никогда не уставайте учиться и преподавать.	Никогда не устану учиться, никогда не устану учить.
10	三人行，必有我师焉。	Трое, делающие это, должны иметь нашего учителя Яна.	Тройничок должен быть моим наставником.	Когда мы втроём путешествуем вместе, мы должны быть моими учителями.	В сексе втроём должен быть мой учитель.

Т а б л и ц а 2. Перевод «Аналектов Конфуция» на русский язык, выполненный человеком-переводчиком
[T a b l e 2. Confucius analects translation from Chinese into Russian performed by a human interpreter]

	Пример	Перевод на русском языке
1	学而时习之，不亦乐乎。	Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно?
2	人无远虑，必有近忧。	Человек, который не думает о том, что может случиться в будущем, обязательно вскоре столкнется с горестями.
3	己所不欲，勿施于人。	Не делай людям того, чего не желаешь себе.
4	与朋友交，言而有信。	В отношениях с друзьями нужно быть верным своему слову.
5	是可忍也，孰不可忍也。	Если такое можно вытерпеть, то что же вытерпеть нельзя?
6	朝闻道，夕死可矣。	Если на рассвете познаешь Дао, то на закате солнца и умереть не жалко.
7	君子喻于义，小人喻于利。	Благородный муж думает о морали, низкий человек думает о выгоде.
8	德不孤，必有邻。	Добродетельный человек не остаётся одиноким, у него обязательно появятся близкие [ему по духу].
9	学而不厌，诲人不倦。	Учиться без пресыщения, просвещать без усталости.
10	三人行，必有我师焉。	Если я иду с двумя людьми, то у них обязательно есть чему поучиться.

Сравнение таблиц 3 и 4 даёт схожие результаты: варианты машинного перевода (табл. 3) совершенно не отражают смысл приведённых паремий (напр., *Герои – это не мой роман* в примере 1 у всех онлайн-переводчиков, *Друг в беде* в примере 5 в переводе Youdao, в примере 7 *Бабушка – это Юрьев день* у первых трёх переводчиков и *поздравление бабушки с Юрьевым Днём* у четвертого переводчика и т. п.). Из таблицы 4 видно, что в ряде случаев использован приём объяснения, при котором фразеологический характер может теряться (*Герой не моего романа* как не мой поклонник, *Юрьев день* как неудачный день в примере 7, *Пан или пропал* как удача (прямое попадание) или неудача (промах) в примере 9 и т. п.). Однако есть и схожие моменты, такие как *на седьмом небе*, где цифра 7 заменена на цифру 9, символизирующую небо в китайской культуре.

Т а б л и ц а 3. Примеры машинного перевода русских поговорок и пословиц на китайский язык
[T a b l e 3. Examples of Russian proverbs machine translation from Russian into Chinese]

	Пример	Переводчик Baidu	Переводчик Youdao	Переводчик Google	Яндекс Переводчик
1	Герой не моего романа.	英雄不是我的小说。	英雄不是我的小说。	英雄不是我的小说。	英雄不是我的小说。
2	В тесноте, да не в обиде.	在拥挤中，而不是在冒犯中。	挤得水泄不通，但没关系。	拥挤但不疯狂。	局促，但没有冒犯。
3	Старость не в радость.	老有所为。	老年不快乐。	老年并不是一件快乐的事情。	老年不是一种快乐。
4	Дело мастера боится.	主人的事很害怕。	大师的工作是可怕的。	大师的作品是害怕的。	大师的工作是害怕的。
5	Друг познаётся в беде.	朋友在患难中认识。	朋友有麻烦了。	一个朋友知道有麻烦。	一个朋友知道有麻烦。

Окончание таблицы 3

	Пример	Переводчик Baidu	Переводчик Youdao	Переводчик Google	Яндекс Переводчик
6	Чем и богаты, тем и рады.	越富, 越高兴。	你越富有, 你就越快乐。	你越富有, 你就越幸福。	他们越富有, 他们就越快乐。
7	Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.	奶奶, 这是尤里耶夫的一天。	给你, 奶奶, 还有尤里日。	给你, 祖母, 还有圣乔治节。	为你, 奶奶, 圣乔治节干杯。
8	На седьмом небе.	在天堂。	欣喜若狂。	第七天之上。	在第七天堂。
9	Или пан, или пропал.	要么失败, 要么失踪。	要么成功, 要么失败。	要么命中, 要么错过。	要么潘, 要么走了。
10	Ум хорошо, а два лучше.	聪明, 两个更好。	头脑好, 两个更好。	有一颗心固然好, 但有两个心更好。	头脑是好的, 但两个更好。

Т а б л и ц а 4. Перевод примеров в учебнике на китайском языке, выполненный человеком-переводчиком
[T a b l e 4. Russian proverbs translation from Russian into Chinese performed by a human interpreter]

	Пример	Перевод на китайском
1	Герой не моего романа.	他不是我的意中人
2	В тесноте, да не в обиде.	宁受挤, 不受气
3	Старость не в радость.	年老不是福/年老多病
4	Дело мастера боится.	事怕行家
5	Друг познаётся в беде.	患难见真情
6	Чем и богаты, тем и рады.	请多包涵/请随便吃
7	Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.	真是个倒霉的日子/不幸到极点
8	На седьмом небе.	九重天
9	Или пан, или пропал.	不成功便成仁
10	Ум хорошо, а два лучше.	人多智广/集思广益

Представляется, что подобные сложности с известными поэтическими и философскими высказываниями и поговорками можно преодолеть накоплением соответствующих языковых пар, но это потребует немалой подготовительной работы переводчика-человека.

3. Заключение [Conclusion]

Данное исследование ставило целью определить качество машинного перевода с русского языка на китайский и с китайского на русский известных высказываний фразеологического характера на примере некоторых аналектов /афоризмов Конфуция и русских пословиц и поговорок, входящих в курс русского языка для китайских студентов. Тестирование 20 оригинальных единиц с четырьмя вариантами их машинного перевода и одним вариантом, выполненным профессиональным переводчиком-человеком, показало низкое качество машинного перевода, несмотря на значительный прогресс с момента создания и апробирования первой машины для перевода до разработки нейронных сетей со встроенной автоматической памятью.

Очевидной причиной стал приём пословного перевода, используемый онлайн переводчиками, тогда как в арсенале профессионального переводчика-человека были разного рода трансформации. В случае лингвокультурных лакун, каковыми были взятые примеры, такой приём пословного перевода неприемлем. Отсюда вытекает необходимость создания двуязычных словарей русско-китайского и китайско-русского электронных словарей фразеологических единиц разной размерности, к которым мог бы обращаться онлайн переводчик, и проработки механизмов автоматического поиска по этим словарям. Словарь должен постоянно пополняться новыми языковыми парами в том числе современными и модифицированными версиями паремических высказываний, особенно если они становятся популярными в современной прессе.

Библиографический список

- Бархударов, 1975 – Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Международные отношения, 1975. 240 с.
- Ван, 2012 – Ван М. Направление китайского перевода с точки зрения развития китайской теории перевода // Вестник Московского ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 16–22.
- Габдреева, Маршева, 2016 – Габдреева Н. В., Маршева Т. В. Лакуны и перевод // Вестник Чувашского гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2016. № 2 (90). С. 26–35.
- Карцева и др., 2016 – Карцева Е. Ю., Маргарян Т. Д., Гурова Г. Г. Развитие машинного перевода и его место в профессиональной межкультурной коммуникации // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 155–164.
- Колосёнок, 2019 – Колосёнок П. Системы машинного перевода // Lingva. 2019. № 70. URL : <http://lingva.ffl.msu.ru/2019/08/системы-машинного-перевода/>
- Раренко, 2021 а – Раренко М. Б. Машинный перевод как вызов // Вестник Московского университета. Сер. 2. Теория перевода. 2021. № 2. С. 117–126.
- Раренко, 2021 б – Раренко М. Б. Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание. 2021. № 3. С. 70–79. <https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.05>
- Ремхе, Нефедова, 2021 – Ремхе И. Н., Нефедова Л. А. Диалектика синтеза когниции и переводческой индустрии // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 105–114. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10315>
- Сорокин, 1977 – Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М. : Наука, 1977. С. 120–136
- Степанов, 1965 – Степанов Ю. С. Французская стилистика. М. : Высшая школа, 1965. 355 с.
- Ши и др, 2010 – [Русский язык (Новый Восток). Т. 1–4 / Ши Тецянь [и др.]. Пекин : Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 2010].
- Щитова, Щитов, 2020 – Щитова О. Г., Щитова А. Г. Межъязыковая фразеологическая эквивалентность и лакунарность // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2020. № 65. С. 158–179. <https://doi.org/10.17223/19986645/65/10>

References

- Barkhudarov, L. S. (1975). *Yuazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya Press. (In Russ.).
- Wang, M. (2012). Napravlenie kitayskogo perevoda s tochki zreniya razvitiya kitayskoy teorii perevoda [The direction of translation in China from the point of view of the development of the Chinese translation theory]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], 1, 16–22.
- Gabdreeva, N. V., & Marsheva, T. V. (2016). Lakuny i perevod [Lexical gaps and translation]. *Vestnik Chuvashskogo gos. ped. un-ta im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2 (90), 26–35.

- Kartseva, E. Yu., Margaryan, T. D., & Gurova, G. G. (2016). Razvitie mashinnogo perevoda i ego mesto v professional'noy mezhkul'turnoy kommunikatsii [The development of machine-aided translation and its place in the professional crosscultural communication]. *Vestnik RUDN. Ser. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 3, 155–164. (In Russ.).
- Kolosenok, P. (2016). Sistemy mashinnogo perevoda [Machin translation systems]. *Lingva*, 70. <http://lingva.ffl.msu.ru/2019/08/sistemy-mashinnogo-perevoda/>
- Rarenko, M. B. (2021 a). Mashinnyy perevod kak vyzov [Machine translation as a challenge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin], 2, 117–126.
- Rarenko, M. B. (2021 b). Mashinnyy perevod: ot perevoda «po pravilam» k neyronnomu perevodu [Machine translation: From rule-based approach to neural translation systems]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6: Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics], 3, 70–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.05>
- Remkhe, I. N., & Nefedova, L. A. Dialektika sinteza kognitsii i perevodcheskoy industrii [The dialectics of the synthesis of cognition and the translation industry]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences], 3 (461), 105–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10315>
- Sorokin, Yu. A. (1977). Metod ustanovleniya lakun kak odin iz sposobov vyyavleniya spetsifiki lokal'nykh kul'tur (khudozhestvennaya literatura v kul'turologicheskom aspekte) [The method of identifying lacunae as specific patterns of local cultures (Fiction from the cultural viewpoint)]. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya* [National and cultural specifics of speech behavior] (pp. 20–136). Moscow : Nauka Press.
- Stepanov, Yu. S. (1965). *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow : Vysshaya shkola Press.
- Shi T. et al. (2010). *Russian Language* (New Oriental). Volumes 1–4. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press.
- Shchitova, O. G., & Shchitov, A. G. (2020). Mezh'yazykovaya frazeologicheskaya ekvivalentnost' i lakunarnost' [Interlingual phraseological equivalence and gaps: An ethnocultural aspect (Based on the Russian and Chinese languages)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 65, 158–179. <https://doi.org/10.17223/19986645/65/10>

Мельникова Екатерина Александровна, Ковалева Светлана Евгеньевна
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
katerino4ka_92@mail.ru

Особенности жанра интервью с точки зрения эколлингвистики (на примере программы «Познер»)

Аннотация

Статья выявляет эколлингвистические аспекты в жанре интервью на примере программы «Познер». В статье даётся общая характеристика эколлингвистики как раздела языкознания с анализом наиболее значимых трудов, описываются основные черты интервью как жанра, представляется анализ коммуникативного поведения участников интервью программы «Познер» с позиций эколлингвистики. Характеризуются стратегии и приёмы интервьюера и интервьюируемого с точки зрения экологичного и неэкологичного общения. В результате доказано, что структурные и речевые характеристики жанра интервью взаимосвязаны с социальными и культурными факторами, что созвучно изучению языка с точки зрения эколлингвистики. Выявлены черты экологичного общения, свойственного интервью на лексическом, грамматическом и семантическом уровнях, такие как употребление положительно окрашенной или нейтральной лексики, местоимения мы в инклюзивной функции, слов с абстрактным значением, правильное построение словосочетаний и предложений и т. д. Анализ данных позволяет сделать вывод о том, что интервью, проводимое в культурной среде, характеризуется позитивной психологической атмосферой и не провоцирует собеседников на проявление отрицательных эмоций.

Ключевые слова: эколлингвистика, жанр интервью, аналитическое интервью, лексические особенности, грамматические особенности

© Мельникова Е. А., Ковалева С. Е. 2023

Для цитирования: Мельникова, Е. А., Ковалева, С. Е. Особенности жанра интервью с точки зрения эколлингвистики (на примере программы «Познер») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 94–101. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_94

Ekaterina A. Melnikova, Svetlana E. Kovaleva
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
katerino4ka_92@mail.ru

The features of the genre of interview from the point of view of ecolinguistics (Based on “Posner” program)

Abstract

The article examines the ecolinguistic aspects in the genre of interview on the example of the “Posner” program. In this paper, we give a general description of ecolinguistics as a field of linguistics on the basis of the most significant works, describe the main features of the interview as a genre, analyze the communicative behavior of the participants of the program in aspect of ecolinguistics. The strategies and techniques of the interviewer and the interviewee are characterized from the viewpoint of ecolinguistics. As a result, structural and speech patterns of the genre of interview are proved to be interrelated with social and cultural factors consistent with the study of language from the point of view of ecolinguistics. The features of eco-friendly communication characteristic of interviews are identified at the lexical, grammatical and semantic levels, such as the use of positively colored or

neutral vocabulary, the forms of the pronoun my 'we' performing the inclusive function, words with abstract meaning, correct patterns of building phrases and sentences, etc. These features enable to conclude that an interview conducted in a cultural environment is characterized by a positive psychological atmosphere that does not tempt the interlocutors to dispose negative emotions.

Keywords: ecolinguistics, genre of interview, analytical interview, lexical features, grammatical features

© Melnikova E. A., Kovaleva S. E. 2023

For citation: Melnikova, E. A., Kovaleva, S. E. (2023). Osobennosti zhanra interv'yuu s tochki zreniya ekolingvistiki (na primere programmy «Pozner») [The features of the genre of interview from the point of view of ecolinguistics (Based on “Posner” program)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 94–101. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_94

1. Введение [Introduction]

Актуальность темы исследования обусловлена значительным влиянием экологии на разные отрасли науки, в том числе на лингвистику, и повышенным вниманием исследователей к жанру интервью. Обращение к эколингвистике как междисциплинарной отрасли науки и её воздействию на различные жанры важно, поскольку это позволит доказать, что экологическое окружение оказывает влияние на коммуникативные характеристики человека.

Интерес к эколингвистике и её роли в современной науке возрастает, учёные занимаются выделением понятия и предмета эколингвистики, определением её функций (см. [Барбина, 2020 ; Иванова, 2007 ; Сковородников, 1992 ; Солодовникова, 2009]), выявлением взаимосвязи экологии языка и эмоций человека [Шаховский, 2009], изучением гармоничности отношений между человеком и информационной средой его обитания [Ионова, 2010] и т. д.

Однако вопрос специфики жанра интервью с точки зрения экологичности / неэкологичности общения остаётся открытым. В таком аспекте научный интерес вызывают эколингвистические особенности интервью и влияние экологичного общения на собеседника с учётом изменений внутри жанра интервью за последние десятилетия. Существует необходимость в подробном анализе лексического, морфологического и синтаксического уровней диалога интервьюера и интервьюируемого с точки зрения эколингвистических характеристик, который позволит сделать вывод о влиянии экологии языка на жанр интервью.

Ц е л ь исследования – выявить эколингвистические аспекты в жанре интервью на примере программы «Познер». Для достижения указанной цели необходимо решить следующие з а д а ч и: во-первых, выявить основные черты эколингвистики как новой междисциплинарной отрасли науки; во-вторых, дать характеристику жанру интервью и проследить изменения в данном жанре за последние десятилетия; в-третьих, проанализировать коммуникативное поведение интервьюера и интервьюируемого с точки зрения эколингвистических аспектов на лексическом и грамматическом уровнях.

Г и п о т е з а исследования состоит в том, что общение в анализируемых интервью экологично, так как программа предназначена для большой аудитории, и, следовательно, речь должна быть доступной, этичной и должна вызывать положительные эмоции.

1.1. Эколингвистика и её роль в современном языкознании [Ecolinguistics and its role in modern linguistics]

Эколингвистика (или лингвоэкология) – это, согласно А. П. Сковородникову, «отрасль (направление) языкознания, предметом изучения которой является состояние язы-

ка и языковой (речевой) среды; изучение факторов, влияющих (негативно или позитивно) на развитие языка и речевой культуры; путей и способов защиты языка от негативных влияний, в т. ч. от не мотивированных социальными и культурными потребностями внешних и внутренних заимствований, вульгаризации речи, лексической и фразеологической эрозии (обеднения) и т. д., а также определение условий, способствующих обогащению языка и его оптимальному развитию» [Сковородников, 2014, с. 284].

Эколингвистика как отрасль науки имеет междисциплинарный характер, поскольку связывает между собой язык и экологию и исследует то, каким образом экологическое окружение влияет на речевую деятельность личности, на её коммуникативное поведение. Рассмотрение языка как биологического вида, рождающегося, развивающегося, умирающего во взаимодействии с другими языками (в метафорическом плане) предложено американским учёным-социолингвистом Э. Хаугеном, который в своём труде «Экология языка»¹ предположил, что именно экология языка как наука будет способна предотвратить вымирание языков и предложит пути решения языковых проблем, связанных с экологическим окружением [Haugen, 2001, p. 325].

С. В. Ионова, проведя анализ основных направлений эколингвистических исследований, выделила два подхода к решению вопросов в данной научной области [Ионова, 2010, с. 92]:

1) экология языка, которая берёт в основу метафорическое понимание языка как биологического вида (по Э. Хаугену) и изучает языковые явления с точки зрения законов экологии, экологического окружения и правил работы экосистемы;

2) языковая экология, в которой, согласно М. Халлидею, языки анализируются и исследуются с точки зрения их «экологичности», а также рассматривается их роль в работе с проблемами, связанными с окружающей средой [Цит. по : Нурушева, 2014, с. 892].

Языковая экология как одно из направлений эколингвистики занимается рассмотрением функций языка, и одной из таких функций является терапевтическая. Она реализуется в общении людей с точки зрения вызываемых эмоций: слово может вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции. Терапевтическая функция охватывает как бытовое общение, так и общение на уровне «власть – народ», что говорит о её всеобъемлемости [Шаховский, Солодовникова, 2009, с. 27]. Очень важна роль терапевтической функции относительно жанра интервью, так как, если рассматривать данный жанр с точки зрения эколингвистики, он может содержать в себе различные эмоциональные ситуации, вызывающие позитивные и негативные эмоции и даже вызывать конфликтные ситуации.

Обращаясь к эколингвистическим аспектам в представленных интервью, необходимо проанализировать разные языковые уровни. Однако прежде всего необходимо уточнить, что с точки зрения современной науки является экологичным и неэкологичным общением. О существовании двух видов общения с точки зрения эколингвистики говорится, в частности, в [Шаховский, Солодовникова, 2009, с. 28]). Неэкологичное общение включает в себя словесное нанесение обиды собеседнику, ярко выраженную категоричность и враждебность, пренебрежение словами и эмоциями человека, оскорбительную или нецензурную лексику, холодность в обращении. В целом, к неэкологичному общению можно отнести всё то, что вызывает негативные эмоции и наносит вред психоэмоциональному здоровью человека. Экологичное общение, напротив, несёт позитивные эмоции, заботится о психоэмоциональном здоровье собеседника. Экологичным будет являться текст или высказывание, который функционально-доходчив, понятен, содержателен. Экологичность общения зависит от позитивности (должно вызывать положительные эмоции) и этичности (должно быть вежливым, корректным и доброжелательным). Помимо этого, по аналогии с законами и принципами общей экологии как

¹ Первое издание было выпущено в 1971 г., а позднее было включено в «Хрестоматию по эколингвистике» (The Ecolinguistics Reader, 2001), в которую также вошли статьи других учёных по экологии языка.

науки о загрязнении окружающей среды, в экологичном общении присутствует чистота речи. В экологичной речи отсутствует чрезмерное и немотивированное использование иностранных, сленговых и просторечных слов, которое негативно влияет на эмоциональный фон общения и собеседника. В целом, экологичное общение подразумевает, что говорящие заботятся о психоэмоциональном здоровье друг друга, вызывая положительные эмоции и проявляя уважение в своей речи.

1.2. Жанр интервью: изменение и виды [Interview genre: Change and types]

Жанр интервью бытует в двух формах: устной и письменной, при этом устная форма является более активной в настоящее время. Эмоции, вызываемые диалогом, зависят от того, какие языковые средства выбирает интервьюер или интервьюируемый, и именно комплекс выбранных средств позволяет не только добиться поставленной цели, но и вызвать ожидаемый отклик от слушателей. В. Ю. Голубев указывает, что в беседе интервьюера и интервьюируемого не возникает дискуссии, так как интервью подразумевает простую вопросно-ответную форму с целью получения конкретной информации [Голубев, 1996, с. 222]. Однако на современном этапе развития жанра ситуация в корне изменилась. Как пишет Н. Н. Кошкарова, жанр интервью, особенно политического, включает в себя провокативное общение и конфликтный дискурс, под которым автор понимает «деструктивную деятельность участников общения», т. е. использование участниками коммуникации определённых речевых тактик и языковых средств, которые создают негативную тональность диалога [Кошкарова, 2013, с. 300].

Существует много классификаций видов интервью, в том числе классификация А. А. Тертычного, который выделяет две обособленные разновидности жанра: информационное и аналитическое интервью [Тертычный, 2017, с. 83].

Информационное интервью предполагает передачу определённой информации слушателю путём вопросно-ответной формы. Основная черта данного вида заключается в том, что передача информации – это есть цель интервью, поэтому никаким авторским комментарием материал не сопровождается. В. И. Никишин отмечает, что «постулатами соблюдения формы станут три ключевых вопроса, а именно «что?» / «где?» / «когда?» [Никишин, 2021, с. 2557]. Аналитическое интервью в отличие от информационного подразумевает не только получение информации, но и авторский комментарий, анализирующий представленный материал. В наличии анализа проявляется главное отличие информационного интервью от аналитического.

2. Анализ эколлингвистических аспектов жанра интервью

[Analysis of ecolinguistic aspects of interview genre]

2.1. Материал и методика исследования [Materials and methods]

Материалом для исследования послужили выпуски телепрограммы «Познер» от 07.02.2022 (интервью с президентом РАН Александром Сергеевым, длительность – 54 минуты), 14.02.2022 (интервью с министром транспорта РФ Виталием Савельевым, длительность – 53 минуты) и 21.02.2022 интервью с журналистом и спортивным комментатором Кириллом Набутовым, длительность – 50 минут).

Для анализа было взято более 8000 лексических единиц; исследуемые единицы были отобраны методом сплошной выборки.

Для анализа характеристик жанра интервью с точки зрения эколлингвистики (на примере программы «Познер») в статье применяются: системный подход, описательный метод, грамматический и семантический анализ языковых единиц, обобщение.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ материала показал, что программа «Познер», транслируемая на телевидении, относится к аналитическому виду интервью, так как цель программы – не только получить от интервьюируемого информацию, но и услышать определённый комментарий на неё, что проявляется в том, что вопросы, задаваемые интервьюером, чаще всего открытого, дискуссионного характера. Ознакомившись с выпусками телепрограммы от 07.02.2022, 14.02.2022 и 21.02.2022 (выпуски программы доступны на официальном сайте Первого канала²), можно подтвердить аналитический характер интервью, приведя примеры вопросов, задаваемых В. Познером интервьюируемому:

«Какой период, с Вашей точки зрения, был золотым временем?»;

«Вообще изменится, на Ваш взгляд, это положение?».

В вопросах звучит желание услышать точку зрения собеседника, некий комментарий, т. е. ведущий акцентирует внимание на том, что собеседнику необходимо высказать своё мнение о проблеме или вопросе.

Важно обратить внимание на лексический уровень анализируемых интервью, потому что именно лексика формирует эмоции и общее настроение. Известно, что отрицательные явления вредны для психического и эмоционального здоровья, и в зависимости от того, преподносят ли собеседники их при помощи экологической функции языка или, наоборот, целенаправленно вкладывают негативные эмоции и используют максимальное количество негативно окрашенных слов, происходит прогресс или регресс в динамике морального состояния слушателей. Через лексику формируются определённые настроения среди публики. В анализируемых выпусках программы отмечается большое количество положительно окрашенных и минимум отрицательно окрашенных слов (используемых не с целью спровоцировать на негативные эмоции, а только лишь с целью раскрыть обсуждаемый вопрос). Преимущественно используется положительная или нейтральная лексика: *академия наук, высокая репутация, рыночный продукт, инновационные системы, российская наука, стратегия научного филологического развития, система положительной обратной связи, международные отношения, престиж, выдающиеся русские учёные, субсидирование, правильное решение, способствует развитию страны, восстанавливать дороги.*

Подобный набор используемой лексики говорит о том, что участники интервью пользуются экологической функцией языка, не пытаются спровоцировать слушателей на отрицательные эмоции, шокировать их (как это делается в некоторых политических интервью). Беседа вызывает положительные эмоции и здоровый интерес к предмету. Обсуждая важные для науки, искусства и государства вопросы, собеседники ведут себя уважительно не только по отношению друг к другу, но и к публике. В диалоге отсутствует инвективная лексика и табуированные темы.

Ещё одним эколоингвистическим аспектом в анализируемых выпусках программы является использование речевого этикета и соблюдение норм культуры речи. Собеседники применяют этикетные формулы, что подчёркивает характер деловых отношений между ними, позволяет придать разговору необходимый доброжелательный колорит, показать уважительное отношение ко всем участникам интервью. Это проявляется в использовании этикетных формул приветствия («Здравствуйте», «Добрый вечер»), поздравления («...день наук, с чем я вас поздравляю»), благодарности («Спасибо») и т. д.

Анализ грамматических особенностей также важен с точки зрения эколоингвистической характеристики интервью. Укажем некоторые грамматические особенности, отмеченные в ходе анализа. В ходе интервью активно используются местоимения в парадигме «мы-инклюзивное», в которую включаются:

² URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski> (дата обращения : 24.03.2023)

- собеседники: «**мы** с вами имеем в виду...»;
- российское общество: «наука для **нас**...»;
- государство: «**мы** на втором месте по результатам»;
- человечество в целом: «связано с **нашей** цивилизацией и промышленностью...» (используя местоимения *мы, нас, нашей*, коммуникант подразумевает не только себя и собеседника, но и общество, государство, человечество, создавая у собеседника и слушателей позитивное чувство единения и сплочённости).

На уровне морфологии в диалоге можно выделить использование большого количества абстрактных существительных, что приводит к нейтральному / позитивному диалогу с обсуждением отвлечённых и общих тем: *фундаментальные знания, экономика, промышленность, бизнес, кризис, власть, повторение, падение интереса, спорт*. Этот аспект проявляется и на уровне семантики, так как слова с абстрактным значением, используемые коммуникантами, вызывают в сознании и памяти слушателей не конкретные визуальные образы, а ассоциации с чем-то общим, придавая беседе оттенок обобщённости.

Экологичность речи не равна правильности, однако экологичность заключается в том числе в правильности, включает её в себя. Экологичность речи анализируемых интервью проявляется в правильности употребления слов на морфологическом уровне. Собеседники правильно употребляют формы разных частей речи, формы множественного числа, род существительных (*инновационные рельсы, в шаге от золотой медали, общее ощущение по ее поводу, ставлю во главу угла* и т. д.). Правильность проявляется и в использовании полной и краткой форм прилагательных: *лучшая система, мы сильны, считать справедливым*.

Собеседники корректно склоняют сложные и составные числительные: *нет девяносто миллиардов рублей, на пятьдесят первом месте, почти две трети даёт бюджет, в две тысячи пятом году, тридцать пятому месту*.

Кроме того, используются разные временные формы глагола для того, чтобы описать не только прошедшие или настоящие, но и будущие события, при этом собеседники строят положительный временной план будущего страны и развития: *будет развиваться, было ожидаемо, вы возглавляли, я готовлюсь, мы собираемся это развивать, дорога свяжет* и т. д.

Если говорить о синтаксическом уровне анализируемых интервью, то следует отметить, что собеседники правильно строят словосочетания и предложения, стремятся избежать громоздких, сложных, длинных конструкций, чем добиваются максимальной доступности и понятности. Приведём пример употребляемых конструкций и предложений:

«Вот для меня олимпийский чемпион – это навсегда».

«Безусловно, атомные ледоколы делают основную «погоду» на Севморпути, и с этим надо считаться».

«Технологии идут. Я думаю, что в ближайшее время уже мы с вами это увидим. Мы серьёзным образом изменим весь ландшафт транспортной отрасли».

Конструкции строятся собеседниками таким образом, что речь становится понятной, доступной и ясной.

Экологически чистым является язык проанализированных выпусков интервью, так как в речи собеседников отсутствуют «загрязнители» речи, которые снижали бы качество языка и комфортность коммуникации; отсутствует лингводигрессия, т. е., по словам А. П. Сковородникова, «ухудшение состояния языка или снижение уровня культуры общения на данном языке» [Сковородников, 1992, с. 36], что проявляется в отсутствии оскорблений, неуважительного или снисходительного общения, обращений на «ты», стилистически сниженной лексики в речи собеседников. В целом, в диалогах наблюдается положительная интенция, конструктивность, эффективность, доброжелательность,

этичность, желание донести до собеседника свои мысли и эмоции, обратить внимание на существующие проблемы и вызвать ответную реакцию в положительном ключе, т. е. обсудить. Между собеседниками возникает позитивная эмоциогенность, следовательно, диалоги можно назвать экологичными и успешными (эффективными). Результат – собеседники высказали свою точку зрения, услышали мнение своего собеседника.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование на материале трёх выпусков телепрограммы «Познер» показало, что на лексическом, грамматическом и семантическом уровнях проанализированные интервью обладают чертами экологичного общения: собеседники используют положительно окрашенные и нейтральные слова, избегают употребления инвективной и просторечной лексики, а также «загрязнителей» речи. Положительная коммуникативная характеристика объясняется, на наш взгляд, тем, что интервью проводится в культурной среде, и это исключает возможность случаев неэкологичного общения. Кроме того, экологичность является характерной чертой коммуникативной личности В. Познера, который, будучи интервьюером, направляет беседу в русло нейтральных и общих тем, избегая табуированных. Помимо этого, использование правил речевого этикета собеседниками говорит о реализации терапевтической функции языка (за которую отвечает эколингвистика), что не только делает интервью приятным и информативным, но и создаёт положительную эмоциональную атмосферу, вызывает позитивные эмоции у слушателей.

Перспектива исследования проблемы заключается в более детальном изучении жанра интервью в эколингвистическом аспекте, в анализе бóльшего количества интервью на всех языковых уровнях. Кроме того, существует необходимость изучения эмоциональности и повышения тона голоса при проведении интервью с точки зрения экологичности / неэкологичности общения.

Библиографический список

- Барбина, 2020 – Барбина Н. С. Аргументация критики в науке о языке : эколингвистический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Челябин. гос. ун-т. Челябинск, 2020. 42 с.
- Голубев, 1996 – Голубев В. Ю. Аргументация как один из функциональных элементов газетного стиля речи: на материале американской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб, 1996. 16 с.
- Иванова, 2007 – Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2007. 24 с.
- Ионова, 2010 – Ионова С. В. Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2 : Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 86–93.
- Кошкарова, 2013 – Кошкарова Н. Н. Политическое интервью межкультурного уровня: лингвоэкологические аспекты коммуникативного поведения участников // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 21 (312). С. 299–302.
- Никишин, 2021 – Никишин В. И. Виды интервью. Особенности подходов к созданию аналитического интервью // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2557–2561. URL : <https://innovjourn.ru/nomer/35-nomer/> (дата обращения : 24.03.2023).
- Нурушева, 2014 – Нурушева Д. А. Эколингвистика как раздел языкознания // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-4. С. 890–893.
- Сковородников, 2014 – Сковородников А. П. Лингвоэкология, или эколингвистика // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Красноярск : СФУ, 2014. С. 284–285.

- Сковородников, 1992 – Сковородников А. П. Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. № 2. С. 35–46.
- Тертычный, 2017 – Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2017. 315 с.
- Шаховский, Солодовникова, 2009 – Шаховский В. И., Солодовникова Н. Г. Терапевтическая функция языка как проблема эколлингвистики // Мир лингвистики и коммуникации. 2009. № 15. С. 26–34.
- Haugen, 2001 – Haugen E. The Ecology of Language, in: Fill. The Ecolinguistics Reader. Language, Ecology and Environment / A. Fill, P. Mühlhäusler (Eds). London : Continuum, 2001. P. 57–66.

References

- Barebina, N. S. (2020). Argumentatsiya kritiki v nauke o yazyke: ekolingvisticheskiy aspekt [Argumentation of criticism in the studies of language: Ecolinguistic aspect]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Chelyabinsk State University. Chelyabinsk. (In Russ.).
- Golubev, V. Yu. (1996). Argumentatsiya kak odin iz funktsional'nykh elementov gazetnogo stilya rechi: na materiale amerikanskoy pressy [Argumentation as one of the functional elements of the newspaper style: Based on the American press]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; St Peterburg State University, St Peterburg. (In Russ.).
- Ivanova, E. V. (2007). Metaforicheskaya kontseptualizatsiya prirodnykh katastrof v ekologicheskom diskurse: na materiale mediynykh tekstov [Metaphor concepts of natural disasters in ecological discourse (Based on media texts)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Chelyabinsk State University, Chelyabinsk. (In Russ.).
- Ionova, S. V. (2010). Osnovnye napravleniya ekolingvisticheskikh issledovaniy: zarubezhnyy i otechestvennyy opyt [Basic course of ecolinguistic studies: Foreign and domestic experience]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 1 (11), 86–93. (In Russ.).
- Koshkarova, N. N. (2013). Politicheskoe interv'yu mezhhkul'turnogo urovnya: lingvoekologicheskie aspekty kommunikativnogo povedeniya uchastnikov [Intercultural political interview: Ecolinguistic aspects of interview participants' communicative behaviour]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 21 (312), 299–302. (In Russ.).
- Nikishin, V. I. (2021). Vidy interv'yu. Osobennosti podhodov k sozdaniyu analiticheskogo interv'yu [Types of interviews. Features of approaches to creating an analytical interview]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*. [Innovations. Science. Education.], 35, 2557–2561. (In Russ.). <https://innovjournal.ru/nomer/35-nomer/>
- Nurusheva, D. A. (2014). Ekolingvistika kak razdel yazykoznanija [Ecolinguistics as a branch of linguistics]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research], 5–4, 890–893. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2014). Lingvoekologiya, ili ekolingvistika [Linguoecology, or ecolinguistics]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetentsii)* [Effective speech communication (Basic competencies)] (pp. 284–285). Krasnoyarsk : Siberian Federal University Press. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (1992). Ob ekologii russkogo yazyka [About the Ecology of the Russian language]. *Filologicheskie nauki* [Philology], 2, 35–46. (In Russ.).
- Tertychnyy, A. A. (2017). *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow : Aspekt Press. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I., & Solodovnikova, N. G. (2009). Terapevticheskaya funktsiya yazyka kak problema ekolingvistiki [Therapeutic function of language as a problem of ecolinguistics]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [The World of linguistics and communication], 15, 26–34. (In Russ.).
- Haugen, E. (2001). The Ecology of Language. In A. Fill, P. Mühlhäusler (Eds), *The ecolinguistics reader. Language, ecology and environment* (pp. 57–66). London : Continuum Press.

Разливинская Наталья Александровна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
RazlivinskayaNA@mgpu.ru

Особенности пространственно-временной языковой объективации коммеморации в дискурсивном пространстве города (на материале текстов мемориальных досок)

Аннотация

В статье исследуются особенности пространственно-временной языковой экспликации коммеморации в городской среде, ставится вопрос о возможности дискурсивного городского пространства транслировать ценности, нормы и установки, касающиеся совместного осмысления прошлого, в процессе взаимодействия с жителями города. Цель исследования заключалась в изучении языковых особенностей коммеморативных текстов, функционирующих в пространстве мегаполиса, с точки зрения пространственно-временных отношений. Мотивацией послужило то, что через выбор в качестве объекта коммеморации определённого исторического события и языковых средств его репрезентации транслируются ценностные установки исторического периода и формируются определенные модели социально-ожидаемого поведения. Эмпирической базой исследования послужил корпус надписей на мемориальных досках города Москвы. Источником материала послужили сведения на открытом портале данных Правительства Москвы. Контент-анализ материала выполнен с помощью веб-приложения Voyant-tools и корпусного менеджера AntConc. В результате получены данные о частотности лексических единиц и содержании контекстов их употребления. Данные о тематических и концептуальных доминантах текстов мемориальных досок послужили основой для выделения лексических маркеров и синтаксических моделей коммеморативного текста, служащих для реализации различных нарративных стратегий. Выявлена корреляция между нарративными стратегиями коммеморации в городском пространстве и вербальными и синтаксическими средствами, которые акцентируют определённые культурно-исторические события, локации городского пространства, нацелены на аксиологическую сферу адресата, формирование ожидаемых социально-ориентированных моделей поведения.

Ключевые слова: урбанистический дискурс, коммеморативный нарратив, пространственно-временная категория, лемма, словоформа, частотность

© Разливинская Н. А. 2023

Для цитирования: Разливинская Н. А. Особенности пространственно-временной языковой объективации коммеморации в дискурсивном пространстве города (на материале текстов мемориальных досок) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 102–114. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_102

Natalya A. Razlivinskaya
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
RazlivinskayaNA@mgpu.ru

Language means of representing time- and space-related commemoration in urban discourse (Evidence from memorial plaque texts)

Abstract

The article examines the language means marking time- and space-related commemorative practices and explores ways in which the urban discourse communicates national values, norms and expectations to city residents. The

focus is made on the textual components of commemorative plaques functioning in the urban discourse from the angle of spatial-temporal relations. The motivation was that the choice of a certain historical event and linguistic means representing it reveals what values and attitudes are communicated and which models of socially expected behavior are cultivated by social agents. The empirical data for the study were selected from the official corpus of memorial plaques texts available on the Moscow government open data portal. The content analysis was performed with the Voyant-tools and AntConc software to calculate word frequencies and analyze their contexts. The obtained data on the thematic and conceptual dominants of the texts were used to identify and describe commemorative narrative strategies, specific lexical markers and syntactic models typical of urban commemorative texts. As a result, the correlation was found between commemorative narrative strategies and verbal and syntactic linguistic means that emphasize certain cultural and historical events, locations of urban space not only targeting the axiological sphere of the addressee but also promoting certain models of social behavior.

Keywords: urban discourse, commemoration narrative, space-temporal category, lemma, word form, frequency of occurrence

© Razlivinskaya N. A. 2023

For citation: Razlivinskaya, N. A. (2023). Osobennosti prostranstvenno-vremennoy yazykovoy ob"ektivatsii kommemoratsii v diskursivnom prostranstve goroda (na materiale tekstov memorial'nykh dosok) [Language means of representing time- and space-related commemoration in urban discourse (Evidence from memorial plaque texts)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 102–114. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_102

1. Введение [Introduction]

Город как исследовательский объект принадлежит к сфере интересов различных социальных и гуманитарных наук, в том числе социологии, философии, культурологии, истории, географии, политологии и др. В фокусе исследователей находится взаимодействие между городской средой и людьми, проживающими в мегаполисе, изучаются аспекты формирования культурной и национальной идентичности в городском пространстве [Романовская, 2015], идеологическое воздействие городского ландшафта на адресата коммуникации [Buchstaller, Fabiszak, 2017], лингвистические и нарративные механизмы трансляции памяти [Тивьяева, 2013, 2018; Разливинская 2021], изучение символической политики коммеморации как части властного дискурса [Малинова, 2017]. М. Рейзигл подчёркивает социальный характер коммеморации, обращая внимание на различные планы выражения данного феномена: «Коммеморация представляет собой социальную деятельность, которая включает в себя разнообразие людей и разнообразие запоминаемых вещей, что означает, что коммеморация не только включает в себя психические процессы, но и различные вербальные и другие формы семиотической экстернализации» [Reisigl, 2018, p. 369] (перевод мой – Н. Р.).

Введение в круг интересов лингвистики таких проблем, как особенности языковой трансляции и репрезентации коммеморации, даёт новый ракурс изучения городского коммуникативного пространства как совокупности городских текстов, особой формы языковой объективизации дискурсивных практик. Когнитивно-дискурсивный подход, в рамках которого в фокусе внимания исследователей находится языковая обработка информации [Хутыз, 2012; Попова, 2015; Дискурс как универсальная матрица..., 2018], позволяет рассматривать мегаполис как особое дискурсивное пространство, где в вербальной и невербальной форме функционируют продукты различных дискурсивных практик. Одним из продуктов коммеморативных дискурсивных практик выступают мемориальные доски, которые участвуют в процессах ретрансляции городской коллективной памяти и коммеморативных нарративов.

Настоящая статья нацелена на изучение языковых средств выражения пространственных и временных отношений в коммеморативных текстах в урбанистическом дискурсе. Многие исследователи обращали внимание на важность темпоральных и пространственных характеристик при изучении различных практик коммеморации, акцентируя внимание на различных аспектах. Н. Каплан и Б. Шварц исследуют темпоральную перспективу при анализе источников коммеморации [Kaplan, Schwartz, 2022], разграничивая их по степени долговечности. Т. Батлер фокусируется на городском ландшафте, интерпретированном и представленном с использованием воспоминаний других, предлагая использовать понятие «memoryscapes» или «мемориальный ландшафт» [Butler, 2008, p. 223]. Отсутствие единого подхода к изучению временных и пространственных характеристик коммеморации в коммуникативном городском пространстве свидетельствует о необходимости углубленного исследования языковой экспликации коммеморативных дискурсивных практик в этой области. Языковые аспекты репрезентации пространственно-временной категории представлены в основном работами по лингвогеографическому моделированию городского пространства [Сулейманова, Карданова-Бирюкова, Фомина, 2016; Зоц, 2019] и по описанию топонимических практик [Azaryahu, 2015], что представляется недостаточным для описания особенностей дискурсивных коммеморативных практик с учетом комплекса пространственных и локальных характеристик. Изучение пространственно-временной языковой репрезентации коммеморации в городском пространстве углубляет и расширяет существующие представления о структуре коммеморативного нарратива и особенностях его языковой реализации.

Для достижения поставленной цели необходимо: 1) составить репрезентативный корпус коммеморативных текстов, функционирующих в пространстве городского дискурса, ключевыми характеристиками которых будут выступать пространственно-временные отношения; 2) разработать методику контент-анализа текстов мемориальных досок с помощью автоматизированных методов лингвистического анализа; 3) проанализировать основные нарративные коммеморативные стратегии в текстах мемориальных досок и выявить специфику языковой репрезентации городского пространства и исторической эпохи как целостной категории в коммеморативном нарративе мегаполиса.

В рамках изучения коммеморативных дискурсивных практик представляется важным отметить сложность и многоаспектность феномена коммеморации в урбанистическом дискурсе. Н. Каплан, Б. Шварц определяют коммеморацию как особую форму моральной памяти общества, а основной ее функцией служит демаркация исторических событий и персоналий, в отношении которых существует императив запоминания. Исследователи также указывают, что источниками коммеморации служат различные средства, среди которых исследователь выделяет объекты постоянной коммеморации, временной коммеморации и коммеморативные тексты [Kaplan, Schwartz, 2022]. Тексты мемориальных досок можно отнести к постоянным объектам коммеморации в мегаполисе, следовательно, их изучение позволяет определить ключевые исторические события, формирующие политическую, экономическую и культурную сферы жизни города. Изучение текстов мемориальных досок позволяет выделить модели интерпретации социально-политических событий [Беседина, 2020], чей универсальный характер обусловлен такими характеристикам мемориальных досок как «демократичность исполнения, приближенность к наблюдателю, уникальность расположения» [Беседина, 2019, с. 185]. Вышеперечисленные особенности определяют популярность, значимость и репрезентативность текстов мемориальных досок в урбанистическом дискурсе.

Анализ современной научной литературы позволяет сделать вывод, что, несмотря на актуальность изучения коммеморации как социолингвистического явления, мета-язык описания языковой объективизации коммеморации ещё находится в процессе формирования, о чем свидетельствует отсутствие унифицированной терминологии и

привлечение методологий смежных с лингвистикой наук для анализа различных форм коммеморации. Междисциплинарность обусловлена как сложностью описываемого явления, так и синкретическими формами его экспликации и функционирования в дискурсивном пространстве города. На подобные сложности при описании языковой манифестации городских объектов, указывал А. Мейер. Автор исследовал надписи на мемориальных объектах, которые выступают как элемент официального, институционального дискурса о войне, одновременно выступая в качестве вербального транслятора ключевого посыла самого памятника [Mayr, 2008, p. 161]. Во многих работах, посвященных изучению коммеморации с позиции теории дискурса, отмечается ее институциональный характер, направленность на трансляцию необходимых для политической элиты ценностей [Ребрина, 2019 ; Исаева, 2020].

Особое внимание исследователей привлекает пространственная организация мест коммеморации в городском пространстве [Scollion, 2003]. Л. Катчер, К. Дейл, Ф. Хэнкок, М. Тайлер отходят от фиксированного представления о коммеморации как от репрезентации статичного, фиксированного прошлого, и изучают её как взаимодействие динамичных и сложных процессов, связанных с воспоминанием и взаимодействием нарративов и материальных вещей, сплетенных вместе в построении и реконструкции этих пространств и мест [Cutcher, 2016]. Общим для современных исследований коммеморативных дискурсивных практик представляется обращение к семиотике как методологической основе исследования; памятники и мемориальные места городского пространства рассматриваются как особого вида текст, чьи смыслы могут меняться в связи с динамическим характером коммеморации, порождая особый коммеморативный нарратив, связанный с совместным переживанием исторического события.

В рамках социолингвистического подхода У. Лабова [Labov, 1972], именно нарратив позволяет рассматривать коммеморацию как особую форму социального действия, определяемую ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, ограниченную и находящуюся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических процессов. Выбор объекта коммеморации и способа его репрезентации отражают аксиологические, лингвокультурные особенности коммуникации в городском пространстве с помощью использования нарративных дискурсивных стратегий, которые, как отмечает В. И. Тюпа, дают представление о национальной картине мира и типовой форме контакта между субъектом и адресатом наррации [Тюпа, 2018]. Исходя из цели исследования, представляется релевантным выделить тексты мемориальных досок как особую форму языковой манифестации коммеморативной практики в урбанистическом дискурсе, где посредством дискурсивной организации текста происходит трансляция ценностных установок, норм и экспектаций социальных акторов, представленных в коммуникативной среде мегаполиса.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В настоящей работе эмпирическая база исследования представлена корпусом текстов мемориальных досок города Москвы, где объект коммеморации представляет собой событие или историческое место. Корпус был составлен на основе записей портала открытых данных Правительства Москвы¹. По состоянию на август 2021 года (последняя дата обновления релевантных данных на портале) объем всего корпуса составляет 1756 единиц. В результате проведения контент-анализа содержания мемориальных досок был выделен кластер мемориальных досок, где пространственно-времен-

¹ Портал открытых данных Правительства Москвы. Доступно по: <https://data.mos.ru/opendata/7705021556-memorialnye-doski-goroda-moskvy/description?versionNumber=1&releaseNumber=92> Ссылка активна на 01.11.2021.

ные отношения репрезентированы относительно исторического события, его объём составил 205 единиц (11,67% от общего объёма корпуса мемориальных досок, представленных на портале). Данный кластер текстов мемориальных досок, которые функционируют как исторический нарратив в коммуникативном пространстве мегаполиса, включает в себя следующие элементы: объект, представленный событием, время, место, контекст, субъективная оценка. Пространственно-временные отношения представляют особый интерес для исследования, так как через выбор в качестве объекта коммеморации определенного исторического события и языковых средств его репрезентации транслируются ценностные установки исторического периода и формируются определённые модели социально-ожидаемого поведения.

Выбор методов исследования был обусловлен поставленными целями и задачами. Для определения коммеморативного ядра исторических событий были реализованы следующие этапы контент-анализа текстов мемориальных досок:

- Визуализация ключевых слов на основе статистически значимой абсолютной и сопоставительной частотности слов с помощью веб-приложения для анализа текста Voyant.tools². В число инструментов веб-приложения входит составление списков частотности, выделение ключевых слов в документах, тематическое моделирование, нахождение коллокаций.

- Проведение развернутого контент-анализа выделенных категорий текстов с помощью корпусного менеджера AntConc для операционной системы Windows (версия 4.00, релиз от 01.07.2021)³. Для получения более структурированной картины частотности лексем не только по формальному, но и по содержательному признаку тексты мемориальных досок были лемматизированы и очищены от стоп-слов. Данные о ближайшем окружении и сочетаемости с другими единицами наиболее частотных лексем в корпусе получены с помощью инструментов Word List, Concordance и Collocates, что позволило выделить наиболее значимые кластеры исторических событий и локализаций, эксплицированных в текстах мемориальных досок.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

По результатам первого этапа исследования были отобраны тексты мемориальных досок, в которых в качестве объекта коммеморации выступает связь городского пространства со значимыми историческими событиями. Общий объём текстов составил 5,799 слов, из которых 2,020 представляют собой уникальные словоформы. Облако частотности лексем, построенное с помощью веб-приложения Voyant.tools на основе статистически значимой абсолютной частотности, представлено на рисунке 1.

Кегль шрифта слова в облаке указывает на степень его частотности, таким образом при анализе данной визуализации можно сделать вывод о том, что наиболее частотные языковые единицы относятся к пространственно-временным маркерам, которые указывают на временные рамки исторического события и место коммеморации в городском пространстве. Выделена наиболее частотная лексема *год* (в анализе учитывались морфологические деривации года, году и буквенное сокращение г.), которая хронологически привязывает место коммеморации к определённой исторической дате. Отдельно следует выделить дату *1941*, знаменующую в массовом сознании начало войны Союза Советских Социалистических Республик против Германии, что дополнительно эксплицировано частотным употреблением словосочетания *Великой Отечественной Войны*. Следовательно, ВОВ представляет собой наиболее часто упоминаемое историческое событие в текстах мемориальных досок, посвященных коммеморации городского

² <https://voyant-tools.org/>

³ <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/>

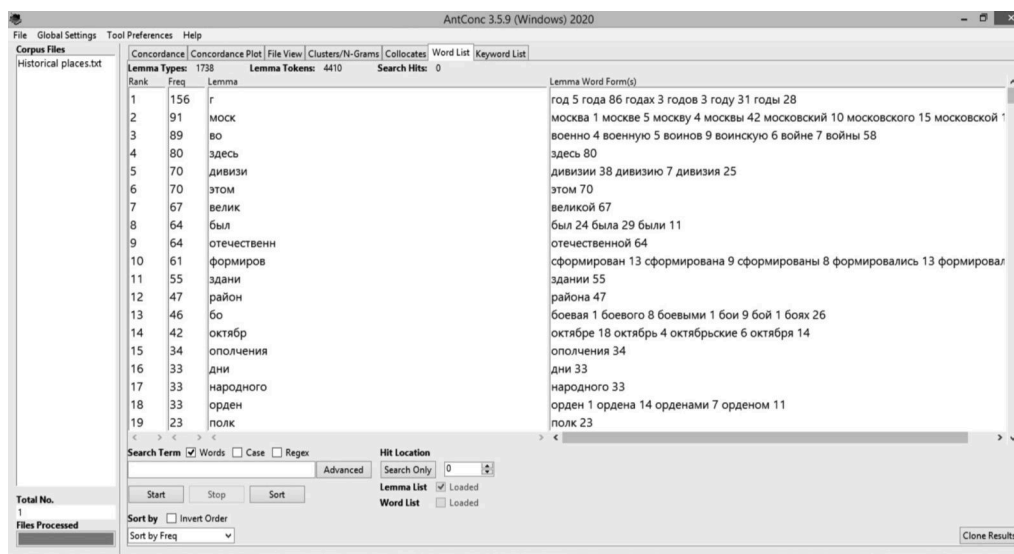
пространства. Данное событие выступает в качестве объекта коммеморации, а место локализации коммеморации в городском пространстве объективировано такими языковыми единицам как *здесь, здании, района, Москвы*. К концептуальному полю ВОЙНА также относятся наиболее частотные лексемы *дивизии и народное ополчение*. Основные выводы, которые позволяет сделать анализ абсолютной частотности упоминания слов в тексте, заключаются в следующем: коммеморация исторических мест в городском пространстве в текстах мемориальных досок связана с ВОВ, реализуется различными языковыми средствами, относящимися к концептуальному полю ВОЙНА. Представленные выводы отличаются некой схематичностью и упрощенностью, хотя и позволяют прийти к заключению о доминирующем историческом событии, репрезентированном в коммуникативном дискурсе мегаполиса, что требует использовать дополнительные параметры для анализа пространственно-временных особенностей коммеморации в городском коммуникативном пространстве.

Р и с у н о к 1. Облако частотности слов в текстах мемориальных досок
[F i g u r e 1. Word cloud graph based on frequency of words used in memorial plaque texts]

Для получения данных о релевантных исторических доминантах текстов мемориальных досок в мегаполисе, объектом коммеморации которых выступает историческое место или событие, был использован корпусный менеджер AntConc, позволяющий производить подсчет статистически значимой частотности слов. Достоинством корпусного менеджера AntConc выступает возможность составить список лемм, основ слов, которые снимают дубликацию значимых лексем в итоговой выборке, например, лемма *моск*, включает в себя основные морфологические варианты данной основы, которые встречаются в текстах: *Москва – московского – московский – московской – Москвы – Москве – Москву*. Важно отметить, что в программе невозможно задать правила чередования гласных и согласных в основе слова при словообразовании, поэтому в качестве леммы выбиралась повторяющаяся часть всех словоформ. В программе AntConc существует инструмент для удаления из корпуса текстов стоп-слов (наиболее частотных предлогов и сокращений), которые не дают представления о концептуальном содержании текстов мемориальных досок, и, следовательно, анализ частотности которых не релевантен для заявленной цели исследования. Наиболее частотные леммы в текстах мемориальных досок, где объектом коммеморации выступает связь городской локации

с историческим событием, дают представление о концептуальных сферах коммеморации в городском дискурсивном пространстве (рис 2.)

Р и с у н о к 2. Список наиболее встречаемых лемм в анализируемом корпусе текстов
[Figure 2. Lemma frequency list in the analyzed corpus of texts]

Пространственно-временные аспекты связи коммеморируемых исторических событий с объектами городского пространства эксплицированы на вербальном уровне с помощью нескольких групп ключевых лексем. Под ключевыми лексемами в исследовании понимаются те лексемы, словоформы которых наиболее распространены в анализируемых текстах мемориальных досок. К наиболее частотным хронологическим маркерам относятся ключевые лексемы *год*, *октябрь*, *день*, *июль*. Анализ дистрибуции ключевых лексем позволяет выявить наиболее значимые исторические события в коммеморативном нарративе мегаполиса. Например, дистрибутивное окружение лексемы *дни* представлено следующими коллокациями: *дни Великой Отечественной войны*, *дни Декабрьского Вооружённого Восстания*; дистрибуция ключевых лексем *июль* и *октябрь*, а именно включение числового обозначения даты (*июль 1941*, *июль 1917*, *октябрьские дни 1917*, *октябрьские дни 1905*, *октябрь 1941*) помогает сделать выводы о значимом историческом периоде. Если указывается точная дата исторического события, то название самого события в большинстве случаев не дублируется языковыми средствами, таким образом указанные в цифровых датах хронологические рамки имплицитно апеллируют к коллективной историко-культурной памяти нации.

В дискурсивном пространстве большого города пространственная ориентация вербализуется в первую очередь через название мегаполиса, таким образом ключевая лексема *Москва* наиболее частотно представлена в корпусе анализируемых текстов (91 случай употребления), что связано с задачей коммеморации в городском пространстве сохранить связь значимых мест города с историческими событиями, которые имели наибольшее влияние на историю города и страны.

Пространственные маркеры вербализованы с помощью указательного местоименного наречия *здесь*, дистрибутивный анализ данной лексемы показывает наиболее типичную синтаксическую структуру сочетания наречия *здесь* (80 случаев употребления) с формой глагола в прошедшем времени и с обстоятельством времени, вводимым предлогом *в* или *во*. Приведем пример: *Здесь во время Великой Отечественной Войны 1812 года формировались полки Московского ополчения*. Синонимическая синтаксическая конструкция, которая репрезентирует пространственно-временные отношения с

указанием места коммеморации, строится с использованием указательного местоимения *этот* (70 случаев употребления) в предложной конструкции *в этом доме, в этом здании, в этом месте, в этом храме*, далее указывается обстоятельство времени и предикат, выраженный глаголом прошедшего времени что наглядно представлено в приведённом ниже примере: *В этом здании с 1908 года по 1922 год помещались пречистенские вечерние классы для рабочих – первый рабочий университет, основанный в 1897 году*. Помимо упомянутых ключевых лексем *здание* (55 случаев употребления), *дом* (16), *храм* (13), *место* (11), для обозначения значимых мест городского пространства наиболее часто встречаются такие номинации как *район* (51 случай употребления), *госпиталь* (20), *школа* (18), *штаб* (16), и менее частотные лексемы *музей* (9), *церковь* (5), *академия* (5), *университет* (4), *больница* (4), *завод* (4), что позволяет сделать вывод о тенденции фиксировать в контексте коммеморируемых событий наиболее общие названия городского пространства, такие как *здание* и *район*.

В результате семантического анализа списка наиболее частотных лексем выявлены три главных концептуальных сферы, к которым относятся коммеморируемые события в городском пространстве:

- **ВОЙНА**: все морфологические варианты лексемы *война* (89 случаев употребления), *дивизия* (70), *бой* (46), *ополчение* (34), *полк* (23), *захватчики* (18), *батальон* (11), *армия* (10).

- **СТРАНА**: *отечественная* (64), *народного* (33), *советской* (18), *СССР* (12), *родина* (13), *русский* (11);

- **НАГРАДА**: *орден* (33), *награжден* (17), *красное знамя* (17), *доблесть* (16), *почетное* (14), *герой* (10).

Анализ статистической частотности вербальных компонентов текстов мемориальных досок с помощью корпусного менеджера AntConc дает возможность уточнить ранее сделанные выводы, что коммеморация исторических мест в городском пространстве преимущественно связана с теми военными событиями, которые имели решающее значение для судьбы страны. Важным показателем выступает и социальное одобрение стратегии поведения, направленной на защиту властного режима, что объективировано на вербальном уровне указанием на поощрение и награду тех участников военных событий, кто внес значительный вклад в защиту родины. Номинация городского пространства выражена наиболее общими и нейтральными языковыми средствами, что сдвигает фокус внимания адресата на объект коммеморации, для представления которого в городском дискурсе выделяются специфические нарративные стратегии.

Семантико-стилистический анализ текста позволяет выделить набор лексических маркеров и синтаксических моделей коммеморативного текста, служащих для реализации различных нарративных стратегий. В связи с выделением концептуальной сферы НАГРАДА, возникает задача определить нарративные стратегии репрезентации пространственно-временных векторов коммеморации исторических событий, которые интерпретируются как социально-одобряемые и подлежат награждению, с точки зрения акторов коммуникации, органов государственной и муниципальной власти.

В результате контент-анализа были выявлены приёмы и языковые средства актуализации оценочной нарративной стратегии. Например, в приведённой ниже истории оценочная нарративная стратегия реализуется с помощью фрагментации истории и связывании событий в последовательность посредством особой структуры – системы эпизодов, выстраивающих повествование. Положительная оценка поведения участников войны вербализуется посредством таких лексем как *доблесть*, *награждена*, *награда*, *почетный* и названием награды *Орден Суворова*. Отрицательная оценка стороны-агрессора выражена посредством номинации *немецко-фашистские захватчики*. Весь период характеризуется как *суровый*, что концептуально связано с представлением о войне как

о тяжелом испытании для народа. Сюжетно-композиционно нарративная структура отображает связь между героическим поведением в сложный период военных действий и обилием наград (множественное использование слов, принадлежащих к данному концептуальному полю), которыми власти, включённые в повествование благодаря использованию прилагательного *правительственный*, награждают участников событий.

Здесь в суровые дни Великой Отечественной войны (июль 1941 г.) была сформирована дивизия народного ополчения Ленинского района г. Москвы, которая за воинскую доблесть, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками, была награждена правительственными наградами и получила почетное наименование Севско-Варшавская стрелковая краснознаменная Ордена Суворова дивизия.

Приведем еще один пример, где коммеморируемое событие относится к концептуально-значимому полю ВОЙНА, а оценочная нарративная стратегия реализуется на вербальном уровне:

В октябре 1917 года Красная гвардия Хамовнического района вместе с солдатами 193 пехотного запасного полка вели ожесточенные бои за захват и ликвидацию помещавшегося здесь белогвардейского штаба М.В.О

На языковом уровне оценочность проявляется в использовании коллокации *ожесточенные бои*, которая имплицитно характеризует участников боев как стойких и мужественных защитников, что подчеркивается употреблением слова *захват*, которое представляет военные действия субъекта как сложные, стремительные и успешные. Использование слова *ликвидация*, если проследить наиболее частотные коллокации в Национальном корпусе русского языка, – *ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций*, *ликвидация эпидемии кори*, *ликвидация кулачества*, *ликвидация троцкистских и иных двурушников*, – связаны с ликвидацией каких либо-негативных явлений, в силу этого при использовании словосочетания *ликвидация белогвардейского штаба М.В.О.*, зависимое слово получает негативную окраску. Расширенная атрибуция участников события *Красная гвардия Хамовнического района вместе с солдатами 193 пехотного запасного полка* противопоставлено краткой атрибуции противников белогвардейского штаба М.В.О, как одно из реализаций антиномии Свой – Чужие. Таким образом на композиционно-содержательном уровне нарративная стратегия реализуется в противопоставлении своих и чужих, где свои предстают в положительном образе, их атрибуты прописаны подробно, действия представлены как героические, а чужие представлены кратко, обобщенно, как пассивный объект действия, что характерно для исторического нарратива гражданской войны с его тенденцией на обезличивание противника.

Концептуальные сферы ВОЙНА и СТРАНА тесно связаны между собой в текстах мемориальных досок, посвященных пространственно-временной связи городского пространства с историческими событиями, но не всегда текст представляет собой характеристику сражающихся сторон. Некоторая часть текстов мемориальных досок посвящена не боевым действиям, а труду мирного населения, его вкладу в победу над врагом. Нарративная стратегия подчёркивания значимости труда народа для победы представлена словосочетанием *ковалось грозное оружие*, чей прагматический эффект усилен использованием лексемы *враг*, что также можно считать языковой репрезентацией антиномии Свой – Чужой. Номинация вида оружия реактивные минометы сочетается с характеристикой *прославленные*, что придает положительную коннотативную окраску качеству исполнения работы. Здесь в суровые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. рабочими завода «Компрессор» ковалось грозное для врага оружие – реактивные минометы, прославленные «Катюши».

Проведённый корпусный анализ позволяет сделать вывод о том, что тексты мемориальных досок эксплицируют на языковом уровне основные задачи коммеморации

как социального явления, а именно трансляцию исторического нарратива, который репрезентирует ценности, установки и экспектации властных структур в рамках институциональной опосредованной коммуникации с коллективным адресатом. В текстах мемориальных досок акцентируется героическая роль граждан как эталона поведения для всего общества в условиях опасности и военной угрозы для государства, вклад населения может быть выражен в результатах его труда или в участии в боевых действиях. Подчеркивается важность единства народа и государства. Поступки идеологически ориентированы и представляются либо героическими и значимыми, либо репрезентируются как отрицательные, с явно выраженной негативной коннотацией.

3. Заключение [Conclusion]

В настоящей работе проведён анализ коммеморативных текстов мемориальных досок, дающий представление об особенностях пространственно-временной объективации коммеморации в городском дискурсивном пространстве. В фокусе исследования находились стратегии и средства языковой экспликации городских коммеморативных практик, контент-анализ которых позволил выявить наиболее значимые исторические события и локации городского пространства.

В ходе исследования была осуществлена попытка выделить оценочные нарративные стратегии, лежащие в основе конструирования коммеморации в городском пространстве. Нарративные коммуникативные стратегии ключевых выделенных концептуальных сфер ВОЙНА-НАРОД-НАГРАДА на языковом уровне представлены в реализации антиномии Свои – Чужие, положительном позиционировании защитников действующего властного режима, важности и высокого качества труда работников государственных городских учреждений, акцентуации внимания адресата на вознаграждение за действия по защите действующей власти. Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что нарративные стратегии коммеморации в городском пространстве направляют фокус аудитории на культурно-исторические события, связанные с архитектурой городского пространства, и вызывают у нее чувство гордости, причастности и формируют социально-одобряемые паттерны поведения.

Библиографический список

- Беседина, Буркова, 2019 – Беседина Е. А., Буркова Т. В. «От доски до доски»: конструирование мифа и поиск идентичности в знаках коммеморации (на примере мемориальных досок) // ЛиТ. Исторический альманах. 2019. Вып. 12. С. 178–186.
- Беседина и др., 2019 – Беседина Е. А., Буркова Т. В., Мичурин А. Н. Модели интерпретации событий в текстах российских мемориальных досок XX – начала XXI в. (междисциплинарный анализ) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. Вып. 2. С. 77–85. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-2-77-85>
- Дискурс как универсальная матрица..., 2018 – Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О. А. Сулейманова. М. : Ленанд, 2018. 320 с.
- Зоц, Сулейманова, 2019 – Зоц И.В., Сулейманова О. А. Проблемные «зоны» современной урбанистики в глобальном пространстве: транслитерация урбанонимов // Вопросы ономастики. 2019. Вып. 16 (4). С. 135–150. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.049
- Исаева, 2020 – Исаева Е. В. Мемориальные объекты города Квебека: лингвокультурное измерение // Россия и Америка в XXI веке. 2020. Вып. 1. URL : <https://rusus.jes.su/s207054760008988-3-1/> (дата обращения : 15.10.2022).
- Малинова, 2017 – Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // ПОЛИТИЯ. 2017. Вып. 4 (87). С. 6–22.

- Попова, Егорова, 2015 – Попова Л. В., Егорова О. В. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Вып. 9–1 (51). С. 143–145.
- Разливинская, Тивьяева, 2021 – Разливинская Н. А., Тивьяева И. В. Коммеморативные практики в дискурсивном пространстве города: историко-политический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 104–113.
- Ребрина, Чубай, 2019 – Ребрина Л. Н., Чубай С. А. Дискурсивное конструирование локального патриотизма прошлого в региональных СМИ: коммеморация // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. Вып. 4, № 82–2. С. 47–51. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.82.4.037>
- Романовская, Фоменко, 2015 – Романовская Е. В., Фоменко Н. Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. Вып. 7. С. 81–84.
- Сулейманова и др., 2016 – Сулейманова О. А., Карданова-Бирюкова К. С., Фомина М. А. Лингво-географическое моделирование образа города: опыт формирования иноязычного сопровождения // Эффективность массовых коммуникаций: социальный и языковой аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Л. А. Итиуридзе. М.: Изд-во РГСУ 2016. С. 207–217.
- Тивьяева, 2013 – Тивьяева И. В. Категория памяти как объект исследования в лингвистике // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактические аспекты профессиональной подготовки переводчиков: материалы II науч.-практ. Интернет-конф. с междунар. участием / отв. ред. В. И. Иванова. Тула: Тульский гос. ун-т, 2013. С. 125–134.
- Тивьяева, 2018 – Тивьяева И. В. Когнитивно-коммуникативная концепция мнемической деятельности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19; Московский гор. пед. ун-т. М., 2018. 39 с.
- Тюпа, 2018 – Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий // Филологический класс. 2018. Вып. 2 (52). С. 19–24.
- Хутыз, 2012 – Хутыз И. П. Дискурс. Реальность. Идентичность: взаимодействие понятий и сущностей. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2012. 175 с.
- Azaryahu, 2015 – Azaryahu M. The Critical Turn and Beyond: The Case of Commemorative Street Naming // ACME: An International Journal for Critical Geographies. 2015. Vol. 10, Iss. 1. P. 28–33. URL: <https://acme-journal.org/index.php/acme/article/view/883> (дата обращения: 15.10.2022).
- Buchstaller, Fabiszak, 2021 – Buchstaller I., Fabiszak M. Editorial: ideology and commemoration in the urban space // Linguistics Vanguard. 2021. Vol. 5, Iss. 7. <https://doi.org/10.1515/lingvan-2021-0010>
- Butler, 2008 – Butler T. Memoryscape: integrating oral history, memory and landscape on the river Thames // People and their Pasts: Public History Today / Ed. by P. Ashton, H. Kean. Palgrave Macmillan, 2008. P. 223–239.
- Cutcher, 2016 – Cutcher L., Dale K., Hancock P., Tyler M. Spaces and places of remembering and commemoration // Organization. 2016. Vol. 23, Iss. 1. P. 3–9. <https://doi.org/10.1177/1350508415605111>
- Kaplan, Schwartz, 2022 – Kaplan N., Schwartz B. Raoul Wallenberg in Israel recovered memory and mediocre commemoration // Holocaust Studies. <https://doi.org/10.1080/17504902.2022.2028433>
- Labov, 1972 – Labov W. Sociolinguistic patterns // Conduct and communication 4. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.
- Mayr, 2008 – Mayr A. Language and Power. An Introduction to Institutional Discourse. London: Continuum. 2008. 204 p.
- Reisigl, 2018 – Reisigl M. The semiotics of political commemoration // Handbook of Language and Politics / R. Wodak, B. Forchtner (Eds.). London, New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2018. P. 368–383.
- Scollion, Scollion, 2003 – Scollion R., Scollion S. W. Discourses in Place. Language in the material world. London, New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. 242 p.

References

- Besedina, E. A., & Burkova, T. V. (2019). «Ot doski do doski»: konstruirovaniye mifa i poisk identichnosti v znakakh kommemoratsii (na primere memorial'nykh dosok) ["From cover to cover": the construction

- of myth and the search for identity in the signs of commemoration (using the example of memorial plaques)]. *LiT. Istoricheskiy al'manakh* [Lit. Historical almanac], 12, 178–186 (In Russ.).
- Besedina, E. A. Burkova, T. V., & Michurin, A. N. (2020). Modeli interpretatsii sobytiy v tekstakh rossiyskikh memorial'nykh dosok XX–nachala XXI v. (mezhdistsiplinarnyy analiz) [Models of events interpretation in the Russian memorial plaques texts of the XX – beginning of the XXI century (Interdisciplinary analysis)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, 77–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-2-77-85>
- Suleymanova, O. A. (Ed.). (2018). *Diskurs kak universal'naya matrica verbal'nogo vzaimodeystviya* [Discourse as a universal matrix of verbal interaction]. Moscow : Lenand Press.
- Zots, I. V., & Suleimanova, O. A. (2019). Problemnye «zony» sovremennoy urbanistiki v global'nom prostranstve: transliteratsiya urbanonimov [Problem areas of modern urban planning in global space: Romanization of Russian urbanonyms]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 16 (4), 135–150. (In Russ.). https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.049
- Isaeva, E. V. (2022). Memorial'nye ob"ekty goroda Kvebeka: lingvokul'turnoe izmerenie [Quebec city memorial sites: a linguistic and cultural dimension]. *Rossiya i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the XXI century]. Retrieved October 15, 2022 from <<https://rusus.jes.su/s207054760008988-3-1/>>. (In Russ.).
- Malinova, O. Y. (2017). Kommemoratsiya istoricheskikh sobytiy kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Comparative Analysis]. *POLITIA*, 4 (87), 6–22. (In Russ.).
- Popova, L. G., & Egorova, V. O. (2015). O sushchnosti i vozmozhnostyakh ustanovleniya kul'turnoj pamyati slov (sopostavitel'nyj aspekt) [On the essence of cultural memory of the words and possibilities to identify it (comparative aspect)] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 9-1 (51), 143–145. (In Russ.).
- Razlivinskaya, N. A., & Tiv'yaeva I. V. (2021). Kommemorativnye praktiki v diskursivnom prostranstve goroda: istoriko-politicheskiy aspekt [Commemorative Practices in Urban Discourse Space: Historical-Political Projection]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current issues in philology and pedagogical linguistics], 4, 104–113. (In Russ.).
- Rebrina, L. N., & Chubai, S. A. (2019). Diskursivnoe konstruirovaniye lokal'nogo patriotizma proshlogo v regional'nykh SMI: kommemoratsiya [Discursive construction of local patriotism of the past in the regional media: commemoration]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 4 (82), 2, 47–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.82.4.037>
- Romanovskaya, E. V., & Fomenko N. L. (2015). Identichnost' i kommemoratsiya [Identity and commemoration]. *Vlast'* [The Authority], 23 (7), 81–84. (In Russ.).
- Suleymanova, O. A., Kardanova-Biryukova, K. S., & Fomina M. A. (2016). Lingvogeograficheskoe modelirovaniye obraza goroda: opyt formirovaniya inoyazychnogo soprovozhdeniya [Linguistic and geographic modeling of the image of the city: The experience of forming foreign language support]. In L. A. Itiuridze (Ed.), *Effektivnost' massovykh kommunikatsiy: sotsial'nyy i yazykovoy aspekty* [Efficiency of mass communications: social and linguistic aspects] : Proc. of the Russian scientific-practical conference with international participation] (pp. 207–217). Moscow : Russian State Social University Press. (In Russ.).
- Tiv'yaeva, I. V. (2013). Kategoriya pamyati kak ob"ekt issledovaniya v lingvistike [Category of memory as an object of research in linguistics]. In V. I. Ivanova (Ed.), *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidakticheskie aspekty professional'noy podgotovki perevodchikov* [Current issues of linguistics and linguodidactic aspects of professional training of interpreters]: Proc. of the II scientific and practical Internet conference with international participation] (pp. 125–134). Tula : Tula State University Press. (In Russ.).
- Tiv'yaeva, I. V. (2018). Kognitivno-kommunikativnaya kontseptsiya mnemicheskoy deyatelnosti [Cognitive-communicative concept of mnemonic activity]. Author's abstract of Doctor in Philological sci. diss. Moscow : Moscow City University. (In Russ.).
- Tiupa, V. I. (2018). Zhanrovaya priroda narrativnykh strategiy [Genre nature of narrative strategies]. *Filologicheskiiy klass* [Philological Class], 2 (52), 19–24. (In Russ.).

- Khutyz, I. P. (2012) *Diskurs. Real'nost'. Identichnost': vzaimodeystvie ponyatij i sushchnostey* [Discourse. Reality. Identity: Interaction of concepts and entities]. Krasnodar: Kuban State University Press. (In Russ.).
- Azaryahu, M (2015). The Critical Turn and Beyond: The Case of Commemorative Street Naming. *ACME: An International Journal for Critical Geographies*, 10 (1), 28–33. Retrived October 15, 2022 from <<https://acme-journal.org/index.php/acme/article/view/883>>.
- Buchstaller, I., & Fabiszak, M. (2021). Editorial: ideology and commemoration in the urban space. *Linguistics Vanguard*, 5 (7). <https://doi.org/10.1515/lingvan-2021-0010>
- Butler T. (2008). Memoryscape: integrating oral history, memory and landscape on the river Thames. In P. Ashton, & H. Kean (Eds), *People and their pasts: Public history today* (pp. 223–239). Palgrave Macmillan.
- Cutcher, L., Dale, K., Hancock, P., & Tyler, M. (2016). Spaces and places of remembering and commemoration. *Organization*, 23 (1), 3–9. <https://doi.org/10.1177/1350508415605111>
- Kaplan, N., & Schwartz, B. (2022). Raoul Wallenberg in Israel recovered memory and mediocre commemoration. *Holocaust Studies*. <https://doi.org/10.1080/17504902.2022.2028433>
- Labov, W. (1972). *Sociolinguistic patterns Conduct and communication 4*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Mayr, A. (2008). *Language and Power. An Introduction to Institutional Discourse*. London: Continuum Press.
- Reisigl, M. (2018). The semiotics of political commemoration. In R. Wodak, & B. Forchtner (Eds), *Handbook of Language and Politics* (pp. 368–383). London, New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library.
- Scollion, R., & Scollion, S. W. (2003). *Discourses in Place. Language in the material world*. London, New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 11.09.2023.

The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 11.09.2023.

УДК 81'23, 81'367, 811.512.212

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_115

Рудницкая Елена Леонидовна
Институт востоковедения РАН
г. Москва, Российская Федерация
erudnitskaya@gmail.com

Вопросительные местоимения как глагольные основы в эвенкийском языке

Аннотация

В статье обсуждаются проблемы, связанные с частеречной омонимией на материале вопросительных местоимений и глаголов, в эвенкийском языке. Обнаружены вопросы, состоящие из вопросительного глагола $\bar{\alpha}$ - 'что делать', описывается их употребление. Такой вопрос классифицируется как риторический или не-навязчивый (ответ в данной речевой ситуации не важен). Кроме того, рассматриваются традиционные и формальные подходы к проблеме частеречной омонимии, подробно обсуждается механизм инкорпорации. Инкорпорация, так же как конверсия и словообразование, концептуально менее адекватна, чем теория неопределённых по части речи основ (А. Маранц). Это связано с тем, что инкорпорация предполагает, что основа существительного является исходной, или первичной, а основа глагола вторична. В то же время инкорпорацией можно объяснить определённые факты словообразования и употребления глагола $\bar{\alpha}$. Перечисляются и другие недостатки теории инкорпорации в приложении к рассматриваемому материалу.

Ключевые слова: основа, омонимия, часть речи, риторический, вопросительный, эвенкийский язык

© Рудницкая Е. Л. 2023

Для цитирования: Рудницкая Е. Л. Вопросительные местоимения как глагольные основы в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 115–113. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_115

Elena L. Rudnitskaya
Institute of Oriental Studies
Moscow, Russian Federation
erudnitskaya@gmail.com

Interrogative pronouns as verb bases in Evenki

Abstract

The paper considers the problems related to the part-of-speech homonymy based on the data of interrogative pronouns and verbs. Questions consisting of the interrogative verb $\bar{\alpha}$ - 'to do what' are identified; their use is described. Such a question is classified as rhetorical or non-intrusive question (when the answer is irrelevant in the current situation). Also, traditional and formal approaches to the problem of part-of-speech homonymy are viewed; the incorporation mechanism is considered in detail. The results indicate that incorporation along with conversion and word-formation are conceptually less adequate than A. Marantz's theory of roots¹ that are categorically undifferentiated. This is because incorporation assumes that the noun base is primary, whereas the verb base is secondary. At the same time, certain facts of word-formation and use of the verb $\bar{\alpha}$ - can be accounted for by incorporation. Other shortcomings of the incorporation theory applied to the current data are discussed.

Keywords: base, homonymy, part of speech, rhetorical, question, Evenki

© Rudnitskaya E. L. 2023

¹ По нашему мнению термин *base* является более точным.

For citation: Rudnitskaya, E. L. (2023). Voprositel'nye mestoimeniya kak glagol'nye osnovy v evenkiyskom yazyke [Interrogative pronouns as verb bases in Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 115–123. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_115

1. Введение [Introduction]

В статье рассматривается проблема неопределённых по части речи основ и, конкретнее, данные, которые привносятся при привлечении анализа вопросительных слов. Использовались два источника данных: корпус устных рассказов на эвенкийском языке (7552 предложения)² представителей разных говоров эвенкийского языка и анкетирование (опросы) носителей усть-нюкжинского (одного из восточных) говора. Опросы проводились в 2023 году. В них приняли участие 4 носителя языка: 3 женщины (70, 63 и 55 лет) и 1 мужчина (39 лет), из них 2 оленевода и 2 работника сферы образования), хорошо владеющих эвенкийским и русским языками. Из них оленеводы чаще, чем остальные, говорят по-эвенкийски, в том числе в быту и в тайге. Женщины старшего возраста говорят друг с другом также по-эвенкийски.

Для анализа были взяты вопросительные местоимения, поскольку в эвенкийском языке они обладают минимальным лексическим значением, но характеризуются довольно широкой сферой употребления. От них образуются неопределённые и отрицательные местоимения, употребление которых будет также рассмотрено.

При опросах носителям давались русские слова, словосочетания и предложения, заданием было перевести на эвенкийский. Ответы разных носителей сопоставлялись друг с другом, и на основе этого сопоставления принимались решения о том, какие словосочетания и предложения возможны на эвенкийском языке, а какие нет.

Данная тема представляет интерес, поскольку в литературе по языкознанию мало работ, рассматривающих функционирование указанных местоимений с теоретической и формальной точек зрения.

2. Именные и глагольные основы [Noun and verb bases]

В эвенкийском языке есть много основ, для которых деление на именные и глагольные части речи несущественно [Василевич, 1940; Болдырев, 2007, с. 53–63]. Например, *dojoto-* может обозначать как действие ‘замёрзнуть’, так и объект ‘мерзлота’ (1а-б).

(1)

- а. *dunnə* *dojoto-čə*
земля замерзнуть-PTCP.ANT
‘Земля замерзла’ (Анкета)
- б. *dojoto-du* *bi-dʼə-rə-n*
мерзлота-DAT быть-IPFV-NFUT-3SG
‘Он живёт (букв. находится) в мерзлоте’ (Анкета)

Вопросительное местоимение в эвенкийском языке имеет основу *əkun-* (2а) или *ə-* (усечённую) (2б). Усечённая основа *ə-* выступает в глаголе *ə-* ‘что делать’ (2в).

(2)

- а. *əkun-ə* *sun-dū* *gun-dʼə-m* *minə* *til-dō-hun*
что-PART 2PL-DAT говорить-NFUT-1SG 1SG.ACC понять-CVB.PURP-2PL
‘Что я вам расскажу, чтобы вы меня поняли?’ (Корпус)
- б. *ə-wa* *gun-dʼə-m*
что.TRUNC-ACC говорить-NFUT-1SG
‘Что скажу?’ (Корпус) {в начале рассказа}

² Сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие». Корпус устных рассказов на эвенкийском языке. Создан Е. Л. Клячко (2010-2023 гг.). URL : <http://minlang.srcc.msu.ru/>, <http://gisly.net/corpus/>

в. *ḡ-l-d'a-m* *bi*
 что.TRUNC-INCH-NFUT-1SG 1SG
 ‘Что я буду делать?’ {Закричала на него (медведя). Стала... палками бросаться...} (Корпус)

Наряду с (2в) с основой *ḡ-*, используется вопрос ‘Что делать?’ с глаголом *o-* ‘делать, мастерить’ и местоимением *ḡ* ‘что’ (3).

(3)
ḡ-wa *o-sā-s*
 что-ACC делать-PST-2SG
 ‘Что ты сделала?’ {Почему мой огонь погас, когда ты вошла?} (Корпус)

Вопросительное местоимение в эвенкийском языке может функционировать и как глагольный плейсхолдер³ без изменения основы [Klyachko, 2022]⁴ (4), и как глагол *ḡ-d'a-Ø-m=mal* со значением ‘делать что-то’ (5а) (с частицей неопределённости =wal/=mal, которая в первую очередь присоединяется к вопросительному местоимению *ḡ-*, образуя неопределённую форму *ḡ-wa=wəl* в (5б)).

(4)
i ḡ-ra-w *mī-ra-w* *mari-nd'a-dū.*
 и что-NFUT-1PL(EXCL) заблудиться-NFUT-1PL(EXCL) марь-INTS-DAT
 ‘И мы это, заблудились на большой мари’

(5)
 а. *bī* *ḡ-d'a-Ø-m=mal* *ḡ-d'a-Ø-m=mal*
 я что.TRUNC-IPFV-NFUT-1SG=INDEF
 ‘Я делаю что-то, делаю’ (Корпус)

б. *mōm* *ičə-t-čə-m=dḡ* *ḡ-wa=wəl*
 RFL-PS.1SG смотреть-DUR-FUTCNT что.TRUNC-ACC=INDEF
o-d'a-m
 делать-FUTCNT-1SG
 ‘Я сам посмотрю и что-нибудь сделаю’ (Корпус)

В работах [Klyachko, 2022] и [Podlesskaya, 2010, p. 14] не комментируется причина омонимии основы глагольного и именного плейсхолдера в эвенкийском и нганасанском. Создаётся впечатление, что у плейсхолдеров в этих языках есть свои, особые морфологические признаки, такие как неразличение именной и глагольной основ.

Мы видим, что употребление глагольной основы со значением ‘что делать’ не ограничено ни плейсхолдерами, ни даже вопросами. Это говорит о том, что в эвенкийском языке наличие таких основ – это базовый морфосинтаксический признак, а не свойство исключительно плейсхолдеров. В нганасанском языке, вероятно, действует та же закономерность [Терещенко, 1979, с. 248].

2.1. Вопрос с глаголом ‘что делать’ [A question with the verb ‘to do what’]

Чем отличаются вопросы с *o-* ‘делать’ и с *ḡ-* ‘что делать?’? Первые бывают и информациональные (заданные с целью получения информации, (3)), и риторические (6), а вторые – только риторические (2в), (7).

(6)
ḡkūn *ḡ-də-n* *nuḡən-dū-n*
 что делать-NFUT-3SG 3SG-DAT-PS.3SG
 ‘Что случилось с ним?’ {в рассказе об умершем знакомом} (Корпус)

³ Под плейсхолдером имеется в виду маркер хезитации, который употребляется вместо забытого слова и может копировать его морфосинтаксические признаки (хотя это не обязательно) [Podlesskaya, 2010, p. 11].

⁴ Так же как и в нганасанском языке [Podlesskaya, 2010, p. 14] и ряде уральских языков (С. Ю. Толдова, личное замечание).

(7)

lila ə-d'a-Ø-ndə

Лиля что-IPFV-NFUT-2SG

‘Лиля, что ты делаешь?’ {реплика учительницы; ученица Лиля пишет левой, а не правой рукой} (Корпус)

Конструкция (2в)/(7) с *ə-* ‘что делать?’ используется, когда вопрос риторический, то есть задаётся не для получения информации, по крайней мере по части характеристик. Риторический вопрос употребляется, когда говорящий хочет не узнать ответ, а задать вопрос, сделать утверждение, и в контексте данного речевого акта ответ на этот вопрос известен. Так, сказав *Что ты делаешь?*, говорящий при риторическом вопросе выражает своё негативное отношение к действиям слушающего, зная, что тот делает. Несомненно, (7) – это риторический вопрос (возможно, калька с русского). В (2в), по работе [Abioye, 2009]⁵, вопрос является риторическим, потому что говорящий сам на него отвечает. Этот вопрос в данном контексте сообщает скорее о замешательстве при виде медведя, а не является просьбой сообщить, что делать при виде медведя. В работе [Yar et al., 2023] обсуждается понятие «(дез)аффилиации» ((dis)affiliation): принятие говорящим точки зрения слушающего или противоположной точки зрения, возникающее в неинформационном вопросе. В примере (7) говорящий выражает несогласие со слушающим, и здесь можно говорить о дизаффилиации.

Обычный вопрос, показанный в (3), подразумевает, что ответ на вопрос ‘Что делать?’ не известен тому, кто задал вопрос: женщина, которая задаёт вопрос, не знает, что вторая (вошедшая) женщина могла сделать для того, чтобы огонь погас. То есть вопрос задаётся с целью получения информации.

В работах [Faller, 2022 ; Amon, 2023] обсуждается (в румынском и эстонском языках) ненавязчивый вопрос (non-intrusive question), ответ на который даётся или неизвестен говорящему, но при этом говорящий не считает, что ответ может быть исчерпывающим или прояснить ситуацию⁶. Ср. пример с глаголом *ə-* ‘что делать’, который сконструировали носители языка в (8).

(8)

ə-d'ə-Ø-nni

что.TRUNC-IPFV-NFUT-2SG

‘Что ты делаешь?’ (Анкета)

Вопрос в (8) уместен, если одна женщина говорит с другой, причём они находятся в разных палатках⁷ (то есть ей не известен ответ на вопрос), и та, которая спрашивает, хочет о чём-то попросить вторую. Таким образом, её интересует не ответ на вопрос (хотя содержательный ответ тут возможен), она спрашивает просто из вежливости. Тут понятие ненавязчивого вопроса подходит больше, чем риторического. Также подобный вопрос может быть задан, если повар пришёл на работу, или кто-то пришёл к знакомым помогать им в уборке (ответ на вопрос в обоих случаях примерно известен). Вопросы, заданные из вежливости, можно также назвать содержащими аффилиацию по [Yar et al., 2023] – то есть, задаваемые для того, чтобы точки зрения слушающего и говорящего сблизилась.

Таким образом, вопрос с *ə-* ‘что делать?’ кодирует необычную предпосылку вопроса: вопрос должен быть риторическим или ненавязчивым, или (дез)аффилирующим.

⁵ См. также статью о риторическом вопросе (<https://www.bachelorprint.com/academic-writing/rhetorical-questions/#~:text=Rhetorical%20questions%20come%20in%20three,or%20attack%20the%20question's%20target>), в которой подобные вопросы относятся к риторическим гипотетическим (т. е. таким, на которые говорящий сам отвечает в контексте).

⁶ В румынском языке ненавязчивый вопрос маркируется частицей *oare*, а в эстонском – парентетическим употреблением прилагательного *huvitav* ‘интересный’.

⁷ Сейчас палатки используются оленеводами при жизни в тайге вместо чумов.

2.2. Способы описания основ, которые не определены по части речи [The ways to describe categorically undifferentiated bases]

Традиционная трактовка совпадения основы имени и глагола – рассмотрение их как частеречных омонимов ‘что-что делать’ [Суник, 1966]⁸. Есть другие варианты анализа: через конверсию, через прибавление нулевого словообразовательного аффикса. Эти два варианта, в сравнении с омонимией, формально удовлетворительны, однако оба они предполагают, что одна из основ (глагольная или именная) исходная, а другая – производная.

Имеются также варианты формального анализа основ, не определённых по части речи. Один из них – теоретический подход распределённой морфологии (*distributed morphology*) в работе [Marantz, 1997], при котором не определённые по части речи основы изначально не относятся ни к одной части речи, приобретая такую характеристику в процессе деривации. На наш взгляд, данный подход концептуально правильно описывает ситуацию с основами.

Мы подробно рассматриваем анализ с помощью инкорпорации, также основанный на моделях современной теоретической морфологии и синтаксиса. Выглядит он следующим образом: морфологическая структура основы \bar{a} - из глагола \bar{a} -*l-d'a-m* в (2в) параллельна отыменным глаголам, образованным от существительного-объекта: *mō* ‘дерево’ → *mō*- + *-lā*- ‘рубить дрова’. Такой анализ – с инкорпорацией аналогичных эвенских глагольных основ в показатель вербализации типа *-lā*- (исторически восстанавливаемый глагольный корень) – предлагают А. Виньяр и Т. Казакова [Vinyar, Kazakova, 2022]. Если распространить этот анализ на рассматриваемые в данной статье частеречные омонимы, типа (2б) vs. (2в), то мы получим не два частеречных омонима, а именную основу, которая инкорпорируется в нулевую глагольную основу (и результирующая основа имеет глагольные свойства). Например, в (2в) глагольная основа \bar{a}_{V-} получается через инкорпорацию именной основы \bar{a}_{N-} в нулевую глагольную основу: $\bar{a}_{V-} = \bar{a}_{N-} + \emptyset_{V-}$. Таким образом, анализ становится более экономным: можно отказаться от громоздкой омонимии основ, которая может быть адекватно представлена только в словаре. Однако, во-первых, у анализа с инкорпорацией есть исходная и производная основа: именная – исходная, а глагольная – производная⁹. Во-вторых, такой анализ может привести к появлению открытого множества нулевых основ глагола с разными значениями¹⁰, которые к тому же не используются нигде, кроме случая образования глаголов от омонимичных именных корней.

Пример (9) показывает, что инкорпорация при образовании глаголов от существительных, описанная выше, не является инкорпорацией в строгом смысле [Mithun, 2000, p. 922–923], поскольку у результирующего глагола допускается прямой объект¹¹. В корпусе встретился один пример, в котором у глагола с основой \bar{e}_{V-} в значении ‘что делать’ (\bar{e} -*d'a-raki-f* в (10а)) имеется прямое дополнение *a-ja-wəl*.

Однако носители языка не подтвердили возможность данной конструкции: из (10б) видно, что в вопросе типа (8) прямой объект невозможен, а в (10в) конструкция, аналогичная (10а), невозможна. Возникает вопрос, можно ли считать инкорпорацией образование отыменных глаголов в эвенкийском языке и есть ли у не определённой по части речи основы в глагольном употреблении аргумент-объект (см. сноску 11).

⁸ В работе [Василевич, 1940] предлагается ввести группу недифференцированных имён, которые могут также быть той или иной частью речи, в зависимости от значения и морфологического оформления.

⁹ На первый взгляд у омонима-существительного значение кажется проще, чем у глагола: ср. ‘дождь’ – ‘идти (о дожде)’ в (1а-б) или ‘что’ и ‘что делать’ в (2б-в). Однако в других случаях (напр., *bajan*- ‘богач, богатство’ и ‘разбогатеть’) нельзя говорить о подобной закономерности.

¹⁰ Напр., смысловая «добавка» в глагольной основе *imanna*- ‘идти (о дожде)’ по сравнению с ‘дождь’ не идентична «добавке» в глаголе *bajan*- ‘разбогатеть’ по ср. с ‘богач, богатство’ или «добавке» в *ηəla*- ‘бояться’ по ср. со ‘страх’.

¹¹ В соответствии с [Vinyar, Kazakova, 2022], мы в эвенском (и эвенкийском) языке имеем дело с особым, непрото-типическим видом инкорпорации, который также встречается в ряде языков, в которых у результирующего глагола возможно существительное-дополнение (согласно [Mithun, 2000, p. 919], данный тип инкорпорации встречается в восточно-кушитских языках).

(9)

aru-l-wa *mō-l-wa* *mō-lā-ra-n*
 зло-PL-ACC дерево-PL-ACC дерево-VBLZ.OBJ-NFUT-3SG

‘(Он) заготовил плохие дрова’ (Анкета)

(10)

а. *ə-ja-wəl* *ā-d'a-raki-f*
 что.TRUNC-PART-INDEF что.TRUNC-IPFV-CVB.COND-1SG

aŋ-d'a-rī-jə-w

это-IPFV-PTCP.SIM-PART-1SG

‘Если я что-то буду делать,’ {если увидите, что я что-то делаю, не подходите} (Корпус)

б. (**ə-wa*) *ə-d'a-ø-nni*
 что.TRUNC-ACC что.TRUNC-IPFV-NFUT-2SG

‘Что ты делаешь?’ (Анкета) – ср. (8)

в. (**əkun-ma-wal*) *ā-d'a-ø-m-mal*
 что.TRUNC-ACC-INFEF что.TRUNC-IPFV-NFUT-1SG=INDEF

‘Я что-то делаю’ – ср. (5а) и (10а)

Кроме отыменных глаголов, в эвенкийском языке нет процессов, которые можно анализировать как инкорпорацию. Это внутриязыковые данные, которые можно использовать как аргумент против описания с применением операции инкорпорации. С. Ю. Толдова (личное сообщение) предложила ещё один аргумент против инкорпорации: при инкорпорации глагольная основа, в которую инкорпорируется именная вершина, должна быть одна и та же во всех случаях инкорпорации, а в эвенкийском языке в разных глаголах эта основа разная: *mō* ‘дрова’ > *mō-lā-* ‘заготовить дрова’; *čaj* ‘чай’ > *čaj-dā-* ‘заварить чай’; *ollo* ‘рыба’ > *ollo-mō-* ‘удить рыбу’; *ulu* ‘белка’ > *ulu-mī-* ‘охотиться на белку’ (в традиционной грамматике эти основы описываются как словообразовательные аффиксы)¹². Таким образом, инкорпорация как формальный анализ неприменима к эвенкийским отыменным глаголам. Насчёт основы *ā-* нельзя сделать такого однозначного вывода из-за примеров (10б-в), в которых прямой объект невозможен.

Случай, который заслуживает отдельного внимания, – это образование неопределённого глагола ‘делать что-то’ *ə-d'a-ø-m=mal* в (5а)¹³. Частица *=wAl/=mAl* INDEF, в соответствии с работой [Константинова, 1964, с. 254–255], маркирует неопределённость при местоимениях (в (10)) и наречиях, а при глаголах *=wAl/=mAl* маркирует раздельность ‘или / либо’.

Мы видим, что в (5а) *=wAl/=mAl* при *ā-* маркирует неопределённость, но стоит при глаголе, а не при местоимении или наречии; значит, *=mAl* при *ā-* – это исключение.

Анализ с инкорпорацией объясняет (5а): в результате инкорпорации у результирующей глагольной основы появляется признак Q (этот признак уже есть у местоимения *ā-*), благодаря которому возможно присоединение *=mAl*. Важно заметить, что с помощью теории распределённой морфологии случаи типа (5а), а также типа (10б-в) могут быть последовательно описаны, как и при анализе с помощью инкорпорации¹⁴.

Ещё одно предикативное слово *āčə-* NEG.ADJ тоже может присоединять *=wAl/=mAl*, ср. (11).

¹² В работе [Mithun, 2000, p. 922] приводятся похожие факты из аляскинского юпикского (эскимосско-алеутская семья).

¹³ По свидетельствам носителей языка, можно сказать *ə-d'a-ø-m=mal* в разговоре для признания того, что говорящий сказал что-то не то (‘я что-то делаю, сам этого не понимаю’).

¹⁴ При использовании теории распределённой морфологии [Marantz, 1997] данный факт также получает объяснение: у неопределённой по части речи основы, которая поступает на вход механизма морфосинтаксической деривации, уже есть признак Q (вопросительный). Этот признак фиксируется в словаре, он не зависит от части речи и присутствует и в существительном, и в глаголе.

(11)

āčā-m(-māl)

NEG.ADJ-PS.1SG

əkun-a=da

что-PART=FOC

‘Ничего не делаю’ {в ответ на вопрос «Что ты делаешь?»} (Анкета)

Отрицательное слово *āčā-* ‘не есть’ стандартно употребляется как отрицательное прилагательное с посессивным показателем и со вспомогательным глаголом¹⁵, например, в (12).

(12)

bi

1SG

torgon

жадный

āčā-w

NEG.ADJ-PS.1SG

bi-si

быть-PTCP.NEG

‘Я не жадный’ [Болдырев, 2000: 415]

В (5а) и (11) *=wAl/=mAl* присоединяется к глаголу, так что признак Q содержится в основе *ā-* ‘что делать’ или *āčā-* ‘не есть’. У этой основы, которая уже содержит инкорпорированное местоимение с признаком Q, невозможно прямое дополнение в (10б-в).

3. Заключение

С учётом представленного выше материала можно сказать, что для не определённых по части речи основ анализ с (неканонической) инкорпорацией формально возможен, но является концептуально недостаточно обоснованным. Более гибким и концептуально обоснованным является анализ с использованием распределённой морфологии А. Маранц [Marantz, 1997] (см. [Рудницкая, 2023]).

Таким образом, зафиксирована целая парадигма глагола с основой *ā-* ‘что делать’. В неё входят не только вопросительные глаголы и плейсхолдеры, но и неопределённые глаголы ‘делать что-то // что-нибудь’. Глагольная основа со значением ‘что делать’ используется как маркированный вопрос (заданный не с целью получения информации, (дез)аффилирующий, риторический или ненавязчивый). Наиболее концептуально корректное описание этого явления строится с помощью частеречной омонимии. Из формальных описаний адекватно описывает материал теория распределённой морфологии, в то время как теория инкорпорации имеет серьёзные недостатки.

Список сокращений и условных обозначений

ACC – аккузатив, ADJ – адъективный, COND – (конверб) условия, CVB – конверб, DAT – дательный, EXCL – эксклюзивное (множественное число), FOC – (показатель) фокуса, HAB – хабитуальный (вид), IMPER – императив, INCH – инхоатив, INDEF – неопределённый, INTS – интенсификатор, IPFV – несовершенный (вид), NEG – отрицание, NFUT – будущее (время), NMLZ – номинализация, OBJ – объектная (номинализация), PART – партитив, PL – множественное (число), PS – посессивный (аффикс), PST – прошедшее (время), PTCP – причастие, PURP – (конверб) цели, Q – вопросительный, SG – единственное число, SIM – (причастие) одновременности, TRUNC – усеченная (основа), VBLZ – показатель вербализации

Библиографический список

- Болдырев, 2000 – Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 2. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 484 с.
 Болдырев, 2007 – Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / отв. ред. В. А. Роббек. Новосибирск: Наука, 2007. 503 с.
 Василевич, 1940 – Василевич Г. М. Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Голосиздат, 1940. 196 с.

¹⁵ Ср. экзистенциальное отрицание *ačin* с аналогичными, но не полностью идентичными морфосинтаксическими признаками [Рудницкая, 2021].

- Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М. : Наука, 1964. 274 с.
- Рудницкая, 2021 – Рудницкая Е. Л. Отрицательная экзистенциальная конструкция с *āč*in в эвенкийском языке: внутренняя синтаксическая структура // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3 (42). С. 60–75.
- Рудницкая, 2023 – Рудницкая Е. Л. Проблема не определенных по части речи основ в эвенкийском языке // Проблемы общей и востоковедной лингвистики / отв. ред. А. С. Зверев. М. : Изд-во ИВ РАН, 2023. С. 163–182.
- Суник, 1966 – Суник О. П. Общая теория частей речи. М., Л. : Наука, 1966. 132 с.
- Терещенко, 1979 – Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л. : Наука, 1979. 322 с.
- Abioye, 2009 – Abioye T. O. Typology of Rhetorical Questions as a Stylistic Device in Writing // The International Journal of Language Society and Culture. 2009. Vol. 29. URL : www.educ.utas.edu.au/users/tle/JOURNAL/
- Amon, 2023 – Amon M. Between rhetorical questions and information requests: A versatile interrogative clause in Estonian // Open Linguistics. 2023. Vol. 9. <https://doi.org/10.1515/opli-2022-0235>
- Farkas, 2022 – Farkas D. F. Non-intrusive questions as a special type of non-canonical questions // Journal of Semantics. 2022. Vol. 39 (2). P. 295–337. <https://doi.org/10.1093/jos/ffac001>
- Klyachko, 2022 – Klyachko E. Functions of placeholder words in Evenki // Tungusic languages: Past and present / A. Hözl, T. E. Payne (Eds). Berlin : Frei Universitaet, 2022. 199–225.
- Marantz, 1997 – Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon // Proc. of the 21st Annual Penn Linguistics Colloquium / ed. by A. Dimitriadis, L. Siegel, & al. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 1997. Vol. 4.2. P. 201–225.
- Mithun, 2000 – Mithun M. Incorporation // Morphology: International handbook on Inflection and Word-formation / G. Booij, Ch. Lehmann, J. Mugdan (Eds.). 2000. Vol. 1. Berlin, New York : Walter de Gruyter. P. 916–928.
- Podlesskaya, 2010 – Podlesskaya V. Parameters of typological variation of placeholders // Fillers, Pauses, and Placeholders / N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan (Eds.). Amsterdam : John Benjamins. P. 11–32.
- Vinyar, Kazakova, 2022 – Vinyar A., Kazakova T. Denominal suffixal verbs in Bystraja Even: Noun incorporation // Третья конф. по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам: тезисы докладов. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 114–117.
- Yap et al., 2023 – Yap F. H., Kashyap A. K., Tao H. Interrogatives and speaker stance: From information-seeking to interpersonal (dis)affiliation // Journal of pragmatics. 2023. Vol. 205. P. 111–121. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.12.012>

References

- Boldyrev, B. V. (2000). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Vol. 2. Novosibirsk : SO RAS Press. (In Russ.).
- Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Evenki morphology]. Ed. by V. A. Robbek. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Vasilevich, G. M. (1940). *Ocherki grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Essays on Evenki (Tungus) grammar]. Leningrad : Gosuchpedgiz Press. (In Russ.).
- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Podlesskaya, V. (2010). Parameters of typological variation of placeholders. In N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan (Eds.), *Fillers, Pauses, and Placeholders* (pp. 11–32). Amsterdam : John Benjamins.
- Rudnitskaya, E. L. (2021). Otritsatel'naya ekzistentsial'naya konstruktsiya s *āč*in v evenkiyskom yazyke: vnutrennyaya sintaksicheskaya struktura [Negative construction with *āč*in in Evenki: Internal structure]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 3 (42), 60–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.37892/2500-2902-2021-42-3-60-75>
- Rudnitskaya, E. L. (2023). Problema ne opredelennykh po chasti rechi osnov v evenkiyskom yazyke [The problem of bases undetermined for part of speech]. In A. S. Zverev (Ed.), *Problemy obshchey i*

- vostokovednoy lingvistiki* [Problems of general and oriental linguistics] (pp. 163–182). Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Sunik, O. P. (1966). *Obshchaya teoriya chastey rechi* [General theory of parts of speech]. Moscow, Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Tereshchenko, N. M. (1979). *Nganasanskiy yazyk* [Nganasan language]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Abioye, T. O. (2009). Typology of rhetorical questions as a stylistic device in writing. *The International Journal of Language Society and Culture*, 29. www.educ.utas.edu.au/users/tle/JOURNAL/
- Amon, M. (2023). Between rhetorical questions and information requests: A versatile interrogative clause in Estonian. *Open Linguistics*, 9. <https://doi.org/10.1515/opli-2022-0235>
- Farkas, D. F. (2022). Non-intrusive questions as a special type of non-canonical questions. *Journal of Semantics*, 39 (2), 295–337. <https://doi.org/10.1093/jos/ffac001>
- Klyachko, E. (2022). Functions of placeholder words in Evenki. In A. Hözl, T. E. Payne (Eds), *Tungusic languages: Past and present* (pp. 199–225). Berlin : Frei Universitaet.
- Marantz, A. (1997). No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. In A. Dimitriadis, L. Siegel, & al (Eds.), *Proc. of the 21st Annual Penn Linguistics Colloquium* (pp. 201–225). (University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics; Vol. 4.2).
- Mithun, M. (2000). Incorporation. In G. Booi, Ch. Lehmann, J. Mugdan (Eds.), *Morphology: International handbook on Inflection and Word-formation*. (Vol. 1, pp. 916–928). Berlin, New York : Walter de Gruyter.
- Vinyar, A., & Kazakova, T. (2022). Denominal suffixal verbs in Bystraja Even: noun incorporation. *Tret'ya konf. po ural'skim, altayskim i paleoaziatskim yazykam* [The third Ural, Altaic and Paleo-Asiatic languages conference]: Authors' abstracts (pp. 114–117). St Petersburg : Institute for Linguistic Studies.
- Yap, F. H., Kashyap, A. K., & Tao, H. (2023). Interrogatives and speaker stance: From information-seeking to interpersonal (dis)affiliation. *Journal of pragmatics*, 205, 111–121. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2022.12.012>

Солодилова Ирина Анатольевна
Оренбургский государственный университет
г. Оренбург, Российская Федерация
solodilovaira16@gmail.com

Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты исследования, направленного на выявление прагматического потенциала иронии с целью объяснения причин её широкого использования в речи политиков, в частности, в политических дебатах. Ирония рассматривается в исследовании как лингво-дискурсивное явление, представленное на уровне текста высказыванием, смысл которого рождается как иронический на основе некогерентности двух типов знания – семантики самого выражения и дискурсивного знания. Смысловая некогерентность связана с абсурдностью образа или ситуации, описываемых ироническим высказыванием, которая снимается дискурсивным знанием и становится источником нового смысла. Эта существенная черта иронии задает её прагматический потенциал и обуславливает её функциональное своеобразие: оценочный характер семантики, комичность, имплицитность, эмотивность, экспрессивность, интерпретативность. Данные характеристики иронии определяют её широкое использование в политической коммуникации, в частности в речи политиков, участвующих в политических дебатах. Последние определяются в исследовании как одна из форм реализации политического дискурса, языковое своеобразие которой определяется стратегическим планом – дискурсивными стратегиями и тактиками, подразделяющимися на две основные группы: стратегии на понижение имиджа оппонента и стратегии на повышение собственного имиджа.

Ключевые слова: ирония, иронический смысл, некогерентность смыслов, политический дискурс, политические дебаты, прагматический потенциал

© Солодилова И. А. 2023

Для цитирования: Солодилова И. А. Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 124–135. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_124

Irina A. Solodilova
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation
solodilovaira16@gmail.com

Irony in political debate: Functional coherence

Abstract

This article presents the results of a study aimed at identifying the pragmatic potential of irony in order to explain the reasons for its widespread use in the speech of politicians, particularly, in political debates. In the study, irony is considered a linguistic-discursive phenomenon represented at the text level by an utterance whose meaning is born as ironic based on the incoherence of two types of knowledge – the semantics of the expression and discursive knowledge. Semantic incoherence is associated with absurdity of the image or situation described by an ironic utterance which is removed due to discursive knowledge and becomes a source of a new meaning. This essential trait of irony sets its pragmatic potential and determines its functional originality: evaluative nature of semantics, comicality, implicitness, emotiveness, expressiveness, interpretability. These features of irony determine its widespread use in political communication, particularly, in the speeches of politicians participating

in political debates. The latter are defined in this study as one of the forms of political discourse whose linguistic originality is determined by a strategic plan – discursive strategies and tactics subdivided into two main groups: strategies to lower the opponent's image and strategies to improve one's own image.

Keywords: irony, ironic meaning, incoherence of meanings, political discourse, political debate, pragmatic potential

© Solodilova I. A. 2023

For citation: Solodilova I. A. (2023). Ironiya v politicheskikh debatakh: funktsional'naya kogerentnost' [Irony in political debate: Functional coherence]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 124–135. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_124

1. Введение [Introduction]

В науке о языке есть категории, которые стали предметом изучения уже на этапе её становления и остаются актуальными, привлекая внимание учёных и по сей день. К таковым относится ирония, широкая палитра изучения которой делает невозможным дать ей однозначное определение, ибо ирония как риторическая фигура речи, укладываемая в модель антифразиса и относящаяся к семантике текста, явно отличается от иронии как вида оценочной модальности текста в целом и от иронии как характеристики картины мира говорящего (напр., художественной картины мира). Ирония в эстетике как разновидность комического, в стилистике как стилистический троп, в теории речевых актов как тип косвенной речи, аффектив (D. Amante), иллокутивная функция высказывания (H. Haverkate), и коммуникативная импликатура (H. P. Grice) (анализ работ указанных авторов см. в [Hartung, 1998, с. 36–44]), в лингвокультурологии как инструмент изменения ценностной картины мира [Пивоев, 2000], в лингвостилистике как компонент идеостиля писателя [Каменская, 2001] – это не весь перечень понимания иронии исходя из аспекта её рассмотрения. Тем не менее, есть что-то общее, что позволяет оставлять за всеми названными явлениями термин «ирония», не вступая в какое бы то ни было противоречие. В последнее время значительный интерес к иронии проявляется с позиций когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию языка, что обусловлено её оценочной и шире – интерпретирующей сущностью, с одной стороны, и смысловой сопряжённостью с дискурсивным знанием, с другой [Солодилова, 2014, 2019 ; Шилихина, 2014].

Говоря о жанровых «пристрастиях» иронии, следует также указать на её экспансию. Постмодерн как идея деструктурирования в культуре (децентрации, деконструкции) и отрицания западного логоцентризма и имплицитированные ею идеи многозначности, интерпретативности (интерпретативной поливалентности), контекстуальности и интертекстуальности смыслов (бытия) дали импульс к развитию иронии как имманентной характеристики постмодернистского дискурса с её игрой смыслов, имитацией реальности, отрицанием стандартности, и стереотипности восприятия.

Широко изучаемая на материале художественной литературы, ирония как предмет исследования переключалась во многие другие жанры, в том числе и в жанр политических дебатов. Высокая потребность в косвенных способах передачи смысла, в демонстрации интеллектуальности, игривости и неагрессивности обеспечили иронии статус широко используемого средства выражения коммуникативного намерения в политической коммуникации. Вышеназванные факты вызвали наш интерес к изучению причин широкого использования иронии в текстах политических дебатов и особенностей её функционирования в этом жанре политического дискурса.

Г л о т е з а предпринятого исследования заключается в том, что функциональная «приемлемость» иронии для политического дискурса обусловлена её сущностью –

быть опосредованным способом выражения отрицательной оценки, сопровождающейся комичностью и, соответственно, эмотивностью.

Ц е л ь настоящего исследования заключается в выявлении прагматического потенциала иронии, обуславливающего её широкое использование в речи политиков, участвующих в политических дебатах. Понятие прагматического потенциала объясняет широту возможностей использования того или иного языкового средства в текстах различных коммуникативных / дискурсивных жанров. Оно, в свою очередь, связано, в свою очередь, с признанием взаимообусловленности семантической и прагматической составляющих текста, а именно с признанием взаимодействия и выбора образующих семантическое пространство языковых элементов на уровне синтагматических и парадигматических отношений, а также с признанием смысловой обусловленности (интерпретативности) прагматическими установками субъекта высказывания. Прагматический компонент высказывания всегда связан с ответом на вопрос исследователя, почему именно так представлен говорящим некий фрагмент картины мира.

Исходя из такой постановки проблемы и цели исследования ставятся следующие з а д а ч и: 1) изучить прагматические характеристики жанра политических дебатов как формы реализации политического дискурса; 2) выявить существенные особенности иронии, отвечающие прагматическому запросу жанра политических дебатов; 3) описать механизм порождения иронического смысла (смыслообразования) в текстах политических дебатов.

1.1. Политические дебаты [Political debates]

Являя собой коммуникативное событие в сфере политической коммуникации и представляя таким образом одну из форм реализации политического дискурса, политические дебаты проявляют, соответственно, как общие характеристики, свойственные данному типу дискурса в целом, так и частные, отличающие данную форму реализации от других форм. К первым относятся характеристики, связанные с основными функциями политического дискурса, а именно функциями убеждения, воздействия, информирования, социального контроля, сохранения и легитимизации власти (укрепление приверженности системе), социальной солидарности и дифференциации, агональной и акциональной (активизация сторонников) функциями [Шейгал, 2000]. Функциональная заданность, связанная прежде всего с убеждением, воздействием, влиянием на целевую аудиторию, с необходимостью вступать в борьбу с коммуникативными партнёрами, обуславливает такие характеристики политической коммуникации, как манипулятивность, персуазивность, интерпретативность (создание собственной картины мира), регулятивность, агональность (сопоставительность, противоборство) и акциональность (совершение действия, ответственность).

Политические дебаты представляют собой одну из самых ярких форм коммуникативного воздействия в сфере политической коммуникации, являясь по сути вербальной схваткой между его участниками – оппонентами (противоборствующими сторонами), в которой (как в любой схватке, споре, борьбе) непосредственная цель направлена на доказательство своей правоты и неправоты противника и на завоевание победы [Пермяков, 2004, с. 4 ; Шейгал, 2000, с. 36]. Между этими двумя составляющими нельзя, однако, поставить знак равенства, т. к. противник может не признать свою неправоту и спор в таком случае останется без видимого разрешения (как это часто и бывает). Победа, тем не менее, может быть достигнута, т. к. истинная победа в дебатах состоит в привлечении на свою сторону аудитории путём убеждения её в своей правоте. Таким образом, конституирующим признаком политических дебатов как формы политического дискурса является наличие коммуникативных партнёров – противоборствующих сторон и адресата-наблюдателя.

Необходимость доказать свою правоту и неправоту оппонента и убедить в этом публику определяет две глобальные стратегии: стратегию на повышение своего имиджа в глазах адресата-наблюдателя и стратегию на понижение имиджа коммуникативного партнёра [Михалева, 2009, с. 45]. В реальной коммуникации эти стратегии представлены рядом частных стратегий. Так, стратегия на повышение имиджа может включать в себя стратегию самозащиты и самопрезентации, стратегию убеждения, агитационную стратегию, стратегию удержания власти и создания эмоционального настроения адресата-наблюдателя [Троянов, 1991 ; Шейгал, 2005]. Стратегия на понижение имиджа включает в себя чаще всего стратегию дискредитации, критики и нападения. И стратегия на повышение, и стратегия на понижение не обходятся без манипулятивной и персуазивной стратегий и стратегии политкорректности [Паршина, 2004].

Понятия стратегии и реализующих её тактик берут своё начало в военном искусстве, искусстве ведения войны и впоследствии заимствуются сначала экономическими науками, а затем и лингвистикой. Стратегия в широком смысле есть некий план, обусловленный определённой целью и осуществляемый поэтапно в форме алгоритма. Применительно к исследованию языковых фактов стратегию следует понимать как некий план оптимальной реализации интенции автора, определяющий как внутреннюю, так и внешнюю структуру текста [Троянов, 1991]. Выбор той или иной стратегии не случаен, он определяется, в первую очередь, проблемой, требующей стратегического планирования, целью, к достижению которой стремится адресант, и желательной для него (говорящего, автора текста) реакцией адресата [Антропологическая лингвистика, 2003, с. 183]. Будучи обусловленными дискурсивными параметрами (проблема – цель – адресат), коммуникативные стратегии и тактики, в свою очередь, определяют отбор языковых средств и способов выражения некоего содержания.

Необходимость оказывать воздействие на публику обуславливает значимость для политических дебатов ещё одной стратегии – *стратегии театральности*, которая также считается одной из дискурсивных стратегий политической коммуникации вообще.

1.2. Ирония: прагматический потенциал категории [Irony: Pragmatic potential]

В настоящем исследовании ирония изучается в когнитивно-дискурсивном аспекте и рассматривается в перспективе смыслообразования как иронический смысл. Последний есть результат концептуальной интеграции (в широком смысле) двух видов знания в рамках семантики текста и семантики дискурса. Иронический смысл рождается на основе некогерентности буквального смысла выражения и фонового знания (контекстуального или шире – дискурсивного). Их взаимодействие можно описать как семантическое несогласование [Hartung, 1998, p. 158], когнитивный диссонанс [Солодилова, 2015, с. 405], семантическую некогерентность [Кашкин и др., 2013].

Алогичность иронии как результат столкновения двух смыслов является, с одной стороны, причиной двуплановости семантики иронического высказывания, её имплицитности, а с другой – причиной комичности иронического смысла (комичности рождаемого образа) и оценочным характером семантики. Двуплановость (двусмысленность) иронии всегда интенциональна: выбор иронического способа выражения обусловлен, во-первых, осознанным желанием говорящего высказать некоторую точку зрения за вуалью другой и при этом быть понятым, во-вторых, желанием воздействовать на партнёров по коммуникации. В первую очередь, на объект иронии – высмеять, уколоть, сделать предметом критики (что предопределяется оценочностью иронии), а во вторую, на аудиторию, слушающих – вызвать смех, сформировать негативное мнение об объекте

иронии, а также продемонстрировать способность к языковой игре, к иронии как высоко интеллектуальному способу выражения мысли.

Оценочность иронии, т. е. её способность выражать эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету речи является её имманентным признаком – давать «оценку людей, событий и ситуаций с точки зрения их соответствия принятой в обществе системе ценностей и норм» [Антропологическая лингвистика, 2003, с. 173]. В основе любых форм проявления иронии лежит фиксируемое по мнению говорящего несоответствие реальности существующим ценностям и нормам. Входя в большей или меньшей степени в пространство личной пристрастности говорящего, данное несоответствие вызывает эмоциональное отношение, которое модифицирует, усложняет отрицательно окрашенную семантику иронического высказывания эмотивностью и экспрессивностью.

Все названные выше особенности иронии определяют её прагматический (функциональный) потенциал, а именно 1) служить средством выражения эмотивно-оценочного отношения говорящего к предмету речи со знаком «минус», 2) служить прямым, косвенным способом выражения личного мнения и оценки, 3) являться знаком интеллектуально высокой языковой компетентности, 4) вызывать смех и тем самым эмоционально-положительную реакцию слушающих.

Описанный выше прагматический потенциал иронии определяет возможность её эффективного использования в политической коммуникации, в частности в политических дебатах, причём одновременно и как средства реализации стратегий на понижение имиджа оппонента, и как средства реализации стратегий на повышение собственного имиджа.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and Methods]

Материалом для исследования послужили речи участников парламентских дебатов Германии от 2 марта 2018 года [<https://dserver.bundestag.de/btp/19/19018.pdf#P.1522>]. Тема дебатов – выдвинутое партией «Альтернатива для Германии» (АдГ) предложение о включении в конституцию Германии параграфа о статусе немецкого языка. Поводом для выдвижения такого предложения стал факт наличия в конституции Германии статьи о столице и национальном флаге при отсутствии статьи, обозначающей статус немецкого языка, которая, по мнению партии АдГ, необходима для сохранения чистоты немецкого языка и его выживания в условиях существующего многоязычия.

Побудительные мотивы этого предложения многообразны: борьба с обилием англицизмов в немецком языке, побуждение мигрантов к изучению немецкого языка за счёт создания сложных условий их интеграции при отказе, продвижение политических настроений, присущих партии и др. Однако данное предложение натолкнулось на протест и непонимание со стороны фракции ХДС и ХСС, левой партии, партии зелёных, на их в целом остро отрицательную оценку.

С помощью методов сплошной выборки и контекстуального анализа было отобрано 47 высказываний иронической тональности (насмешка, сарказм), которые в дальнейшем были подвергнуты лингвопрагматическому и лингвокогнитивному анализу, позволившему выявить средства реализации иронии и её функциональное своеобразие в данного рода текстах в соотношении с её прагматическим потенциалом. Критерием отбора являлось наличие в смысловой структуре высказывания отрицательной оценки (семантических элементов со знаком «минус») при косвенном характере её выражения. Семантика оценки подвергалась анализу на предмет особенностей имплицитного способа выражения и на предмет наличия в смысловой структуре высказывания алогичных (некогерентных, семантически диссонирующих) образов.

Следующий шаг исследования заключался в выявлении языковых средств, прямое значение которых порождает алогичность смыслов в рамках высказывания, их некогерентность и далее – в выявлении на основе интерпретации контекстуально- и шире – дискурсивнообусловленного иронического смысла. Определение языковых средств, используемых говорящим для выражения своего намерения, и их анализ в лингвопрагматическом аспекте позволяет соотнести семантическое и прагматическое своеобразие языковых средств (на уровне языковой системы) с их функциональным своеобразием на уровне текста и дискурса, а именно с ролью иронии в реализации стратегического плана текста.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ языкового материала позволил установить, что языковые средства выражения иронического отношения говорящего к предмету речи представлены двумя группами стилистически маркированных единиц: 1) лексическо-семантические языковые средства и 2) синтаксические языковые средства (риторические фигуры речи). Их распределение в общем объёме исследуемых языковых единиц примерно одинаковое: 48% приходится на первую группу и 52% – на вторую.

В первой группе преобладающее значение имеют окказиональные (авторские) метафоры (в 11 высказываниях), метафорические лексические единицы, приобретающие отрицательную оценку в контексте ситуации (в 16 высказываниях) и оценочная лексика сниженного регистра – разговорного, фамильярного, имеющая в своей семантической структуре компоненты отрицательной оценки (в 9 высказываниях). Менее частотным (но не менее действенным) является использование лексических единиц с ярко выраженными ассоциативными связями отрицательного характера (в 4 высказываниях).

Вторая группа представлена такими фигурами речи как риторические вопросы (в 10 высказываниях), антифразис (в 15 высказываниях) и плеоназм (в 18 высказываниях).

Ниже приведены наиболее яркие примеры использования названных языковых средств, «запускающих» в коммуникации механизм иронического смыслопорождения. Все они являются высказываниями политиков-парламентариев, представляющих интересы своих партий в Бундестаге.

Первое высказывание принадлежит представителю фракции ХДС и ХСС, фракции, которая в парламенте является противником партии АдГ.

(1) *Unsrer Fraktion geht es nämlich nicht um Deutschummelei, um Selbstdarstellung, sondern um die Sprache. Wir wissen erstens, sie muss gepflegt werden, zweitens sie muss verständlich sein, drittens, sie soll verbinden und nicht trennen.* (Gitta Connemann, CDU/CSU)¹.

Ключевым словом, своего рода ядром, вокруг которого формируется иронический смысл в данном высказывании, является существительное *Deutschummelei* ‘резвление вокруг немецкого языка’. Являясь окказионализмом, образованным из двух корневых слов – *Deutsch* ‘немецкий язык’ и *Tummelei* (окказиональное производное от глагола *tummeln* ‘резвиться’), это существительное описывает действия партии АдГ через метафорический образ резвящихся детей. Некогерентность прямого значения слова *Deutschummelei* и контекста ситуации обусловлена образом резвящихся детей и представлением (знанием) о субъекте действия – членах политической партии. Эта алогичность задаёт ироническую модальность и, соответственно, отрицательную оценку называемым действиям. Отрицательная семантика осложнена в данном случае и отрицательной эмотивностью образа, который за счёт своей алогичности позволяет говорящему косвенно выразить свою эмоцию. Её экспликация укладывается в границы «насмешка – осуждение – лёгкое презрение».

¹ Иллюстративные примеры взяты из стенографического протокола заседания Парламента Германии № 18 от 02.03.2018 г.: Plenarprotokol 19/18 (bundestag.de). <https://ds.server.bundestag.de/btp/19/19018.pdf>

Характеристика, даваемая метафорой-окказионализмом *Deuschtummelei*, отсылается к партии АдГ не прямо, а косвенно, через отрицание говорящим собственных действий как таковых. Данное отрицание имплицитно в контексте ситуации утверждение данной характеристики в отношении партии АдГ. Этот приём, который можно было бы обозначить «от противного», является достаточно частотным и позволяет реализовать сразу две тактики – тактику презентации себя, своего положительного имиджа (это плохо, но мы так не делаем) и тактику обвинения. Если первая тактика работает на реализацию стратегии повышения собственного имиджа, то вторая – на дискредитацию оппонента (понижение его имиджа). Опосредованный (косвенный) способ реализации тактики обвинения обеспечивает соблюдение максимы вежливости и политкорректности так же, как и ироничное *Deuschtummelei* своим нормативным характером, выражая при этом эмотивную оценку и рождая яркий «нелицеприятный для оппонента» образ.

Следующее высказывание также принадлежит представителю фракции ХДС и ХСС.

(2) *In der Arbeitswelt, in der Wissenschaft, in der Forschung ist die Vielsprachigkeit schlicht gar nicht mehr weg zu denken. Zu guter Letzt: Besonders enttäuschend ist, dass Ihr Antrag auch noch mehr als scheinheilig ist – samt den Schaufensterreden, die Sie hier gehalten haben* (Andrea Lindholz, CDU, CSU).

Семантическим центром в данном высказывании является выражение *mehr als scheinheilig* ‘больше, чем ханжеский / лицемерный’, относящееся к существительному *Ihr Antrag* ‘Ваше предложение’, и авторская метафора (окказионализм) *Schaufensterreden* ‘витринные речи’. Если прилагательное *scheinheilig* относится к оценочной лексике и содержит сему отрицательной оценки в своей семантической структуре, то существительное *Schaufensterreden*, являясь метафорой, выражает оценку опосредованно через отсылку к образу витрины, актуализируя семантику «показушности» – речи напоказ и в сочетании с вышеназванным прилагательным – семантику лицемерия и фальши. Отрицательная оценка поведения представителей партии АдГ осложняется ироничным (комичным) образом выступающих в витрине. Эта комичность рождается на основе некогерентности данного образа и представления о деятельности парламентариев, что в итоге даёт говорящему возможность не только выразить своё эмоционально-отрицательное отношение к оппоненту, но и высмеять его. Тактика разоблачения – выявления истинного лица партнёра – используется с целью его (партнёра) дискредитации, чем обусловлен и выбор языковых средств.

Ещё один пример использования авторской метафоры с целью создания ироничного образа оппонента и его высмеивания находим в словах представителя партии зелёных.

(3) *Heute malen Sie uns zur Abwechslung mal die Niederung der deutschen Sprache an, es ist Ihre Klagemauer der Ängstlichkeit. Dass wir Deutsche eine anerkannte Wissenschaftssprache, sowie eine vielfältige deutsche Literatur und Mediensprache haben, spielt da natürlich keine Rolle* (Erhard Grundl, die Grünen).

Выражение *Ihre Klagemauer der Ängstlichkeit* ‘Стена Плача Вашей боязливости’ является двойной метафорой, в которой первая часть – слово-реалия актуализирует сему чрезмерного горя (по поводу состояния немецкого языка), а вторая – его причину – страх за судьбу немецкого языка. Гиперболический для описываемой ситуации образ Стены Плача рождает смысловую абсурдность и некогерентность – основу для иронической модальности всего высказывания. Эта модальность задана уже в первом предложении глагольной метафорой *anmalen* ‘рисовать, намалевать’, которая актуализирует в контексте высказывания семантику несерьёзности, преувеличения, лживости и в последнем предложении имеет подтверждение, выраженное синтаксически антифразисом – утверждением, обратным тому, что мыслится. Ироническая модальность высказывания служит реализации намерения говорящего – высмеиванию оппонента, демонстрации абсурдности его действий – и как таковая – реализации стратегии дискредитации.

Как показывает анализ, образы, на основе которых рождается иронический смысл, являются абсурдными и тем самым яркими, запоминающимися и, соответственно, действенными. Это качество иронии обеспечивает ей статус эффективного средства реализации персуазивности и акциональности – значимых функций в политической коммуникации. В то же время воздействие образами есть всегда воздействие на эмоциональную сферу человека и, следовательно, всегда манипулятивно.

Ирония, как известно, может выражаться и безобразными средствами. Упомянутый выше антифразис является достаточно частотным стилистическим приёмом для выражения иронического отношения говорящего к предмету речи.

(4) *Ja, jetzt macht der Antrag natürlich Sinn. Ich verstehe das, aber dann würde ich doch empfehlen bevor Sie alles ins Grundgesetz schreiben, doch erst mal Deutsch zu lernen* (Gitta Connemann, CDU/CSU).

Антифразис обычно строится на контрасте формально одобрительного значения или похвалы употребляемого слова или выражения с порицающим или неодобрительным смыслом высказывания. Одобрительное значение вербализовано выражением *macht natürlich Sinn* ‘имеет смысл’, относящимся к существительному *der Antrag* и характеризующее предложение партии АдГ. Но следующее за ним предложение меняет «плюс» на «минус» тем, что содержит совет выучить немецкий язык, который диссонирует с предметом обсуждения и всей ситуацией (АдГ выступает за чистоту немецкого языка и определение его статуса). Смысловой диссонанс рождается на пресуппозиционном уровне. Пресуппозиция может быть сформулирована следующим образом: «Люди, которые борются за чистоту языка владеют им на высоком уровне». Эта пресуппозиция диссонирует с советом, который даёт говорящий и который предполагает (вторая пресуппозиция), что представители партии АдГ немецким языком владеют плохо. Смысловой диссонанс двух пресуппозиций становится основой комичности представления всей ситуации и иронической оценки говорящего. Ирония служит здесь обличению оппонента в неграмотности и является средством реализации тактики обличения и через неё – стратегии дискредитации.

Ироническая модальность, рождаемая на основе описания абсурдной ситуации, характеризует нижеследующее высказывание представителя Левой партии. Она выражена в трёх риторических вопросах:

(5) *Ich darf Sie zitieren aus Ihrem Antrag: Unternehmen nutzen die englische Sprache bevorzugt nicht nur für unternehmensinterne Kommunikation, sondern auch für Werbemaßnahmen. Wollen Sie Unternehmen also als Erstens vorschreiben, wie sie ihre Werbungen gestalten sollen oder gar wie sie intern kommunizieren wollen?*^a

Sie schreiben weiter: deutsche Musiker sehen sich gezwungen, auf Englisch zu singen. Wollen Sie unseren Radio und Fernsehsendern vorschreiben, welche Musik sie spielen müssen oder sogar welche Musik wir hören dürfen?^b

Sie wollen in ihren Antrag der öffentlichen Kommunikation staatlichen Institutionen über die bereits verankerte Festlegung der deutschen Sprache hinaus weitere Vorgaben machen. Wollen Sie vielleicht bei wissenschaftlichen Kongressen in Deutschland den Wissenschaftlern aus aller Welt vorschreiben, dass Sie nur deutsch zu sprechen haben?^c

Риторические вопросы не предполагают ответа. Он никогда не ожидается говорящим, поскольку намерение его состоит не в запросе информации. В данном случае намерение говорящего заключается в высмеивании оппонента через абсурдность описываемых ситуаций, которые представлены как имплицативные выводы из цитируемых положений партии АдГ. Именно эта абсурдность позволяет говорящему представить действия оппонентов как лишённые смысла, а их самих – как глупых, не способных к анализу реальной ситуации политиков.

(5 а) *Neужели Вы хотите дать предписания предпринимателям, как им создавать рекламу или как они должны общаться?* – о сетованиях, что предприниматели предпочитают английский язык не только для предпринимательских целей, но и для рекламы.

(5 б) *Neужели Вы хотите дать предписания нашему радио и телевидению, какую музыку они должны проигрывать или, более того, какую музыку слушать нам?* – о немецких музыкантах, исполняющих на английском языке.

(5 с) *Neужели Вы хотите дать предписания и учёным всего мира, вести дискуссии в рамках научных конференций только на немецком языке?* – по поводу предложения государственным учреждениям регулировать общественную коммуникацию.

Ирония, выраженная указанными риторическими вопросами помогает говорящему эффективно реализовать своё намерение – оскорбить, унижить достоинство собеседника, не нарушая принятые в данном типе дискурса правила коммуникативного поведения.

В политических дебатах ирония может быть достаточно жёсткой, граничащей с сарказмом, когда говорящему необходимо вывести своего оппонента на чистую воду, показать его непривлекательное для аудитории лицо. В таких случаях обвинения могут выражаться с помощью языковых средств, имеющих яркие негативные ассоциации.

(6) *Seit Jahren arbeiten Sie daran, Unsägliches wieder sagbar zu machen. Da wird volkisch schwadroniert, was das Zeug hält?* (Simone Barrienstos, die Linke).

В отношении приведённого высказывания можно говорить об использовании плеоназма – риторического приёма, оборота речи, в котором происходит дублирование некоторого элемента смысла. Этим элементом является мысль о бессмысленности действий партии АдГ, что выражено в первом предложении высказывания. Эта мысль, однако, в гораздо более резкой форме выражена и во втором предложении с помощью словосочетания *volkisch schwadronieren* и существительного *das Zeug*. Глагол *schwadronieren* имеет значение ‘разглагольствовать, хвастаясь’ и рождает тем самым семантически диссонирующий с представлением о парламентариях и политиках образ несерьёзных, много и без дела болтающих людей. То же самое относится и к существительному *das Zeug*, которое используется здесь для обозначения предложения (проекта) партии АдГ и своим актуализируемым контекстом значением ‘Unsinn, besonders unsinniges Geschwätz’ [duden.de, Zeug] поддерживает смысл ‘пустая болтовня’. Этот диссонанс рождает ироническую тональность – насмешку, которая превращается, однако, в «злую» с помощью наречия *volkisch*. Словарь «Дуден» описывает значение прилагательного *völkisch* следующим образом: «в расистской идеологии национал-социализма относящийся к народу как к якобы отдельной расе, принадлежащий к народу, являющемуся якобы отдельной расой» [duden.de, völkisch]. Ассоциативный план данного выражения отсылает к нацистским теориям «высшей» и «низшей» расы и к самой известной газете гитлеровской Германии «Völkischer Beobachter» и обличает оппонентов как приверженцев националистической позиции, что является достаточно серьёзным обвинением.

Тактика оскорбления является в общем ряду тактик, направленных на дискредитацию оппонента, самой «не позитивной» тактикой и именно поэтому требует особых средств и форм реализации для сохранения общего позитивного характера коммуникации, одним из условий которого является соблюдение максимы вежливости. Именно поэтому в политической коммуникации оскорбления чаще всего выражены в косвенной форме. Ирония является в этом отношении идеальным средством реализации намерения говорящего, т. к. позволяет реализовать интенцию оскорбления через осмеяние, высмеивание оппонента, избегая опасность быть обвинённым в некорректном коммуникативном поведении.

Тем не менее, абсурдность ситуации, на основе которой рождается иронический смысл, как и абсурдность образов, является действенным средством воздействия на мнения и оценки аудитории, что и в этом случае обеспечивает иронии способность реализовывать функции персуазивности, акциональности и манипулятивности.

Кроме стратегии дискредитации оппонента как одной из ведущих стратегий, используемой в парламентских дебатах, необходимо несколько слов сказать и о стратегии театральности, которая, на наш взгляд, связана и со стратегией повышения собственного имиджа, и с персуазивностью, и с манипулятивностью политической коммуникации.

Если стратегия дискредитации имеет конкретный набор тактик (обличение, обвинение, оскорбление, нападение и т. п.) и языковых средств реализации, то стратегия театральности связана, скорее, с формой само-представления и этой формой является игра (в широком смысле слова). В политическом дискурсе, в том числе и в политических дебатах эта игра определяется наличием фактора зрителя, фактора аудитории, которую необходимо «перетянуть» на свою сторону. Соответственно, в дело вступают тактики, направленные на повышение собственного имиджа через игровой эффект – игру слов, игру смыслов, игру образов и фигур. Ирония этом отношении является, во-первых, действенным языковым средством, обеспечивающим игровой и комический эффект: смешить, говоря правду – модель поведения всех шутов в древности. А во-вторых ирония служит средством, мотивирующим аудиторию вступить в эту игру, поскольку, как известно, высказывание только тогда признаётся ироническим, когда оно понимается как таковое. Ирония всегда связана с рефлексией, которая необходима для преодоления смыслового диссонанса, для понимания иронии. Но, как тонко подметил в своё время М. Хартунг [Hartung, 1998, S. 165], желание говорящего представить с помощью иронии свою перспективу видения, сопровождается не только желанием быть понятым слушающими (читающими) в смысле семантики, но и быть понятым в смысле значимой для социума системы ценностей, т. е. быть принятым ими. В этой связи ирония не может изучаться и пониматься как чисто языковое явление, ведь она вписана в ценностную картину мира индивида, его ценностную систему и шире – в ценностную систему общества и его ментальность, а значит, есть явление когнитивно-дискурсивного плана.

3. Заключение [Conclusion]

Анализ текстов политических дебатов на предмет использования в них иронии позволил сделать следующие выводы. Ирония может рассматриваться в целом как тактический приём для реализации дискурсивно значимых стратегий дискредитации, политкорректности, персуазивности и театральности, свойственных политической коммуникации.

Выявленный прагматический потенциал иронии реализуется в исследуемых текстах благодаря определённому набору языковых средств лексическо-семантического и синтаксического уровней, среди которых наибольшую значимость приобретают окказионализмы, авторские метафоры, лексика разговорного и фамильярного стиля, риторические вопросы, антифразис, плеоназм, а также слова, значение которых определяется историческими событиями, реалиями, что обеспечивает наличие в сознании говорящих и слушающих отрицательных ассоциаций.

Лингво-дискурсивный анализ высказываний – реплик парламентариев – позволил установить, что названные выше языковые средства полностью удовлетворяют функционально-прагматический «запрос» иронии – являться косвенным средством выражения отрицательной оценки, осложнённой эмотивностью, семантическое пространство которой простирается от лёгкой насмешки до презрения и осуждения. Авторские метафоры и окказионализмы рожают яркие, большей частью абсурдные образы, вызывая у слушающих смех и побуждая к поиску истинного смысла. Лексические средства фамильярной стилистической окраски служат снижению стилистического регистра коммуникации и актуализируют отношение пренебрежения. Синтаксические языковые средства, известные в стилистике как фигуры речи, объединены здесь одной прагматической характеристикой – выражать недоумение говорящего по поводу действий

оппонента и указывать заострённо и иногда утрированно на их абсурдность. Распределение лексических и синтаксических средств оказалось схожим. Косвенный характер выражения оценочного отношения обеспечивает соблюдение максимы вежливости.

Выявленные языковые средства в контексте коммуникативной ситуации обладают ещё одним свойством – они порождают некогерентность двух смыслов – буквального и дискурсивного и запускают тем самым механизм иронического смыслопорождения. Игра слов и смыслов, комичность «рисующей» говорящим ситуации порождают, в свою очередь, театральность данного типа коммуникации и обеспечивают значимое влияние на публику.

Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу и продемонстрировали когерентность таких характеристик политических дебатов, как агональность – отрицательная оценочность, политкорректность – имплицитность оценки, персуазивность – эмотивность и экспрессивность, тетральность – комичность, игровой эффект.

Библиографический список

- Антропологическая лингвистика, 2003 – Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / Ю. М. Малинович [и др.]; ред. и общ. науч. рук-во Ю.М. Малиновича. Иркутск-Москва : Иркутский гос. лингв. ун-т, 2003. 251 с.
- Каменская, 2001. – Каменская Ю. В. Ирония как компонент идеостиля А. П. Чехова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2001. 22 с.
- Кашкин, Шилихина, 2013 – Кашкин В. Б., Шилихина К. М. Существует ли рецепт иронии? (на материале русского и итальянского языков) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 98–106.
- Михалева, 2009 – Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
- Паршина, 2004 – Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань : Изд-во АГТУ. 2004. 195 с.
- Пермяков, 2004 – Пермяков О. Н. Психологические условия повышения эффективности участия в политических дебатах : автореф. дисс. ... канд. психол. наук : 19.00.13. Тамбов, 2004. 25 с.
- Пивоев, 2000 – Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. 106 с.
- Солодилова, 2014 – Солодилова И. А. Оценочность иронических смыслов // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 11 (172). С. 121–127.
- Солодилова, 2015 – Солодилова И. А. Оценка: концептуальные и языковые особенности реализации. Оренбург : ОГУ, 2015. 482 с.
- Солодилова, 2019 – Солодилова И. А. Ирония в лингвокогнитивном аспекте изучения // Научные исследования русской словесности (к юбилею профессора С. А. Матяш) : сб. науч. тр. Оренбург : ОГУ, 2019. С. 113–118.
- Троянов, 1991 – Троянов В. И. Стратегии коммуникантов в споре // Прагматика и логика дискурса. Ижевск, 1991. С. 20–25.
- Шейгал, 2000 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.
- Шейгал, 2005 – Шейгал Е. И. Проблемы анализа политического дискурса // Русский язык в современном обществе: Функциональные и статусные характеристики : сб. обзоров. Сер. Теория и история языкознания. М., 2005. С. 51–70.
- Шилихина, 2014 – Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2014. 304 с.
- Duden.de, *völkisch* [Электронный ресурс] : официальный сайт словаря немецкого языка Duden. URL : <https://www.duden.de/rechtschreibung/voelkisch>
- Duden.de, *Zeug* [Электронный ресурс] : официальный сайт словаря немецкого языка Duden. URL : <https://www.duden.de/rechtschreibung/Zeug>
- Hartung, 1998 – Hartung M. Ironie in der Alltagssprache. Eine gesprächanalytische Untersuchung. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1998. 198 S.

Klein, 2001 – Klein J. Gespräche in politischen Institutionen // Text- und Gesprächslinguistik. Bd. 2. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2001. S. 1589–1607.

References

- Malinovich, Yu. M, Vinogradova, N. G., Malinovich, M. V., Palkevich, O. Ya., Plotnikova, S. N., Serebrennikova, E. F., Trunova, O. V., & Khakhalova, S. A. (2003). *Antropologicheskaya lingvistika: Kontsepty. Kategorii* [Antropological linguistic: Concepts. Categories]. Irkutsk-Moscow : Irkutsk State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Kamenskaya, Ju. V. (2001) Ironia kak component ideostilja A. P. Chekchova [Irony as a component of A. P. Chekchov's ideostyle]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Saratov : Saratov State University. (In Russ.).
- Kashkin, V. B., Shilikhina, K. M. (2013). Sushchestvuyet li retsept ironii? [Is there a “cooking guide” to irony? (Evidence from Russian and Italian)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2, 5–22. (In Russ.).
- Mikhaleva, O. L. (2009). *Politicheskii diskurs: Spetsifika manipuljativnogo vozdeystviya* [Political discourse: Specific of manipulative influence]. Moscow : LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Parshina, O. N. (2004). *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii* [Strategies and tactics of verbal behavior of Russia's modern political elite]. Astrakhan : Astrakhan State Technical University Press. (In Russ.).
- Permyakov, O. N. (2004). *Psichologicheskie usloviya povysheniya effektivnosti uchastiya v politicheskikh debatakh* [Psychological conditions to improving effective participation in political debate]. Author's abstract of PhD in Psychological sci. diss. Tambov : Tambov State University. (In Russ.).
- Pivoev, M. V. (2000). *Ironia kak fenomen kultury* [Irony as cultural phenomenon]. Petrozavodsk : Petrozavodsk University Press. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2014). Otsenochnost' ironicheskikh smyslov [Evaluation of irony meaning]. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta* [Vestnik of the Orenburg State University], 11 (172), 121–127. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2015). *Otsenka: kontseptualnye i yazykovye osobennosti realizatsii* [Evaluation: cognitive and linguistic features of realization]. Orenburg : Orenburg State University Press. (In Russ.).
- Solodilova, I. A. (2019). Ironiya v lingvokognitivnom aspekte izucheniya [Irony in lingvocognitive aspect of study]. *Nauchnye issledovaniya russkoy slovesnosti* (k yubileyu professora S. A. Matyash) [Studies of Russian philology (In honor of Prof. S. A. Matyash)]: Selected papers (pp. 113–118). Orenburg : Orenburg State University Press. (In Russ.).
- Troyanov, V. I. (1991). Strategii kommunikantov v spore [Communicators strategies in disputes]. *Pragmatika i logika disputa* [Pragmatics and logic of dispute] (pp. 20–25). Izhevsk. (In Russ.).
- Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Volgograd : Peremena Press. (In Russ.).
- Sheygal, E.I. (2000). Problemy analiza politicheskogo diskursa [Issues of political discourse analysis]. *Russkiy yazyk v sovremennoy obshchestve: Funktsionalnye i statusnye kharakteristiki* [Russian language in modern society: Functional features and status] (pp. 51–70). Moscow. (In Russ.).
- Shilikhina, K. M. (2014). *Semantika i pragmatika verbalnoy ironii* [Semantics and pragmatics of verbal irony]. Voronezh : Nauka-Yunipress. (In Russ.).
- Duden.de, völkisch. (n. d.). <https://www.duden.de/rechtschreibung/voelkisch>
- Duden.de, Zeug. (n. d.). <https://www.duden.de/rechtschreibung/Zeug>
- Hartung, M. (1998). *Ironie in der Alltagssprache. Eine gesprächanalytische Untersuchung*. Opladen : Westdeutscher Verlag.
- Klein, J. (2001). Gespräche in politischen Institutionen. *Text- und Gesprächslinguistik*. Bd. 2. (SS. 1589–1607). Berlin, New York : Walter de Gruyter.

Токмакова Мадина Хасанбиевна
Институт гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН)
г. Нальчик, Российская Федерация
tokmak_madina_h@mail.ru

Конверсивные отношения в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка

Аннотация

В статье рассматривается лексическая конверсия на материале кабардино-черкесского языка. Необходимость анализа данной лексико-семантической категории обусловлена её важной ролью в выявлении взаимосвязи языковых явлений, демонстрирующей системную организацию лексики. Цель настоящего исследования состоит в изучении лексической конверсии в эмотивном аспекте. Отмечается, что конверсивы главным образом представлены глаголами и глагольными фразеэмотивами: глагол, обозначающий побуждение одним лицом другого к проявлению определённой эмоции, оформляется каузативным префиксом *гъэ-*, а глагол, демонстрирующий испытываемые чувства, – аффиксами *хуэ-*, *цы-*, *те-*, *ири-* и т. д. Представлены результаты того, как конверсивные фразеэмотивы могут создавать пары со словами-глаголами, с другими фразеологизмами (однокоренными либо разнокорневыми). Конверсивы «в себе» в эмотивной лексике возможны только при взаимности испытываемых чувств. Для грамматического выражения подобных конверсивов в кабардино-черкесском языке часто используются префиксы взаимности.

Ключевые слова: лексическая конверсия, эмотивная лексика, глагол, залоговая форма, каузативный префикс *гъэ-*; фразеэмотив

© Токмакова М. Х. 2023

Для цитирования: Токмакова М. Х. Конверсивные отношения в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С.136–146. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_136

Madina H. Tokmakova
The Institute for the Humanities Research, Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS)
Nalchik, Russian Federation
tokmak_madina_h@mail.ru

Converse relations in emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language

Abstract

This paper considers lexical conversion is considered on the material of the Kabardino-Circassian language. The necessity to analyze this lexico-semantic category is determined by its crucial role in revealing the interaction patterns of linguistic phenomena that displaying the arrangement of units and their ties on the lexical level. The aim of this study is to examine the emotive aspect of lexical conversion. It was shown that conversives are mainly represented by verbs and verbal phraseological emotives: the verb denoting the inducement of one person to another to the manifestation of a certain emotion is formed with the causative prefix *ge-*, and the verb demonstrating the feelings experienced is affixed with *hue-*, *sch-*, *te-*, *iri-* etc. The paper presents the results on how convertive phraseological emotives can pair with verb-words and other phraseological units (single-root or

multi-root). Conversives “in oneself” in emotive vocabulary are possible only if the feelings experienced are reciprocal. For the grammatical expression of such conversives in the Kabardino-Circassian language, reciprocal prefixes are often used.

Keywords: lexical conversion, emotive vocabulary, verb, voice form, causative prefix *ge-*, phraseological emotive

© Tokmakova M. H. 2023

For citation: Tokmakova, M. H. (2023). *Konversivnye otnosheniya v emotivnoy leksike kabardino-cherkesskogo yazyka* [Converse relations in emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 136–146. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_136

1. Введение [Introduction]

Лексико-семантическая система представляет сложное по своей организации и структуре объединение слов. Лексические категории, входящие в её состав, взаимосвязаны и в каких-то аспектах могут подвергаться ошибочному смешению (ср. полисемия и омонимия, синонимия и паронимия, антонимия и конверсия, и т. д.). Во избежание этого, а также для решения спорных вопросов каждой из категорий лексико-семантической системы необходимо проводить специальные исследования. Изучение феномена конверсии, по словам О. Г. Ильинской, наиболее наглядно выявляет органическую близость, системность языковых явлений, что приводит к их постоянному взаимодействию и является отличительной чертой современного языкознания [Ильинская, 2006, с. 5].

Традиционно в отечественном языкознании конверсию представляют как один из способов образования слов посредством изменения его грамматических характеристик, т. е. перехода из одной части речи в другую. Так, в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой конверсия – это «образование нового слова путём перевода данной основы в другую парадигму словоизменения» [Ахманова, 1966, с. 202]. Согласно А. А. Реформатскому, конверсия – особый вид омонимии, «когда данное слово переходит в другую часть речи без изменения своего морфологического и фонетического состава, напр.: *зло* – прилагательное среднего рода и *зло* – наречие. Ср. также существительное «зло» [Реформатский, 1967, с. 88]. В таком значении конверсия довольно широко употребляется в современной русской научной и учебной литературе. В противовес А. А. Реформатскому А. И. Смирницкий, отмечавший конверсию как характерный для английского языка способ словообразования, настоятельно призывал не определять конверсию как переход одной части речи в другую: «это определение ничего не даёт, поскольку совершенно неизвестно, что в данном случае значит «переход», каково отношение этого «перехода» к системе словообразования, к словообразовательным отношениям в английском языке» [Смирницкий, 1956, с. 76]. В английском языке, по мнению Т. С. Игнатъевой и Н. А. Антоновой, омонимия полных слов, за исключением заимствований, фонетических модификаций и неполных слов-омонимов, есть результат конверсии [Игнатъева, Антонова, 2018]. Омонимия чрезвычайно распространена и в китайском языке. Подавляющее большинство омонимов – это одно- и двусложные существительные, глаголы и прилагательные, однако имеются омонимы и среди служебных слов, например, слов, обозначающих причинные отношения 因为 *yīnwèi* и 由于 *yóuyú*, каждое из которых может быть как предлогом (чаще – второе), так и союзом (чаще – первое) [Чередниченко, Андросова, 2023].

В кабардино-черкесском языке «конверсия» является одним из распространённых способов образования слов, например: *пхъащIэ* может обозначать и 'плотник', и 'плотницкая'; аналогично *щакIуэ* – 'охотник' и 'охота', *бдзэжьеящэ* – 'рыболов' и 'рыбал-

ка', *гьукIэ* – 'кузнец' и 'кузница' и т. д. Она распространена среди именных форм – существительных и прилагательных: *Iэээ* 'мастер, умелец, знахарь' – *Iэээ* 'умелый, искусный', *гукьыдэж* 'бодрость' – *гукьыдэж* 'бодрый', *бдзэжьей* 'рыба' – *бдзэжьей* 'рыбный', *акьылынишэ* 'глупец' – *акьылынишэ* 'глупый' и т. д. Особое место в кабардино-черкесском словообразовании занимает конверсия именных и глагольных основ [Кумахов, 2006, с. 83–87]. Слабое развитие основообразующих суффиксов в кабардино-черкесском языке приводит к морфологической нейтрализации данных основ [Кумахов, 1964, с. 88]. Так, основы *джэгу*, *псалъэ*, *усэ* и др. могут оформляться и как существительные (*джэгу* *макIуэ* 'идёт на танцы', *зы псалъэ кьыдэжиIэкъым* 'ни слова нам не сказал', *усэмIэ* «*тху*» *кьыхьащ* 'за стихотворение получил «пять»') и как глаголы (*топ мэдэжэгу* 'играет в мяч', *щэхуу мэпсалъэ* 'тихо разговаривает', *ар Iэзу мэусэ* 'он хорошо сочиняет стихи').

Лексическая конверсия значительно позже стала предметом исследования многих отечественных и зарубежных учёных [Апресян, 1974 ; Лайонз, 1978 ; Новиков, 1982 ; Palmer, 1976 ; Fillmore, 1969 ; Ильинская, 2006 и др.]. Сначала она изучалась в синтаксическом аспекте [Бабицкий, 1965 ; Жолковский, Мельчук, 1967 ; Ломтев, 1969 ; Бабанлы, 2016 и др.], затем в семантическом [Апресян, 1974 ; Новиков, 1982 ; Fillmore, 1969 ; Ильинская, 2006 ; Иванова, 2016 и др.]. Конверсия как лексико-семантическая категория, по определению Л. А. Новикова, – это «отражение в языке обратных отношений с помощью разных слов, противопоставленные семы которых позволяют таким единицам выражать субъектно-объектные отношения в обращённых высказываниях (предложениях), обозначающих одну и ту же ситуацию, т. е. имеющих один и тот же денотат» [Новиков, 1982, с. 214]. Анализируя основные семантические отношения лексических единиц, Дж. Лайонз рассматривает конверсию как одну из разновидностей лексической противоположности слов. «Лексическая замена слова на его антоним или конверсив связана с синтаксической трансформацией, благодаря которой именные группы (NP1 и NP2) меняются местами, а также осуществляются и другие «автоматические» изменения, касающиеся выбора предлога (или, в других языках, падежного окончания)» [Лайонз, 1978, с. 493]. Конверсивы, как отмечает Ю. Д. Апресян, «служат для выражения различий, имеющих семантическую природу, эти различия связаны исключительно со способом осмысления говорящим некоторой ситуации» [Апресян, 1974, с. 258].

В кабардино-черкесском языке лексическая конверсия – малоизученная область. Первые шаги в её исследовании сделал М. Л. Апажев. Включив её наряду с полисемией, омонимией, антонимией, синонимией и другими лексическими категориями в состав лексико-семантической системы, он выделил основные структурные и семантические типы лексической конверсии [Апажев, 1992, с. 242–244].

П р е д м е т о м исследования данной работы является выражение лексической конверсии в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка. Эмотивы, как показывает исследование Ю. Д. Апресяна, относятся к одному из семантических типов конверсивов «эмоциональные и другие внутренние состояния» [Апресян, 1974, с. 271]. Эмоции, как правило, в результате своей природы возникают как реакция на кого-что-л., самостоятельно они не могут появляться. Несмотря на то, что и лексическая конверсия, и эмотивная лексика изучаются в языкознании уже достаточное количество лет [Апресян, 1974 ; Лайонз, 1978 ; Новиков, 1982 ; Ильинская 2006 ; Добровольский 2011 ; Шаховский, 1987 ; Вольф, 1989 ; Ляшевская, Падучева, 2011 и др.], в кабардино-черкесском языке они всё ещё остаются малоизученными областями [Апажев, 1992 ; Токмакова, 2009 ; Tokmakova, Bizhoyev, 2021].

Ц е л ь ю статьи является анализ возможных конверсивов-эмотивов, участвующих в субъектно-объектных отношениях, выявление грамматических и семантических особенностей их функционирования в кабардино-черкесском языке. Данное исследование имеет большое значение для дальнейшего изучения эмотивной лексики кабардино-

черкесского языка. Полученные результаты, несомненно, станут полезны не только для носителей кабардино-черкесского языков, проживающих на исторической родине, но и для кабардино-черкесской диаспоры, трансформация речи которой представляет особый научный интерес. Согласно гипотезе исследования, конверсивные отношения, обозначающие эмоции, в кабардино-черкесском языке выражаются в основном глаголами (в том числе в составе фразеологических единиц), оформляемых определёнными аффиксами. Для проверки гипотезы был проведён эксперимент.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования для данной статьи послужили эмотивы кабардино-черкесского языка. Всего для анализа было взято около ста эмотивов, фразеоэмотивов. Источниками материала послужили Словарь кабардинского языка [СКЯ, 1999], Кабардинско-русский фразеологический словарь [КРФС, 1968], Словарь языка Алима Кешокова [СЯАК, 2022], Кабардино-черкесский язык [КЧЯ, 2006], Краткий кабардино-черкесско-русский словарь эмотивной лексики [Токмакова, 2017, с. 211–269]. В исследовании были использованы следующие лингвистические методы: для сбора материала – метод сплошной выборки; для выделения эмотивов и фразеоэмотивов, способных вступать в конверсивные отношения – методы структурного и морфемного анализа, анализ словарных дефиниций; метод контекстуального анализа – для выявления особенностей употребления.

2.2. Результаты и обсуждение [Results and Discussion]

Анализ материала показал, что исследуемые субъектно-объектные отношения тесно связаны с категориальным значением переходности-непереходности в кабардино-черкесском языке, где одним из показателей переходности является префикс *гъэ-*. С помощью него оформляется конверсив, побуждающий кого-либо к определённой эмоции. Конверсив же, выражающий испытываемые под этим воздействием эмоции, может образовываться с помощью одного из аффиксов: *хуэ-* (*Къэхъуам лыр егъэнэщхъей* 'Случившееся огорчило мужчину' = *Лыр къэхъуам хуонэщхъей* 'Мужчина огорчился из-за случившегося'), *щы-* (*Ар лъагапIэм егъэшынэ* 'Его пугает высота' = *Ар лъагапIэм цошынэ* 'Он боится (пугается) высоты', *Нэхъыжъым цIалэр егъэукIытэ* 'Старший стыдит парня' = *ЩIалэр нэхъыжъым цоукIытэ* 'Парень стыдится старших'), *те-* (*Сабийм анэр егъэгужъей* 'Ребёнок повергает в панику мать' = *Анэр сабийм тегужъеикIац* 'Мать тревожится из-за ребёнка'), *ири-* (*Къуэм и ехъулIэныгъэхэм анэр ягъэгуфIэ* 'Успехи сына радуют мать' = *Анэр и къуэм и ехъулIэныгъэхэм ирогуфIэ* 'Мать радуется достижениям сына'). В обращённых конструкциях глагольные конверсивы могут создаваться также с помощью вспомогательных слов *и зранкIэ*, *ягъэкIэ* 'из-за, по вине кого-чего-л.', *цхъэкIэ* (*абы цхъэкIэ*) 'из-за, благодаря кому-чему-л.' и т. д. В этом случае глагол может принимать форму 3 лица (*Алим Алинэ егъэнэщхъей* 'Алим расстраивает Алину' = *Алинэ Алим ягъэкIэ нэщхъейщ* 'Алина грустит из-за Алима'; *Къуэм анэр егъэгущхуэ* 'Сын делает всё, чтобы мать гордилась им' = *Анэр къуэм цхъэкIэ мэгушхуэ* 'Мать испытывает гордость за сына'). Глагольные конверсивы часто содержат префикс *къэ-*, обозначающий становление эмоции: *ЩIалэ къыцIыхъам хъыджэбзыр къыгъэскIац* 'Вошедший напугал девушку' = *Хъыджэбзыр къэскIац цIалэ къыцIыхъам и зранкIэ* 'Девушка испугалась из-за (по вине) вошедшего'; *Сабийм фызыжъыр къегъэгубжэ* 'Ребёнок злит старушку' = *Фызыжъыр сабийм цхъэкIэ къогубжэ* 'Старушка злится из-за ребёнка'. В рассмотренных примерах представлены однокоренные глагольные конверсивы, более подходящие для выражения обратных выражений и которые сравнимы с залоговыми формами в русском

языке. Например, ср. *Крутизна обрыва пугает её* = *Она пугается крутизны обрыва*; *Победы больше не радовали старого императора* = *Старый император больше не радовался победам*; *Он разозлил друга* = *Друг разозлился на него* и т. д. Здесь грамматическим оформлением конверсива, выражающим эмоциональную реакцию на «раздражитель», становится постфикс -ся. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «лексическая конверсия – явление по существу залоговое..., глагол выработал специальную грамматическую форму выражения конверсных отношений – форму действительного и страдательного залога» [Апресян, 1974, с. 264]. Здесь уместно отметить и более поздние исследования [Падучева, 2001, 2004 ; Полежаева, 2003] и др. Для выражения соответствия между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями Е. В. Падучева использует понятие «диатеза» («изменение диатезы, маркированное формой глагола, – это и есть залог» [Падучева, 2004, с. 51]), введённое в лингвистическую терминологию ещё в 1970 году [Мельчук, Холодович, 1970].

Разнокорневые глагольные эмотивы также могут участвовать в субъектно-объектных выражениях. В кабардино-черкесском языке как и в предыдущих случаях, в конверсиве, вызывающем эмоции, в основном (но не всегда) присутствует префикс *гъэ*-. Например: *Псори абы зрегъэхъуапсэ* 'Он делает всё, чтобы ему завидовали' = *Псори абы йофыгъуэ* 'Все завидуют ему'; *Хъыджэбзым щIалэ куэд къыдихъэхащ* 'Девушка многих парней очаровала' = *ЩIалэ куэд хъыджэбзым къытолIэ* 'Многие парни сохнут по девушке'; *Хъэшхуэм сабийр хуабжъу игъэщтащ* 'Большая собака сильно напугала ребёнка' = *Хъэшхуэм сабийр хуабжъу шышынащ* 'Ребёнок сильно испугался большой собаки'; *Лыжьбыр и шыдым къыгъэгубжъащ* 'Старика разозлил его осёл' = *Лыжьбыр и шыдым ихъэкIэ къызэкIуэкIащ* 'Старик разозлился на своего осла'. Для сравнения: в русском языке в обращённых высказываниях вместо однокоренного залогового глагола могут употребляться разнокорневые глаголы, синонимичные их однокоренным вариантам. Ср. *Дочь разозлила отца* – *Отец рассердился* (вместо *разозлился*) *на дочь*; *Сметливость мальчика изумляет присутствующих* – *Присутствующие поражаются* (вместо *изумляются*) *сметливости мальчика*; *Все восторгались её красотой* – *Её красота восхищала* (вместо *восторгала*) *всех* и т. д. Здесь специальные аффиксы или вспомогательные слова, как правило, не используются.

Как отмечается во многих научных работах, в том числе и по кабардино-черкесскому языку, фразеологизмы играют важную роль в выражении эмоционального состояния человека [Синельникова, 2013 ; Токмакова, 2018]. Наибольшую активность в создании конверсных отношений здесь проявляют глагольные фразеэмотивы, которые могут состоять в обращённых выражениях с глаголами-словами. Например, *Абы щIалэр къыдихъэхащ* 'Она очаровала парня' = *ЩIалэм абы гухэлъ хуищIащ* 'Парень влюбился в неё'; *ЩIалэ цIыкIум и шыпхъур Iейуэ егъэдыхъэших* 'Мальчик сильно смешит сестрёнку' = *ЩIалэ цIыкIум и зэранкIэ и шыпхъур ныбафъуз хъуащ* 'Из-за мальчика его сестрёнка хохочет до упаду'; *Аминэ и шыпхъур игъэгъащ* 'Амина довела сестру до слёз' = *Аминэ и зэранкIэ и шыпхъум и нэпсыр къольгъэлъхъ* 'Из-за Амины у сестры слёзы текут'. В основном в подобных выражениях глагол, вызывающий эмоцию, оформляется префиксом *гъэ*-. Сравним с русским языком: *Игра музыканта берёт за душу (слушателей)* = *Слушатели тронуты игрой музыканта*; *Своей бестактностью она вогнала в краску родителей* = *Родители смущены её бестактностью*; *Увиденное испугало его* = *От увиденного у него волосы стали дыбом* и т. д.

Эмотивные фразеологизмы также могут самостоятельно вступать в конверсные отношения. Аналогично глаголам-словам исследуемые фразеологизмы-конверсивы могут иметь общие компоненты в своём составе: *Пхъум анэр арзы къеицI* 'Дочь радуется матери' = *Анэр пхъум ихъэкIэ арзы мэхъу* 'Мать довольна дочерью'; *ЛэжьбанIэм лIым бэуанIэ ираткъым* 'На работе мужчине и присесть не дают' = *ЛэжьбанIэм лIым бэуанIэ*

иццIэкъым 'На работе мужчина не имеет покоя'; *ЖиламкIэ Iэдэм и ныбжьээгъум и гуапэ ииццIаиц* 'Сказанным Адам обрадовал своего друга' = *Iэдэм жиIар и ныбжьээгъум и гуапэ хъуаиц* 'Благодаря сказанному Адамом его друг обрадовался'; *Аминэ Ирэ зыгуэр къыриццIэри и жагъуэ ииццIаиц* 'Амина что-то сделала Ире и обидела её' = *Ирэ Аминэ къыриццIар и жагъуэ хъуаиц* 'То, что сделала Амина, обидело Иру'. Такой тип конверсивных отношений продуктивен для кабардино-черкесского языка, чего нельзя сказать про русский язык: *Тяжёлые увечья солдата переворачивали всю душу медсестрам* = *У медсестёр душа болела из-за тяжёлых увечий солдата*; *Горькие воспоминания бередают сердце старика* = *У старика сердце кровью обливается из-за горьких воспоминаний*; *Аркадий быстро привёл в себя друга* = *Друг быстро пришёл в себя благодаря Аркадию* и т. д. Здесь для образования обратных выражений необходимы вспомогательные элементы – *из-за, благодаря* и т. д.

Конверсные фразеомотивы в кабардино-черкесском языке могут различаться только каузативным префиксом *гъэ-*: *Гуауэм нанэ и гур игъэфIыцIаиц* 'Горе вымотало душу бабушке' = *Гуауэм и зэранкIэ нанэ и гур уфIыцIаиц* 'Бабушка измучилась из-за горя'; *Гуаицэм и нысэр гузэвэгъуэм хигъэтиц* 'Свекровь постоянно третирует невестку' = *Гуаицэм и зэранкIэ нысэр гузэвэгъуэм хэтиц* 'Из-за свекрови невестка постоянно в тревоге'; *ХъыбарыфIым Нинэ дамэ къытригъэкIаиц* 'Хорошая новость сильно обрадовала Нину' = *Нинэ хъыбарыфIым ицхэкIэ дамэ къытекIаиц* 'Нина сильно обрадовалась (из-за) хорошей новости'; *Сымаджэныгъэм ицIалэ цIыкIум и гур егъэныкьюэ* 'Болезненность огорчает мальчика' = *ИцIалэ цIыкIум сымаджэныгъэм ицхэкIэ и гур ныкьюэиц* 'Мальчик огорчается из-за болезненности'.

Исследуемые фразеомотивы могут полностью различаться: *Адэм и къуэм и жагъуэ еицI* 'Отец доводит сына' = *Къуэм и адэм гукъеуэ хуеицI* 'Сын обижается на отца'; *ИцIалэр и жагъуээгъум дунейм тригъэткъым* 'Недруг парня не даёт ему житья' = *ИцIалэм и жагъуээгъум и зэранкIэ хъэзаб еиэч* 'Из-за недруга парень страдает'; *ХъыбарыфIым цIыхубзым и гум жьы дригъэхужаиц* 'Хорошая новость принесла облегчение женщине' = *ХъыбарыфIым и фIыгъэкIэ цIыхубзым и гу бампIэр тIысыжаиц* 'Благодаря хорошей новости тоска женщины прошла'; *Шынагъуэм и псэр хихаиц* 'Опасность испугала его' = *И гур фIэкIуэдаиц шынагъуэм и зэранкIэ* 'Он трусил из-за опасности'. Таких примеров в русском языке гораздо больше. Используя фразеологическое богатство русского языка, подобные конверсные пары несложно составить. Ср.: *Учитель нагнал страху на учеников* = *Ученики дрожат как осиновые листья перед учителем*; *Дама в голубом вскружила голову капитану* = *Капитан потерял голову из-за Дамы в голубом*; *Болтливая пассажирка довела машиниста до белого каления* = *У машиниста закипела кровь в жилах из-за болтливой пассажирки*, *Он заткнёт за пояс Петра* = *Пётр ему в подмётки не годится* и т. д.

Другим из структурных типов конверсивов-глаголов являются так называемые «конверсивы в себе», т. е. «слова, которые не имеют соответствующих конверсных противочленов и как бы заключают конверсные отношения «в себе» [Новиков, 1982, с. 218]. Для эмотивной лексики этот тип возможен при взаимности испытываемых чувств, к примеру, любовь, ненависть и т.д.: *ИцIалэм хъыджэбзыр фIыуэ ельагъуэ* 'Парень любит девушку' = *Хъыджэбзым ицIалэр фIыуэ ельагъуэ* 'Девушка любит парня'; *Ритэ Аминэ теплэ хъуркъым* 'Рита терпеть не может Амину' = *Аминэ Ритэ теплэ хъуркъым* 'Амина терпеть не может Риту'. Ср. *Мать любит сына* = *Сын любит мать*; *Жена дорожит мужем* = *Муж дорожит женой*. Подобные конверсивы А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев называют симметричными предикатами, обозначающие парные действия, для которых совместность обязательна [Зализняк, Шмелев, 2021, с. 36]. Они могут грамматически не оформляться (это касается главным образом русского языка). Для грамматического выражения подобных конверсивов в кабардино-черкесском языке ча-

сто используются для глаголов префиксы взаимности *зэхуэ-* (*Анэмрэ и пхьумрэ зэхуэарэзыиц* 'Мать и дочь довольны друг другом' = *Пхьумрэ и анэмрэ зэхуэарэзыиц* 'Дочь и мать довольны друг другом'), *зэры-* (*Фызыжьымрэ лыжьымрэ зэрогъэбампIэ* 'Старуха и старик раздражают друг друга' = *Лыжьымрэ фызыжьымрэ зэрогъэбампIэ* 'Старик и старуха раздражают друг друга') и суффикс *-рэ* для существительных, соединяющий субъект и объект как однородные члены. Следует отметить, что при создании обратных выражений обязательно наличие объекта и субъекта, хотя в речи для показания взаимных чувств достаточно одного выражения с указанием в нём и объекта, и субъекта, и взаимности испытываемых эмоций. Ср.: *Аминэрэ Тинэрэ зэрогъэдыхъиш* 'Амина и Тина смешат друг друга', *Тинэрэ Аминэрэ зэрогъэдыхъиш* 'Тина и Амина смешат друг друга', *ХьыджэбзитIыр зэрогъэдыхъиш* 'Девушки смешат друг друга'. Если сравним с русским языком, то можно в нём выделить группу фразеологизмов, семантически подразумевающих совместность действия и потому подходящую для «конверсов в себе»: *Машиа жывёт с Дашей душа в душу* = *Даша жывёт с Машей душа в душу*; *Отец души не чаёт в дочери* = *Дочь души не чаёт в отце*; *Старик жывёт со старухой как кошка с собакой* = *Старуха жывёт со стариком как кошка с собакой*; *Петрович был на ножках с соседями* = *Соседи были на ножках с Петровичем* и т. д.

3. Заключение [Conclusion]

Как показало проведённое исследование, для выражения эмотивных конверсивных отношений в кабардино-черкесском языке используются, как правило, глаголы. Подобные субъектно-объектные отношения связаны с категорией переходности-непереходности. В конверсивной паре глагол (и в составе фразеомотивов в том числе), побуждающий к определённой эмоции, часто оформляется каузативным префиксом *гъэ-*, а глагол, демонстрирующий испытываемые чувства, аффиксами *хуэ-*, *цы-*, *те-*, *ури-* и т. д. В обращённых конструкциях глагольные конверсивы могут создаваться также с помощью вспомогательных слов *и зэранкIэ*, *ягъэкIэ* 'из-за, по вине кого-чего-л.', *ицхъэкIэ* (*абы ицхъэкIэ*) 'из-за, благодаря кому-чему-л.' и т. д. В этом случае глагол может принимать форму 3 лица. Сказанное касается, в первую очередь, однокоренных глагольных конверсивов. Разнокорневые глагольные конверсивы в кабардино-черкесском языке также могут использоваться в речи с привлечением указанных аффиксов.

Активное участие фразеологизмов в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка проявляет себя и в конверсивных отношениях. Глагольные фразеомотивы могут вступать в обращённые высказывания с глаголами-словами, с другими фразеологизмами с общим компонентом, различаться полностью или только каузативным префиксом *гъэ-*. При этом, как и в случае с однокоренными конверсивными глаголами, могут использоваться перечисленные аффиксы и вспомогательные слова.

При использовании обратных выражений предпочтение отдаётся однокоренным глаголам и фразеомотивам с общим компонентом. Причина может быть в более точном совпадении вызываемой и испытываемой эмоций. Преимуществом разнокоренных глагольных конверсивов и фразеомотивов, полностью различающихся по лексическому составу, является вариативность, а также возможное применение синонимических слов и выражений.

Конверсивы «в себе» в эмотивной лексике возможны только при взаимности испытываемых чувств. Для грамматического выражения подобных конверсивов в кабардино-черкесском языке часто используются для глаголов префиксы взаимности *зэхуэ-*, *зэры-* и суффикс *-рэ* для существительных, соединяющий субъект и объект как однородные члены. Следует отметить, что при наличии субъекта, объекта и глагола, выражающего взаимные чувства, в одном выражении (предложении), обращённое высказывание становится семантически избыточным.

Библиографический список

- Апажев, 1992 – Апажев М. Л. Проблемы кабардинской лексики. Нальчик : Эльбрус, 1992. 336 с.
- Апресян, 1974 – Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М. : Наука, 1974. 368 с.
- Ахманова, 1966 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
- Бабанлы, 2016 – Бабанлы Г. Конверсии в частях речи // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. С. 17–19.
- Бабицкий, 1965 – Бабицкий К. И. О синтаксической синонимии предложений в естественных языках // Научно-техническая информация. 1965. № 6. С. 21–25.
- Вольф, 1989 – Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1989. С. 55–75.
- Добровольский, 2011 – Добровольский Д. О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М. : Языки славянских культур, 2011. С. 207–227.
- Жолковский, Мельчук, 1967 – Жолковский А. К., Мельчук И. А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. 1967. Вып. 19. С. 177–238.
- Зализняк, Шмелев, 2021 – Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Исследования по русской и компаративной семантике. М. : Изд. Дом ЯСК, 2021. 552 с.
- Иванова, 2016 – Иванова И. Е. Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы ее лексикографирования : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.01 ; Волгоградский гос. соц.-пед. ун-т. Волгоград, 2016. 183 с.
- Игнатъева, Антонова, 2018 – Игнатъева Т. С., Антонова Н. А. Случаи омонимии в английском языке и способы ее представления (на примере функциональных слов what и very) // Научный диалог. 2018. № 9. С. 20–32. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-9-20-32>
- Ильинская, 2006 – Ильинская О. Г. Языковая природа конверсии и типы конверсивов в современном русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Российский ун-т дружбы народов. М., 2006. 193 с.
- КРФС, 1968 – Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик : Эльбрус, 1968. 344 с.
- Кумахов, 1964 – Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 272 с.
- Кумахов, 2006 – Кумахов М. А. Дифференциация именных и глагольных основ // Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Нальчик : Эль-Фа, 2006. С. 83–87.
- КЧЯ, 2006 – Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Нальчик : Эль-Фа, 2006. 552 с.
- Лайонз, 1978 – Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М. : Прогресс, 1978. 544 с.
- Ломтев, 1969 – Ломтев Т. П. Парадигматика предложений на основе конвертируемости отношений // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М. : Наука, 1969. С. 104–115.
- Ляшевская, Падучева, 2011 – Ляшевская О. Н., Падучева Е. В. Онтологические категории имен эмоций // Научно-техническая информация. Сер. 2 : Информационные процессы и системы. 2011. № 5. С. 23–31.
- Мельчук, Холодович, 1970 – Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111–124.
- Новиков, 1982 – Новиков Л. А. Семантика русского языка. М. : Высшая школа, 1982. 272 с.
- Падучева, 2001 – Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
- Падучева, 2004 – Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянской культуры. 2004. 608 с.
- Полежаева, 2003 – Полежаева С. С. Комплексный анализ оппозиций эмотивных глаголов типа беспокоиться – беспокоить, радоваться – радовать : дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.01 ; МГУ. М., 2003. 236 с.

- Реформатский, 1967 – Реформатский А. А. Введение в языковедение. М. : Просвещение, 1967. 544 с.
- Синельникова, 2013 – Синельникова И. И. Эмотивные фразеологизмы французского языка в полевого аспекте. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. 188 с.
- СКЯ, 1999 – Словарь кабардино-черкесского языка. М. : Дигора, 1999. 852 с.
- Смирницкий, 1956 – Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.
- СЯАК, 2022 – Словарь языка Алима Кешокова. Нальчик : Фрегат, 2022. 1136 с. (на кабардинском языке).
- Токмакова, 2009 – Токмакова М. Х. Проблемы эмотивной лексики кабардино-черкесского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 4. С. 195–200.
- Токмакова, 2017 – Токмакова М. Х. Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. Нальчик : Изд-во М и В. Котляровых, 2017. 274 с.
- Токмакова, 2018 – Токмакова М. Х. Эмотивные фразеологизмы кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 1. 2018. № 4–1 (82). С. 185–188. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.43>
- Чередниченко, Андросова, 2023 – Чередниченко О. А., Андросова С. В. Особенности функционирования служебных слов 因为, 由于 в текстах разных жанров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 164–175. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_164
- Шаховский, 1987 – Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 192 с.
- Fillmore, 1969 – Fillmore Ch. J. Types of lexical information // Studies in syntax and semantics. Foundations of Language. Supplementary Series. 1969. Vol. 10. P. 109–137.
- Palmer, 1976 – Palmer P. R. Semantics. A new outline. Cambridge : University Press, 1976. XIII. 164 p.
- Tokmakova, Bizhiov, 2021 – Tokmakova M. H., Bizhiov B. Ch. Reflection of national consciousness in the emotiology of kabardino-circassian language // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EPSBS). 2021. Vol. 117: International Conference on Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2021) P. 1539–1545. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.11.203>

References

- Apazhev, M. L. (1992). *Problemy kabardinskoy leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik : El'brus Press. (In Russ.).
- Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Akhmanova, O. S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Babanly, G. (2016). Konversii v chastyakh rechi [Conversions in parts of speech]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2 (15), 17–19. (In Russ.).
- Babitsky, K. I. (1965). O sintaksicheskoy sinonimii predlozheniy v yestestvennykh yazykakh [On the syntactic synonymy of sentences in natural languages]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [Scientific and Technical Information], 6, 21–25. (In Russ.).
- Wolf, E. M. (1989). Emotsional'nyye sostoyaniya i ikh predstavleniye v yazyke [Emotional states and their representation in language]. In N. D. Arutyunov (Ed.), *Logicheskiy analiz yazyka. Problemy intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts] (pp. 55–75). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Dobrovolsky, D. O. (2011). Konversiya i aktantnaya derivatsiya vo frazeologii [Conversion and actant derivation in phraseology]. In I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (Ed.), *Slovo i yazyk: Sb. statey k vos'midesyatiletuyu akad. Yu. D. Apresyana* [Word and language: Sat. articles for the eightieth anniversary of Acad. Yu. D. Apresyan] (pp. 207–227). Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).

- Zholkovsky, A. K., & Melchuk, I. A. (1967). O semanticheskom sinteze [On semantic synthesis]. *Problemy kibernetiki* [Problems of Cybernetics], 19, 177–238. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A., & Shmelev, A. D. (2021). *Issledovaniya po russkoy i komparativnoy semantike* [Studies in Russian and comparative semantics]. Moscow : YASK Press. (In Russ.).
- Ivanova, I. E. (2016). *Reprezentatsiya konversivnoy leksiki v sovremennom russkom yazyke i problemy yeye leksikografirovaniya* [Representation of the Conversive Vocabulary in the Modern Russian Language and the Problems of its Lexicography]. PhD in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Social and Pedagogical University. (In Russ.).
- Ignatyeva, T. S., & Antonova, N. A. (2018). Sluchai omonimii v angliyskom yazyke i sposoby yee predstavleniya (na primere funktsional'nykh slov what i very) [Homonymy in English language and means of its representation (On example of functional words what and very)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 9, 20–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-9-20-32>
- Ilyinskaya, O. G. (2006). *Yazykovaya priroda konversii i tipy konversivov v sovremennom russkom i angliyskom yazykakh* [Linguistic nature of conversion and types of conversives in modern Russian and English]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : RUDN University. (In Russ.).
- KRFS, (1968). *Kabardinsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'*. [Kabardian-Russian phraseological dictionary]. Nalchik : El'brus Press. (In Russ.).
- Kumakhov, M. A. (1964). *Morfologiya adygskiykh yazykov* [Morphology of the Adyghe languages]. Nalchik : Kabardino-Balkarskoye Press. (In Russ.).
- Kumakhov, M. A. (2006). Differentsiatsiya imennykh i glagol'nykh osnov [Differentiation of nominal and verb stems]. *Kabardino-cherkesskiy yazyk* [Kabardino-Circassian language.] (Vol. 1, pp. 83–87). Nalchik : El'-Fa Press. (In Russ.).
- KChYA, (2006) *Kabardino-cherkesskiy yazyk* [Kabardino-Circassian language]. Vol. 1. Nalchik: El'-Fa Press. (In Russ.).
- Lyons, J. (1978). *Vvedeniye v teoreticheskuyu lingvistiku* [An introduction to theoretical linguistics]. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Lomtev, T. P. (1969). Paradigmatika predlozheniy na osnove konvertiruyemosti otnosheniy [Sentence paradigmatics based on relationship convertibility]. *Invariantnyye sintaksicheskiye znacheniya i struktura predlozheniya* [Invariant syntactic meanings and sentence structure] (pp. 104–115). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Lyashevskaya, O. N., & Paducheva, E. V. (2011). Ontologicheskiye kategorii imen emotsiy [Ontological categories of emotion names]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2 : Informatsionnyye protsessy i sistemy* [Scientific and Technical Information. Series 2: Information Processes and Systems], 5, 23–31. (In Russ.).
- Melchuk, I. A., & Kholodovich, A. A. (1970). K teorii grammaticheskogo zaloga [On the theory of grammatical voice]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa], 4, 111–124. (In Russ.).
- Novikov, L. A. (1982). *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language]. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2001). Kausativnyy glagol i dekausativ v russkom yazyke [Causative verb and decausative in Russian]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 1, 52–79. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow : Yazyki slavyanskoj kul'tury Press. (In Russ.).
- Polezhaeva, S. S. (2003). *Kompleksnyy analiz oppozitsiy emotivnykh glagolov tipa bespokoit'sya – bespokoit', radovat'sya – radovat'* [Complex analysis of oppositions of emotive verbs such as worry - disturb, rejoice – please]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : MGU. (In Russ.).
- Reformatsky, A. A. (1967). *Vvedeniye v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow : Prosveshcheniye Press. (In Russ.).
- Sinelnikova, I. I. (2013). *Emotivnyye frazeologizmy frantsuzskogo yazyka v polevom aspekte* [Emotive phraseological units of the French language in the field aspect]. Belgorod : ID «Belgorod» NIU «BelGU» Press. (In Russ.).
- SKYA, (1999). *Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of the Kabardian-Circassian language]. M. : Digora Press. (In Russ.).

- Smirnitsky, A. I. (1956). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow : Literatura na inostrannykh yazykakh Press. (In Russ.).
- SYAK, (2022). *Slovar' yazyka Alima Keshokova* [Dictionary of the language of Alim Keshokov]. Nalchik : Fregat Press. (In Kabardino-Circassian).
- Tokmakova, M. Kh. (2009). Problemy emotivnoy leksiki kabardino-cherkesskogo yazyka [Problems of emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 4, 195–200. (In Russ.).
- Tokmakova, M. H. (2017). *Emotivnaya leksika kabardino-cherkesskogo yazyka* [Emotive vocabulary of the Kabardian-Circassian language]. Nalchik : M. and V. Kotlyarov Press. (In Russ.).
- Tokmakova, M. Kh. (2018). Emotivnyye frazeologizmy kabardino-cherkesskogo yazyka [Emotive phraseological units of the Kabardino-Circassian language]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. CH. 1* [Philology. Theory & Practice. Part 1], 4–1 (82), 185–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.43>
- Cherednichenko, O. A., & Androsova, S. V. (2023). Osobennosti funktsionirovaniya sluzhebnykh slov 因为, 由于 v tekstakh raznykh zhanrov [Functioning patterns of grammatical words 因为, 由于 in texts of different genres]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (2), 164–175. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_2_164
- Shakhovsky, V. I. (1987). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Voronezh : Voronezh University Press. (In Russ.).
- Fillmore, Ch. J. (1969). Types of lexical information Studies in syntax and semantics. *Foundations of Language. Supplementary Series*, 10, 109–137.
- Palmer, P. R. (1976). *Semantics. A new outline*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Tokmakova, M. Kh., & Bizhoyev, B. Ch. (2021). Reflection of national consciousness in the emotiology of kabardino-circassian language. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (EpSBS), 117, 1539–1545. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.11.203>

Статья поступила в редакцию 11.02.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 03.11.2023.
The article was submitted 11.02.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 03.11.2023.

Фомичева Яна Алексеевна, Шустова Светлана Викторовна✉
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
lanaschust@mail.ru

Язык вражды как коммуникативная категория

Аннотация

Настоящее исследование нацелено на определение и описание функционального потенциала языковых единиц в аспекте актуализации речевой агрессии в выступлениях политиков. «Язык вражды», используемый людьми для выражения негативных чувств и эмоций к другим людям или группам, представляет собой негативные и грубые фразы и выражения. Данные выражения могут быть направлены на любую категорию людей, включая расовые, этнические, политические или религиозные группы. «Язык вражды» может быть основан на стереотипах и предрассудках, которые могут быть ложными или преувеличенными. Материалом для исследования послужили цитаты политиков за период 2021–2023 гг., взятые из статей современной прессы (Nikkei Asia, Reuters), а также из видео выступлений на канале YouTube общим объёмом 200 контекстов. Компонентный и контекстуальный анализ, а также анализ словарных дефиниций выявили целый ряд признаков нарастающей речевой агрессии, к которым относится употребление лексических единиц со значением военных действий, ядерной войны, оружия массового поражения и результирующих катастрофических последствий. Применение такой лексики по отношению к ситуациям невоенного характера носит явный манипулятивный характер. Коммуникативная категория речевой агрессии может быть использована для создания разделения и конфликта между группами людей. Следует отметить, что частая эксплуатация «языка вражды» может привести к более серьёзным проблемам, таким как дискриминация и насилие.

Ключевые слова: феномен политкорректности, язык вражды, речевая агрессия, коммуникативная категория, значение, коннотация

© Фомичева Я. А., Шустова С. В. 2023

Для цитирования: Фомичева Я. А., Шустова С. В. Язык вражды как коммуникативная категория // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 147–156. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_147

Yana A. Fomicheva, Svetlana V. Shustova✉
Perm State University
Perm, Russian Federation
lanaschust@mail.ru

Hate speech as a communicative category

Abstract

The current paper aims at determining and describing functional potential of language units to actualize verbal aggression in politicians' speeches. The "hate speech" used by people to express negative feelings and emotions towards other people or groups includes negative and rude phrases and expressions. These expressions can be targeted at any category of people whether it is a racial, ethnic, political or religious group. "Hate speech" may be based on stereotypes and prejudices that may be false or exaggerated. We used politicians' quotations for the period of 2021–2023 as the material for this study. The total of 200 tokens were selected from articles in modern media (Nikkei Asia, Reuters) as well as from videos on YouTube. Component, contextual and dictionary definitions analyses enabled to discover the features of growing verbal aggression expressed in the use of lexical

units with the meaning of military action, nuclear war, weapons of mass destruction and the resulting catastrophic consequences. Applying such units to the situations of non-military nature is an obvious demonstration of manipulative strategy. The communicative category of “hate speech” can be used to separate groups of people and nurture a conflict between them. It should be noted that the use of “hate speech” can lead to more serious consequences, such as discrimination and violence.

Keywords: phenomenon of political correctness, hate speech, verbal aggression, communicative category, meaning, connotation

© Fomicheva Ya. A., Shustova S. V. 2023

For citation: Fomicheva, Ya. A., Shustova, S. V. (2023). Yazyk vrazhdy kak kommunikativnaya kategoriya [Hate speech as a communicative category]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 147–156. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_147

1. Введение [Introduction]

Язык вражды становится предметом исследований не только лингвистов [Василенко, 2020 ; Гладилин, 2012 ; Дзялошинский, 2006 ; Щербина, 2012], но и политологов, историков, философов, социологов, культурологов [Фадеева, 2015 ; Галяшина, Никишин, 2021]. Одним из самых неоднозначных аспектов демократического строя в современном мире являются противоречивые отношения между провозглашённой «свободой слова», с одной стороны, и наличием законов и институтов, регулирующих публичную устную и письменную речи граждан демократической страны, запрещающих употребление высказываний оскорбительного и клеветнического характера, а также провоцирующих враждебное отношение и ненависть – с другой стороны [Гладилин, 2012, с. 67].

Так возникло явление противоположное политкорректности – речевая агрессия. Речевая агрессия «понимается как комбинация сценариев, которые используются оппонентами как средства вербального нападения или защиты» [Горелик и др., 2022, с. 1243]. «Любой конфликт как столкновение интересов коммуникантов порождает речевую агрессию, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте» [Кошкарлова, 2009, с. 49].

У. О. Малярчук-Прошина и Р. Ю. Кравчук указывают на множество причин формирования речевой агрессии: падение культурного общего уровня населения, снижение контроля за соблюдением необходимых речевых норм. Авторы отмечают, что «речевая агрессия в качестве яркого экспрессивного средства достаточно активно влияет на читателей, формируя отрицательное восприятие личностей, фактов или событий, создавая при этом оценки массового сознания. В результате речевая агрессия побуждает людей к действию, позволяя манипулировать поступками и мыслями читателей» [Малярчук-Прошина, Кравчук, 2019, с. 111].

Ц е л ь ю исследования является определение и описание функционального потенциала языковых единиц в аспекте актуализации речевой агрессии в выступлениях политиков на материале английского языка. Функциональный потенциал включает стилистические, семантические и прагматические особенности функционирования языковых единиц.

2. Речевая агрессия в политическом дискурсе [Verbal aggression in political discourse]

Говоря о речевой агрессии, следует упомянуть о таком смежном явлении как «язык вражды». «Язык вражды – это слова и выражения, которые подсознательно или явно программируют людей на агрессию, являются её пусковым механизмом» [Щербина, 2012, с. 172]. Таким образом, феномены политкорректности и «языка вражды» яв-

ляются противоположными явлениями. Политическая культура общества играет важную роль в формировании этих явлений. «Язык вражды» может привести к конфликтам, напряженной обстановке в обществе, в то время как политкорректность наоборот является инструментом стабилизации.

Серьёзность проблемы, которую в современном мире создаёт «язык вражды», сложно переоценить. Целевые категории, охваченные применением этого манипулятивного инструмента и пострадавшие от него включают как индивидуумов, так и отдельные группы людей независимо от их размера и характера (большие и малые, этнические религиозные и т. п., даже целые расы). Результатом использования подобного языка могут стать внутренние и даже международные конфликты. Такой деструктивный потенциал «языка вражды» должен был стать причиной повышенного интереса правоведов к данному феномену. Между тем, на данный момент термин в нормативно-правовых документах значительного количества стран остаётся незакреплённым, хотя «публичное использование элементов «языка вражды» во многих случаях влечёт за собой административную и уголовную ответственность» [Василенко, 2020, с. 71]. Е. Н. Василенко определяет «язык вражды» как «совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях, отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости» [Там же].

Под термином «язык вражды» понимают «всю совокупность текстов (а также заголовков, фотографий и иных элементов) средств массовой информации, прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы неприязни» [Дзялошинский, 2006, с. 4]. Проблема лингвистического анализа «языка вражды» стала особенно актуальной в России в середине 2000-х гг., когда противодействия коммуникативному экстремизму стало фактически массовым государственным заказом для лингвистов в виде лингвистической экспертизы текстов, «подозреваемых в экстремизме» [Гладилин, 2012, с. 67]. По мнению исследователя «язык вражды» – это частный случай так называемой коммуникации, основанной на предубеждениях и дискриминации (*Prejudiced and Discriminatory Communication*), соответственно, эксплуатирующей существующие социальные стереотипы, предубеждения и дискриминацию [Там же]. Е. И. Галяшина и В. Д. Никишин согласны мнением А. В. Гладиллина, но считают «что он представляет собой коммуникативный феномен, который имеет куда более сложную семантическую и прагматическую природу и не исчерпывается названными явлениями» [Галяшина, Никишин, 2021, с. 558].

«Язык вражды, проявляется ли он в сфере межэтнических или иных отношений, в качестве «экономии мышления» использует и транслирует стереотипные представления. В сфере межэтнических отношений это – этнические стереотипы как упрощенные образы этноса, в других сферах это могут быть гендерные, возрастные и прочие субкультурные стереотипы как упрощенные образы соответствующей группы. При этом негативный смысл несут в себе гетеростереотипы, тогда как автостереотипы преимущественно выступают со знаком плюс. Неверифицируемость, эмоционально-оценочный характер, невосприимчивость к новому, устойчивость и согласованность превращают социальные стереотипы в пространство распространения языка вражды» [Фадеева, 2015, с. 20–24].

В последние десятилетия в языкознании основное внимание лингвистов направлено на изучение реальной коммуникации в различных сферах и ситуациях человеческого взаимодействия. Всё большую актуальность приобретает исследование составляющих речевого общения – коммуникативных категорий [Карабань, 2010, с. 92–95]. Е. П. Захарова определяет коммуникативную категорию, как «катеорию речевого общения, представляющую собой совокупность установок и правил речевого поведения в данном обществе и участвующую в организации и / или регулировании коммуникативного процесса.

Коммуникативная категория имеет определённую структуру (линейную, полевою, объёмную), собственное коммуникативное содержание и располагает разнообразными языковыми и речевыми, в том числе невербальными, средствами выражения этого содержания» [Захарова, 1998, с. 87]. Н. А. Гладилин приводит следующие примеры проявления «языка вражды»: «Россия для русских! Остановим чёрных!»; «Кто-то из современных жителей Москвы может называть современных московских гастарбайтеров – выходцев из Средней Азии – чурбанами и чучмеками»; «ненависть «нормальных» граждан к социальным низам: бичи, бомжи, алкаши, нищета, гопота» и др. [Гладилин, 2012, с. 67].

М а т е р и а л о м для настоящего исследования послужили статьи современной прессы: Nikkei Asia, Reuters; видео из сервиса YouTube общим объёмом 200 контекстов (2021–2023 гг.), в которых актуализируется речевая агрессия путём использования языковых единиц, включающих в семантический потенциал элементы манипуляции, эксплицитной или имплицитной агрессии. В качестве методов и приёмов исследования использовались следующие: метод направленной выборки (работа по отбору языкового материала, содержащего элементы манипуляции и агрессии); метод компонентного анализа (разложение значений на минимальные семантические составляющие с целью выявления и представления семантической структуры данных единиц); контекстуальный анализ; лексикографический метод (словарные дефиниции); описательный метод, включающий приёмы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения, систематизации.

В качестве примеров приведём анализ нескольких цитат из публичных выступлений действующего американского президента. Джо Байден – американский государственный и политический деятель, избранный 20 января 2021 г.

26 апреля 2023 г. На пресс-конференции по результатам встречи с южнокорейским лидером глава Белого дома Джо Байден пригрозил властям Северной Кореи смелой режим, если Пхеньян попытается нанести ядерные удары по территории Соединённых Штатов или государств союзников.

«*A nuclear attack by North Korea against the United States or its allies or partners is unacceptable and will result in the end of whatever regime, were it to take such an action*» [Nikkei Asia, 2023] – 'Ядерный удар Северной Кореи по США или их союзникам и партнерам неприемлем и приведёт к **концу** любого режима, который предпримет подобные действия' (Перевод наш).

Отношения между США и Северной Кореей можно охарактеризовать как напряжённые и конфликтные. Конфронтация сторон началась после Второй мировой войны, когда Корея была разделена на Северную и Южную зоны влияния, управляемые Советским Союзом и США соответственно. В 1950 году началась Корейская война, в результате которой было заключено перемирие, однако мирный договор до сих пор не подписан. Среди причин вражды между США и Северной Кореей можно выделить: идеологические разногласия, ядерные амбиции Северной Кореи, а также действия Северной Кореи, которые рассматриваются как угроза для региональной и мировой стабильности. В течение последних десятилетий Северная Корея проводила испытания ядерного оружия и ракетных запусков, что вызывало осуждение со стороны международного сообщества, включая США. В ответ на это, США ввели санкции против Северной Кореи и демонстрировали свою военную мощь в регионе. Несмотря на все это, периодически возникают попытки дипломатического урегулирования конфликта между двумя странами.

Данный контекст за счёт своей оценочности, семантики языковых единиц показывает авторское осуждение, неприемлемость подобной деятельности. Следует отметить, что участниками конфликта являются не лидеры стран, а непосредственно США и Северная Корея. Исходя из этого, можно сделать вывод, что это не просто противостояние политических лидеров, а противостояние народов.

США и Северная Корея являются пространственными категориями, но проанализировав данный контекст, можно сделать вывод, что речь идет не о территориях и странах, заявленных в высказывании, а о государственных интересах и отношениях. В данном контенте используется термин *nuclear attack* 'ядерный удар', который в данном контексте замещается лексемой нейтральной семантики *action* 'действие'. Рассмотрим значения его составляющих по данным словарей.

Nuclear – relating to the energy that is released when the nucleus (= central part) of an atom is divided; relating to the nucleus (= central part) of an atom [CD]; nuclear means relating to the nuclei of atoms, or to the energy released when these nuclei are split or combined. [CNSD]; using, producing or resulting from nuclear energy; connected with weapons that use nuclear energy [OLD]. В соответствии с этими дефинициями, в словарях [CD ; CNSD ; OLD] реализуется значение *ядерная энергия (nuclear energy)*. В словаре [OLD] добавляется значение оружие, которое связано с ядерной энергией (*connected with weapons that use nuclear energy*). Именно это значение слова реализуется в данном контексте.

An attack – a violent act intended to hurt or damage someone or something; a strong criticism of someone or something; a sudden, short illness [CD]; to attack a person or place means to try to hurt or damage them using physical violence; If you attack a person, belief, idea, or act, you criticize them strongly [CNSD]; an act of using violence to try to hurt or kill somebody; an act of trying to kill or injure the enemy in war, using weapons such as guns and bombs; [OLD]. В словарях [CD ; CNSD ; OLD], согласно дефинициям, реализуются значения насильственного действия (*violent act*) и причинения вреда и ущерба (*hurt or damage them*). В контексте актуализируется значение в аспекте возможной опасности, угрозы по отношению к Северной Корее и её странам-союзникам.

An action – something that you do; things that are happening, especially exciting or important things [CD]; action is doing something for a particular purpose; an action is something that you do on a particular occasion [CNSD]; the process of doing something in order to make something happen or to deal with a situation; a thing that somebody does [OLD]. Все приведённые словарные дефиниции [CD ; CNSD ; OLD] указывают на значения действия, которое выполняется (*something that you do*). В контексте значение лексемы нейтрализуется. Значение слова не соответствует данному контексту. Семантический анализ лексем *nuclear attack* 'ядерный удар' и *action* 'действие' показывает, что значение понятия *nuclear attack* 'ядерный удар' нейтрализуется и сводится до обычного действия. В рамках данного противопоставления можно сделать вывод о том, что это коммуникативная манипуляция. Результат ядерного удара (*nuclear attack*) приведёт к концу любого режима (*end of whatever regime*).

An end – the final part of something such as a period of time, activity, or story; the furthest part or final part of a place or thing; the time when something stops happening [CD]; the end of something such as a period of time, an event, a book, or a film is the last part of it or the final point in it [CNSD]; the final part of a period of time, an event, an activity or a story; a situation in which something does not exist any more [OLD]. Во всех словарях дефиниции демонстрируют значение финала (ключевое слово *final*) [CD ; CNSD ; OLD]. В контексте лексема обладает отрицательной коннотацией. Значение слова не совпадает с его смыслом в данном контексте. Лексема *end* в данном контексте означает уничтожение нации, исчезновение государства и также является средством коммуникативной манипуляции.

11 августа 2023 г. американский лидер выступил на мероприятии в штате Юта по сбору средств на его предвыборную кампанию. Когда речь зашла о Китае, Дж. Байден сказал следующие слова: «*China is a ticking time bomb ... China is in trouble. China was growing at 8% a year to maintain growth. Now close to 2% a year*» [Reuters, 2023] – 'Китай – бомба с часовым механизмом (досл. тикающая)... У Китая проблемы. Китай рос со скоростью 8% в год, а сейчас ближе к 2% в год' (Перевод наш).

Конфликты между США и Китаем начались во времена Холодной войны. Впоследствии, конфликты возникали из-за торговых споров, кибератак, прав человека, сферы влияния и других геополитических вопросов. Причины вражды между США и Китаем: экономическая конкуренция, геополитические амбиции, разногласия по поводу прав человека, территориальные споры и различия в политических системах. Обе страны также соперничают за влияние в регионе Азии-Тихоокеанского региона. Несмотря на все это, обе страны также имеют обширные экономические и торговые отношения, и периодически предпринимают попытки улучшить свои отношения через дипломатические переговоры и диалог. В этом контексте речь идёт о том, что, по мнению Дж. Байдена, Китай сталкивается с серьёзными экономическими трудностями, включая высокий уровень безработицы. Данный контекст за счёт своей оценочности, семантики языковых единиц показывает, что страны находятся в состоянии конкуренции. США и Китай являются странственными категориями, но проанализировав данный контекст, можно сделать вывод, что речь идёт о государственных отношениях. Метафора *a ticking time bomb* и стёртая метафора *trouble* используются для создания мысленного образа, аналогии в сознании реципиента, тем самым привлекая внимание к текущему положению дел.

A bomb – a weapon that explodes and causes damage [CD]; a device which explodes and damages or destroys a large area; nuclear weapons sometimes referred the bomb [CNSD]; a weapon designed to explode at a particular time or when it is dropped or thrown [OLD]. Во всех словарях, согласно дефинициям, реализуется значение оружия, которое взрывается (weapon that explodes) [CD ; CNSD ; OLD]. В контексте словосочетание обладает отрицательной коннотацией.

A trouble – problems, difficulties, or worries [CD]; If you say that one aspect of a situation is the trouble, you mean that it is the aspect which is causing problems or making the situation unsatisfactory; your troubles are the things that you are worried about [CNSD]; a problem, worry, difficulty, etc. or a situation causing this; a situation in which you can be criticized or punished; a situation that is difficult or dangerous; an angry or violent situation [OLD]. Во всех словарях реализуется значения 'проблема' (*problem*) и 'трудность' (*difficulty*) [CD ; CNSD ; OLD]. Значение слова совпадает с его смыслом в данном контексте.

Президент Америки также утверждает:

They have got some problems. That's not good because when bad folks have problems, they do bad things [Reuters, 2023] – 'У них проблемы. И это не хорошо, ведь когда у **плохих людей** проблемы, они совершают **плохие поступки**' (Перевод наш).

Bad – not pleasant; of low quality; very serious or severe [CD]; Something that is bad is unpleasant, harmful, or undesirable; You use bad to indicate that something unpleasant or undesirable is severe or great in degree; A bad idea, decision, or method is not sensible or not correct [CNSD]; unpleasant; of poor quality; below an acceptable standard [OLD]. Из вышеприведённых словарных дефиниций [CD ; CNSD ; OLD] ясно, что реализуется значение чего-то неприятного (not pleasant / unpleasant). В контексте данные словосочетания обладают отрицательной коннотацией. Лексический повтор *bad folks, bad things* используется Джо Байденом для придания речи экспрессивности. Данное речевое действие классифицируется как навешивание ярлыков, с помощью которых выстраивается манипулятивная логическая цепочка: плохие парни → плохие поступки → проблемы.

Приведённые примеры демонстрируют эксплуатацию военной риторики – установку на метафоры войны – для невоенных ситуаций. Это вполне может быть следствием обострённой в настоящее время политической ситуации в мире и тем общим фоном, который она создаёт.

Для сравнения приведём более ранние цитаты из обращения Барака Обамы, экс-президента США. 31 августа 2010 года американский президент заявил об окончании войны в

Ираке после того, как последние американские войска покинули страну. Причины войны: наличие оружия массового уничтожения, связи с террористическими группировками, режим Саддама Хусейна и его нарушения международных норм. Окончание войны сопровождалось снижением речевой агрессии в выступлениях первого лица страны.

*Tonight, I'd like to talk to you about the end of our combat mission in Iraq, the ongoing security **challenges** we face...* [YouTube, 2010]. – 'Сегодня я бы хотел рассказать вам об окончании нашей военной миссии в Ираке, о текущих **проблемах** безопасности, с которыми мы сталкиваемся...' (Перевод – наш).

A challenge – something that is difficult and that tests someone's ability or determination; an invitation to compete in a game or a fight; an expression of disagreement with ideas, rules, or someone's authority [CD]; something new and difficult which requires great effort and determination; something is a questioning of its truth or value [CNSD]; a new or difficult task that tests somebody's ability and skill; an invitation or a suggestion to somebody that they should enter a competition, fight, etc.; a statement or an action that shows that somebody refuses to accept something and questions whether it is right, legal, etc. [OLD]. Как видно из этих дефиниций, в словарях [CD ; CNSD ; OLD] реализуется значение чего-то сложного (difficult). В контексте лексема обладает нейтральной коннотацией, однако при переводе лексема приобретает отрицательную коннотацию – проблема. Значение слова не совпадает с его смыслом в данном контексте.

*We've endured a long and painful **recession*** [YouTube, 2010]. – 'Мы пережили долгую и болезненную **рецессию**' (Перевод – наш).

A recession – a time when the economy country is not successful [CD]; a period when the economy of a country is doing badly, for example because industry is producing less and more people are becoming unemployed [CNSD]; a difficult time for the economy of a country, when there is less trade and industrial activity than usual and more people are unemployed; the movement backwards of something from a previous position [OLD]. В словарях [CD ; CNSD ; OLD] реализуется значение трудного времени/ периода, когда экономика той или иной страны не успешна/ находится в плохом состоянии. В контексте лексема обладает нейтральной коннотацией. Значение слова совпадает с его смыслом в данном контексте.

США и Ирак являются пространственными категориями. Стёртая метафора *challenge* 'проблема' используется для создания мысленного образа, аналогии в сознании реципиента, тем самым привлекая внимание к текущему положению дел в стране. Термин *recession* 'рецессия', напротив, нейтрализует, скрывает сложившуюся ситуацию в стране, которая сложилась на фоне затяжной войны.

Сравнение двух серий цитат президентов продемонстрировало более сильное нагнетание напряжения. Если 13 лет назад это была риторика сложной экономической ситуации, которая пришлась на послевоенный этап, то сейчас это риторика войны с катастрофическими последствиями, которую необходимо всеми силами избежать. Напряжение речевой агрессии полностью отражает обострённую политическую ситуацию в современном мире (начало и разгар конфликта).

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы. Анализ литературных источников показал, что «язык вражды» как коммуникативная категория представляет собой грубые, негативные фразы и выражения, которые не одобряются обществом ввиду закрепления тех или иных норм человеческого общения. Кроме того, даже языковые единицы нейтральной семантики могут обладать манипулятивным потенциалом. В этом случае наблюдается имплицитное выражение речевой агрессии. Если вербальная агрессия проявляется эксплицитно, то речь в данном случае идёт об актуа-

лизированной оппозиционности говорящего по отношению к собеседникам, положению дел. Основной деятельностью политика является борьба за власть, содержание которой может быть сведено к трём составляющим: формулировка и разъяснение политической позиции, поиск и сплочение сторонников и борьба с противником.

Компонентный и контекстуальный анализ, а также анализ словарных дефиниций позволили выявить целый ряд признаков нарастающей речевой агрессии в цитатах американских политиков верхнего эшелона власти. К этим признакам прежде всего относится употребление лексических единиц со значением военных действий, ядерной войны, оружия массового поражения и результирующих катастрофических последствий. Применение такой лексики по отношению к ситуациям невоенного характера (экономический спад в Китае) носит явный манипулятивный характер. Кроме того, обнаружены признаки «навешивания ярлыков», служащие той же цели. Борьба за власть такими вербальными средствами может быть классифицирована как нарушение норм общения.

Нарушение норм общения может привести к более серьёзным проблемам, таким как дискриминация, конфликты и насилие. «Язык вражды» может быть использован как манипуляция для достижения определённых целей, однако такой подход часто приводит к усугублению напряжённости отношений, а также усложняет поиск компромиссов между сторонами конфликта. Использование «языка вражды» может способствовать созданию негативного общественного мнения, усиливать антипатию между странами, которые находятся в напряжённых отношениях.

Список условных обозначений

- 1) CD – Cambridge Dictionary
- 2) CNSD – Collins Online Dictionary
- 3) OLD – Oxford Learner’s Dictionaries

Библиографический список

- Василенко, 2020 – Василенко Е. Н. Лингвистический аспект правового статуса «языка вражды» // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 71–76.
- Галяшина, Никишин, 2021 – Галяшина Е. И. Никишин В. Д. «Язык вражды как угроза информационной безопасности интернет-коммуникации» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Право. 2021. № 3. С. 555–573. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.305>
- Гладилин, 2012 – Гладилин А. В. «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных проблем (=Russian Journal of Education and Psychology). 2012. № 11 (19). С. 67–67.
- Горелик и др., 2022 – Горелик П. Л., Русакова М. М., Куценко Л. В. Речевая агрессия как стратегическая коммуникация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 4. С. 1242–1246.
- Дзялошинский, 2006 – Дзялошинский И. М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы : учеб.-метод. пособие. М. : «Гуманитарный институт», 2006. 31 с.
- Захарова, 1998 – Захарова Е. П. Коммуникативная категория чуждости и её роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та. 1998. С. 87–94.
- Карабань, 2010 – Карабань Н. А. Роль категории вежливости в письменных жанрах делового общения // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2010. № 49 (5). С. 92–95.
- Кошкарлова, 2009 – Кошкарлова Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 10 (148). С. 48–52.

- Малярчук-Прошина, Кравчук, 2019 – Малярчук-Прошина У. О., Кравчук Р. Ю. Речевая агрессия в СМИ как способ манипулирования сознанием человека // Наука сегодня: вызовы и решения: материалы междунар. науч.-практ. конф., Вологда, 30 января 2019 года. Вологда: ООО «Маркер», 2019. С. 109–112.
- Фадеечева, 2015 – Фадеечева М. А. Экзистенциальные основания языка вражды // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 20–24.
- Щербинина, 2012 – Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 400 с.
- Cambridge Dictionary – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
- Collins Online Dictionary – Collins Online Dictionary. URL : <https://www.collinsdictionary.com/>
- Nikkei Asia, 2023 – Nikkei Asia. North Korean nuclear attack would result in 'end' of regime: Biden. April 27, 2023. URL : <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Biden-s-Asia-policy/North-Korean-nuclear-attack-would-result-in-end-of-regime-Biden#:~:text=%22A%20nuclear%20attack%20by%20North,conference%20following%20the%20leaders%20summit>
- Oxford Learner's Dictionaries – Oxford Learner's Dictionaries. URL : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
- Reuters, 2023 – Reuters. Biden misstates China's GDP growth, calls its economy a «ticking time bomb». August 12, 2023. URL : <https://www.reuters.com/world/biden-calls-china-ticking-time-bomb-due-economic-troubles-2023-08-10/#:~:text=SALT%20LAKE%20CITY%2C%20Aug%2010,They%20have%20got%20some%20problems>
- YouTube, 2010 – The End of the Combat Mission in Iraq // YouTube. August 31, 2010. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=yZ09LZzZoOk>

References

- Vasilenko, E. N. (2020). Lingvisticheskiy aspekt pravovogo statusa «yazyka vrazhdy» [Linguistic aspect of the legal status of hate speech]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Polotsk State University (Part A)], 2, 71–76.
- Galyashina, E. I., & Nikishin, V. D. (2021). Yazyk vrazhdy kak ugroza informatsionnoy bezopasnosti internet-kommunikatsii [The concept of hate speech as a threat to the information security of Internet communication]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Pravo* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], 3, 555–573. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.305>
- Gladilin A. V. (2012). «Yazyk vrazhdy» kak kommunikatsiya [Hate speech as communication]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Education and Psychology], 11 (19), 67–67.
- Gorelik P. L., Rusakova M. M., & Kutsenko L. V. (2022). Rechevaya agressiya kak strategicheskaya kommunikatsiya [Speech Aggression as Strategic Communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 4, 1242–1246.
- Dzyaloshinskiy, I. M. (2006). *Yazyk vrazhdy v rossiyskikh SMI: sotsial'nye, kul'turnye, professional'nye faktory* [Hate speech in Russian mass media: Social, cultural and professional factors]: A coursebook. Moscow : Gumanitarnyy institut Press.
- Zakharova, E. P. (1998). Kommunikativnaya kategoriya chuzhdosti i ee rol' v organizatsii rechevogo obshcheniya [The communicative category of strangeness and its role in arranging speech communication]. *Voprosy stilistiki* [Issues in stylistics]: A collection of papers. Saratov : Saratov University Press. 1998. S. 87–94.
- Karaban, N. A. Rol' kategorii vzhlivosti v pis'mennykh zhanrakh delovogo obshcheniya [“Politeness” category role in writing genre of business communication]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University]. 2010. № 49 (5). S. 92–95.
- Koshkarova, N. N. (2009). Lingvisticheskie mekhanizmy rechevoy agressii v SMI [Linguistic mechanisms of speech aggression]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 10 (148), 48–52.

- Malyarchuk-Proshina, U. O., & Kravchuk, R. Yu. (2019). Rechevaya agressiya v SMI kak sposob manipulirovaniya soznaniem cheloveka [Speech aggression in mass media as a means to manipulate human mind]. *Nauka segodnya: vyzovy i resheniya* [Science today: Challenges and solutions]: International conf. proc., Vologda, January 30, 2019 (pp. 109–112). Vologda : Marker Press.
- Fadeicheva, M. A. (2015). Ekzistentsial'nye osnovaniya yazyka vrazhdy [Existential foundations of hate speech]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 1 (18), 20–24.
- Shcherbinina, Yu. V. (2012). Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy [Speech aggression. The theory of hate]. Moscow : Forum Press.
- Cambridge Dictionary. (n. d.). <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
- Collins Online Dictionary. (n. d.). <https://www.collinsdictionary.com/>
- Nikkei Asia. (2023, April 27). North Korean nuclear attack would result in 'end' of regime: Biden. Nikkei Asia. <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Biden-s-Asia-policy/North-Korean-nuclear-attack-would-result-in-end-of-regime-Biden#:~:text=%22A%20nuclear%20attack%20by%20North,conference%20following%20the%20leaders%20summit>
- Oxford Learner's Dictionaries. (n. d.). <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
- Reuters. (2023, August 12). Biden misstates China's GDP growth, calls its economy a «ticking time bomb». *Reuters*. <https://www.reuters.com/world/biden-calls-china-ticking-time-bomb-due-economic-troubles-2023-08-10/#:~:text=SALT%20LAKE%20CITY%2C%20Aug%2010,They%20have%20got%20some%20problems>.
- YouTube (2010, August 31). The End of the Combat Mission in Iraq. *YouTube*. <https://www.youtube.com/watch?v=yzO9LZzZoOk>

УДК 811.511.22

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_157

Чертыкова Мария Дмитриевна, Каксин Андрей Данилович
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
chertikova@yandex.ru

Общие закономерности фразеобразовательных моделей в тюркских и монгольских языках (на примере фразеологизмов с глаголом *хан-* 'удовлетворяться')

Аннотация

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному описанию и выявлению структурно-семантических свойств фразеологического гнезда с глагольным компонентом *хан-* 'удовлетворяться' в тюркских и монгольских языках. В результате структурно-семантического анализа фразеологизмы были разделены на два семантических типа: 1) фразеологизмы, выражающие физиологические потребности человека; 2) фразеологизмы, выражающие психические переживания / состояния субъекта. Выявлено, что в семантике фразеологизмов второго типа доминируют как положительные (получать удовлетворение / удовольствие), так и отрицательные (злорадствовать) аспекты. Также обнаружено, что на них накладывается экспрессивно-оценочная окраска, поэтому их характеризует логическая невозможность употребления в первом лице. Предположительно, распространённый в сибирский тюркских и монгольских языках фразеологизм *маха хан / мага хан- / мака кан- / бах ханах-* имеет монгольское происхождение. В огузских и кыпчакских языках тюркской языковой семьи глагол *хан- / кан- / ханаха- / han- / qan-* 'удовлетворяться' выступает как самостоятельный глагол и имеет широкие семантико-сочетаемостные и словообразовательные возможности. Однако обсуждаемые фразеологические соответствия в этих языках не обнаружены.

Ключевые слова: тюркские языки, монгольские языки, фразеологизм, глагол, структура, семантика

© Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. 2023

Для цитирования: Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. Общие закономерности фразеобразовательных моделей в тюркских и монгольских языках (на примере фразеологизмов с глаголом *хан-* 'удовлетворяться') // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 157–170. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_157

Maria D. Chertykova. Andrey D. Kaksin
N. F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
chertikova@yandex.ru

General patterns of phrase-building models in Turkic and Mongolian languages (On the example of phraseological units with the verb *хан-* 'to be satisfied')

Abstract

The article aims to perform a comparative description and identification of the structural and semantic properties of the phraseological nest with the verbal component *хан-* 'to be satisfied' in the Turkic and Mongolian languages. Structural-semantic analysis was used to divide the phraseological units into two semantic types: 1) phraseological units expressing person's physiological needs; 2) phraseological units expressing the mental experiences of a subject. It was found that in the semantics of the phraseological units of the second type, both positive (to receive satisfaction / pleasure) and negative (to gloat) aspects dominate. Also, they are superimposed

on expressive-evaluative coloring, therefore they are characterized by the logical impossibility of using in the first person. Presumably, the phraseological unit *маха хан / мага хан- / мака кан- / бах ханах-* common in the Siberian Turkic and Mongolian languages is of Mongolian origin. In the Oguz and Kypchak languages of the Turkic language family, the verb *хан- / кан- / ханаха- / han- / qan-* 'to be satisfied' functions as an independent verb and has wide semantic compatibility and word building possibilities. However, no phraseological correspondences were found in these languages.

Keywords: turkic languages, mongolian languages, phraseology, verb, structure, semantics

© Chertykova M. D., Kaksin A. D. 2023

For citation: Chertykova, M. D., Kaksin, A. D. (2023). Obshchie zakonomernosti frazeobrazovatel'nykh modeley v tyurkskikh i mongol'skikh yazykakh (na primere frazeologizmov s glagolom *khan-«udovletvoryat'sya»*) [General patterns of phrase-building models in Turkic and Mongolian languages (On the example of phraseological units with the verb *хан-* 'to be satisfied')]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 157–170. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_157

1. Введение [Introduction]

На протяжении тысячелетий сибирские тюркские и монгольские народы в силу территориальных, хозяйственных и социальных общностей находились в состоянии тесного взаимодействия, что отразилось и в языковой сфере. На современном этапе проблема тюркско-монгольских языковых связей остаётся одной из актуальных в сравнительно-исторической лингвистике. В отечественной и зарубежной лингвистике тюркско-монгольские языковые элементы, лексическая и грамматическая общность которых послужила основанием для алтайской гипотезы о генетическом родстве, активно разрабатывались в известных работах [Рамстедт, 1957; Владимирцов, 1989; Суюнчев, 1977; Щербак, 1997, 2005; Рассадин, 2019; Котвич, 1962; Дыбо, 2007; Бурькин, 2001; Порре, 1955; Doerfer, 1993; Glauson, 1959 и др.]¹. В этих и других трудах комплексные историко-этимологические обсуждения с применением большого языкового материала тюркско-монгольских параллелей позволили сделать выводы о наличии единой языковой основы, восходящей к алтайскому праязыку. Как пишет В. И. Рассадин: «... данный процесс, начавшийся в различных ареалах Центральной Азии с незапамятных времён, продолжался в древне-тюркскую эпоху, в средние века, происходил в ряде мест незадолго до нашего времени, а в некоторых местах продолжается и сейчас. Поэтому изучать взаимодействие монгольских и тюркских языков следует дифференцированно по эпохам и ареалам» [Рассадин, 2002, с. 267]. В то же время в целях более точного и верного выявления разноуровневых критериев тюркско-монгольской языковой общности исследователи предлагают сопоставлять разные тематические группировки слов. В этом плане исследования ведутся систематически [Рассадин и др., 2018; Дыбо, 2011; Бурькин, 2004; Куканова, Трофимова, 2016; Чертыкова, 2023 и др.]. Данная область лингвистики сегодня представлена различными пересекающимися исследовательскими направлениями, описывающими аспекты от звукового строя языка до его прагматической в широком смысле платформы.

На современном этапе изучение фразеологического материала в сравнительно-сопоставительном аспекте с целью выявления ментальных, мировоззренческих и традиционных особенностей конкретного этноса не менее актуально в контрастивной лингвистике. Углубленный анализ отдельных пластов фразеологии способствует также выявлению механизма формирования их этимологической и семантической структур в

¹ Учитывая предложенную Б. А. Серебренниковым конструктивную критику алтайской теории, способствовавшей её совершенствованию и расширению доказательной базы (анализ см. в статье [Бурькин, Насилов, 2018].)

процессе развития языковых контактов и расширения их онтологических границ. Один из ключевых вопросов семантики фразеологических единиц направлен на выявление их ономазиолого-идеографической природы, т. е. процесса формирования их мыслительно-психологического содержания. Данный сложный и многогранный процесс, по мнению исследователей, может быть рассмотрен во взаимодополняющих друг друга синхроническом и диахроническом аспектах, соответствующих соотношениям плана содержания и плана выражения. Идеальное содержание фразеологизма характеризуется такими категориальными признаками, как семантическая целостность, воспроизводимость, узуальность и др. Как отмечает А. М. Эмирова, «Формирование мыслительного содержания, характерного для фразеологии, может быть эксплицировано лишь через те семантические процессы, которые приводят к образованию фразеологических единиц» [Эмирова, 2020, с. 124–125]. К сказанному добавим, что весь этот сложный процесс, протекающий в атмосфере быта и традиций конкретного этноса, впитывает в себя весь комплекс его культурных и ментальных особенностей.

Во всех языках имеются характерные универсальные признаки фразеологизмов: синтаксическая и семантическая спаянность, реализация в ограниченных сочетаемых условиях, грамматическая и лексическая десемантизация составляющих компонентов и др. При этом лексический состав таких фразеологических сращений неоднороден. По данному поводу А. М. Эмирова в своём исследовании фразеологизмов русского языка, используемых в коммуникативно-прагматическом пространстве, пишет: «... в составе одних имеются архаизмы – лексические и/или грамматические (*ничтоже сумняшеся, у чёрта на куличках, притча во языцех*), другие состоят из слов, понятных и свободно употребляемых в современном языке (*как пить дать, показать Москву кому-либо, собаку съест в чём-либо*). И в тех, и в других случаях семантическая неделимость фразеологических сращений связана с полным забвением их внутренней формы (забвением мотивирующего признака, ситуаций, в которых была порождена фразеологическая единица, выпадением «промежуточного звена» в системе многозначного слова в составе устойчивого комплекса и др.)» [Эмирова, 2020, с. 30].

В настоящей статье нами впервые представлено структурно-семантическое описание лексических соответствий, составляющих фразеологическое гнездо с глагольным компонентом *хан- / кан- / ханаха- / han- / qan-* 'удовлетворяться' в сибирских тюркских и монгольских языках, а также его семантико-функциональные свойства как самостоятельного глагола в других тюркских языках. Для выявления общих и отличительных черт анализируемых компонентов фразеологизированных образований и их структурно-грамматических моделей используются сравнительно-сопоставительный и описательный методы.

Материал исследования представляет собой словарные данные, собранные из двуязычных лексикографических источников, отражающих современное состояние языков. В этом плане наши аналитические сведения и выводы могут удовлетворять требования исследований сегодняшнего дня. Также для анализа активно привлекаются хакасские языковые образцы, поскольку редуцированным языком-эталонном является хакасский – язык, который является родным для одного из авторов статьи.

2. Фразеологизированные соответствия с глаголом *хан-* 'удовлетворяться' в сибирских тюркских и монгольских языках **[Phraseological correspondences with the verb *хан-* 'to be satisfied' in Siberian Turkic and Mongolian languages]**

В сибирских тюркских и монгольских языках фразеобразующий глагол *хан- / кан- / ханаха-* является всеобщим и связан, в основном, с понятием выражения чувства удовлетворения человека в физиологическом и психологическом планах:

хак.: *хан-* используется только в составе фразеологизмов *быть удовлетворённым, быть утолённым; суксун ханарга* 'утолить жажду'; *уйгу ханарга* 'высыпаться'; *маха ханарга* 'испытывать чувство удовлетворения'; *хычши ханарга* 'удовлетвориться'; *хычшиң ханды ба?* Ирон. '[ты] доволен?'; *өзім ханды* '[моё] мщение удовлетворено', [я] утолил злость, [я] насытился мщением' [ХРС, 2006, с. 798];

алт.: *кан-* 'утоляться'; *маказы канар* 'получать удовольствие'; *өчи канар* 'удовлетворять мст' [АРС, 2018, с. 274];

тув.: *ханар /хан-/* 'удовлетворяются, довольствоваться; быть довольным'; *харыыга ханар* 'удовлетворяются ответом'; *кайгап ханмас* 'необычайно красивый' [ТувРС, 1968, с. 318];

як.: *хан-* 'удовлетворяются чем-л.'; *бабата хаммыт* 'его желание удовлетворено (букв. удовлетворилось)'; *утабым ханна* 'я утолил жажду'; *оо уута хаммыт* 'ребёнок выпался' [ЯРС, 1972, с. 478].

Он зафиксирован в Древнетюркском словаре: *qan* 1. 'удовлетворяются, довольствоваться'; 'насыщаться, наедаться, напиваться'; *ol suvdin qandī* 'он напился воды' (МК III 184); {...}; 2. 'приходить в соответствие с желаемым, исполняться, совершаться'; {...}; *köñülüñtäki küsüsün barça qantī* 'все желания твоего сердца исполнились' (ТТ 115); {...} [ДТС, 1963, с. 418]. Как видим, здесь семантика рассматриваемого глагола не исчерпывается понятием удовлетворения, как в сибирских тюркских языках, а находит своё выражение и в процессе довольства и желания.

Есть вероятность того, что глагол *хан-* в сибирские тюркские языки перешёл с монгольского языка, где он обозначает: монг.: *ханах* 1) 'удовлетворяются, получать удовольствие, быть довольным, удовлетворённым; успокаиваться'; 'быть благодарным'; агнаж ханах 'вдоволь поохотиться'; {...}; *цадлаа ханалаа* 'наелся, насытился'; 2) 'насыщаться'; *улам ханахын тулд* 'для большего удовлетворения, удовольствия' [БАМРС, 2001, с. 891]. В других монгольских языках данная лексема широко используется на различных языковых уровнях, например, бур.: *ханаха* 'получать удовольствие, удовлетворяются; успокаиваться'; *агнажа ханаха* 'вдоволь охотиться'; *гайхажа ханахагуй* 'не переставать удивляться, не надивиться'; *эдижэ ханахагуй* 'не наедаться, не насыщаться, не наестся досыта, вдоволь'; *хаража ханахагуй* 'не насмотреться'; *ханаха хухихэ парн* 'удовлетворённо веселиться'; *улам ханахын тула* 'для большего удовольствия'; *сэдьхэлээ ханаха* 'получать моральное (или духовное) удовлетворение'; *хангаалга, хангаалта*, 1) 'удовлетворение'; 2) 'обеспечение; компенсация'; *хангал* 1) 'удовлетворение; удовольствие'; 2) 'обеспечение'; *хангагша* 1) 'удовлетворяющий, исполняющий желания'; *хусэлье ангагша эрдэни шандамани* фольк. 'драгоценный камень, исполняющий желания'; 2) 'снабженец (интендант)' [БРС-II, 2010, с. 394]; *халх.*, *хана-*, *калм. хан-* 'быть довольным, удовлетворённым; успокаиваться'; *халх, ханагар* 'самодовольный, самоуверенный; удовлетворённый' [ЭСМЯ, 2018, с. 35]. Отмеченные в данных словарных статьях лексико-семантические варианты значения глагола *хан-/ханах* 'успокаиваться', 'исполнять желания' отсутствуют в содержательной структуре его аналога в тюркских языках. Как известно, богатство семантической и сочетаемостной структур слова в языке-источнике и включение его первичного значения в систему других языков являются одними из главных критериев заимствованной лексики. Тем самым одним из доказательств заимствования слова является его многозначность в языке-доноре и переход только одного из его значений (чаще, первичного) в язык-реципиент.

В сибирских тюркских и в киргизском языках фразеологизмы с глагольным компонентом *хан-/кан-* 'удовлетворяются' были разделены на два типа:

1. Лексические соответствия фразеологизмов, выражающих физиологические потребности человека. Сюда были отнесены тюркско-монгольские фразеологические соответствия:

а) образованные из сочетания глагола *хан-/кан-* с общетюркскими лексемами: *суз/су/уу* 'вода' и обозначающие 'утолить жажду': хак.: *сухсу хан-*; алт.: *суузы кан-*; як.: *утабы ханна-*; тув.: *суксун хандырап-*; кирг.: *суусу кан-* и др., которым соответствует монг. *ууж ханах*. Примеры: хак.: *Арминек, сухсунын хандыр полбин, алгайны суунаң азырыбыс-хадаг* (То, 72) – 'Арминек никак **не мог утолить [свою] жажду** и готов был проглотить пиалу вместе с водой'; алт.: *Аакы чайга тойды, суузыны жангы канды* (Д. Каинчин) – 'Аакы напился чаю, только сейчас **жажда утолена**'; *Наңмыр суунаң сухсуным хандырып алып, істіне кисчең көгенекті чыртып, хайди полза палганып алдым* (А, 101) – 'Кое-как **утолив жажду** дождевой водой, разорвав майку на клочья, завязал [рану]'; *Ханның оолгы Иванны мылчада чуундырып, сухсунын хандырып, азырабысхан* – '[Он] дал возможность Ивану Царевичу помыться в бане, **утолить жажду** и поесть' и др.;

б) образованные из сочетания глагола *хан-/кан-* с общетюркскими лексемами *уй-гу/уйку/ұйқы* 'сон' и обозначающие 'выспаться': хак. *уйгу хан-*; алт.: *уйку кан-*; кирг.: *уйку кан-*; каз. *ұйқызы қану-*; як. *ўта хаммыт* и др. Хакасско-турецкое лексическое соответствие рассматриваемого глагола отражается в словарной статье: *han- kanmak, bir ihtiyacı gidermek: Ani Kamat apсах uyguzi hanğanca daa uzudarcih* (V. Kobayakov) – Onu Kamat ihtiyar **uykusu kanana** kadar uyuturdu (ÖHTS, 2005, с. 144) [*han-* довольствоваться, удовлетворять потребности; Дед Камат дал бы ему возможность выспаться (букв. позволил бы спать, пока [он] не насытится сном)]². Лексическое соответствие указанным фразеологизмам с аналогичным значением обнаружено и в монг. *нойр ханах*.

Как видим, эти фразеологические соответствия легко выделяются и по семантико-структурным и грамматическим свойствам имеют конкретные характеристики: потребности человека в воде и сне. Другие насущные потребности человека (в питании, тепле, крове и т. д.) подобными фразеологическими сочетаниями в этих языках не обозначены.

2. Лексические соответствия фразеологизмов, выражающих психические переживания субъекта.

Для выражения психологического содержания процесса глагол *хан-/кан-/ханаха-* выступает связующим звеном в составе фразеологизмов со значением 'получить удовлетворение (удовольствие)'. Здесь он чаще управляет лексемой *маха*, которая в Хакасско-русском словаре толкуется как 'чувство удовлетворения' [ХРС, 2006, с. 238]. Соответственно, *маха* (в притяж. форме) и *хан-* обозначает 'получать удовлетворение, быть довольным; злорадствовать': *маха хан-*. Примеры: *Пайларны чи, сизинчезиң ме, олар килерінең, хузурухтарын пыхтыларына кире тартыныбазып чөрчелер. Аны көріп, ұгаа махам ханча* (П, 41) – 'Ты заметил, после того, как они приехали, богачи ходят, прижав хвосты? При виде такого, я **получаю сильное удовлетворение (удовольствие)**'; *Согып алган Аларчон Апахты нинче махазы ханганча* (Ба, 18) – 'Аларчон побил Апаху, тем самым **получил удовлетворение**'; *Пирезин мирген сабыснаң түзіре саап пар килзе, махазы ханарчых* (Хө, 78) – 'Если бы [он] свалил бы кого-нибудь из них точным ударом, то получил бы удовлетворение'.

Мы предполагаем, что лексема *маха* тоже является заимствованием с монгольского языка, где она, как показывает словарная статья, имеет обширную семантическую структуру и широкий спектр сочетаемости. Одним из лексико-семантических вариантов семантической структуры *мах(ан)* в монгольском языке является 'мясо, тело, плоть' [БАМРС, 2001, с. 205–206]. Соответственно, в сочетании с монгольским глаголом *ханах-* мы получаем значение 'удовлетворить [свою] плоть, насытить [свое] тело', которое в сибирских тюркских языках приобрело переносное значение. Однако есть и другой вариант этимологической интерпретации данной лексемы, предложенный Б.И. Татаринцевым: *мага* фолькл. 1. 'великолепие, чудо'; {...}; 2) 'очень, весьма'; *мага хан-* 1) 'быть полностью удо-

² Перевод словарной статьи с турецкого и хакасского языков на русский язык произведён автором.

влетворённым чем-л.'; 2) присоединяясь к другим глаголам в деепричастной форме, показывает совершение действия до полной удовлетворённости им (ср. *көрүп мага хан* - 'наглядеться'); {...} [ЭСТувЯ-IV, 2008, с. 29]. Также Б. И. Татаринцев связывает происхождение данного слова с монг. *бах* 'восхищение, радость, гордость, желание, охота' и допускает вероятность его тюркского происхождения, «о чём, кажется, могут свидетельствовать тув. и тоф. формы, не имеющие монгольских соответствий; ср. в этом плане *магазы-биле*» [ЭСТувЯ-IV, с. 30]. В пользу данной версии свидетельствует и наличие монгольской фразеологической параллели *бах ханах*: а) веселиться, удовлетворяться, получать удовлетворение; б) злорадствовать, торжествовать над кем-чем-л. [ЭСТувЯ-IV, с. 30].

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, фразеологизм *маха хан*- часто принимает отрицательный аффикс *-ма*, что даёт понимание того, что субъект в результате совершаемого им или независимо от него происходящего действия не смог достичь желаемого и получить удовлетворения. Хак.: *Тілі хайдаг, кізіні салганах ла чілі өртепче. Пазын төгө үстүне салып алып, тыынмас палтынаң кизе сапсаң, андада даа махаң ханмас* (П, 21) – 'Какой у него острый язык, обжигает человека как крапива. Если его голову положить на чурбан и ударить тупым топором, и то **не получишь удовлетворения**'. *Сині харибге сугары ас, ну столбаларның піреезіне поондыр таа салза, маха ханмас* (Митхас Туран: Камат, 213) – 'Тебя мало посадить в тюрьму. Даже если повесить тебя на одном из этих столбов, и то **не получишь удовлетворения**'. Кроме негативного содержательного потенциала фразеологизма *маха хан*- встречаются и выражения положительных чувств, например, *Хынишчаам минің... Мин нинче дее сині охсанзам, махам ханмас одыр...* (Чкч, 227) – 'Моя любимая.... Кажется, сколько бы я тебя ни целовал, **не смогу получить удовлетворения**...!'

Как показывают контекстные описания, иногда неудовлетворённость (или недостаточная удовлетворённость) субъекта совершённым действием является стимулом для новых действий: хак.: – *Синің ноо кирегің минде? Команисттер хуругы пол чөрчезің – пол чөрчет! – тогыр хапхан Олакай. Маказы ханмин, хоза түкүрібіскен, – Сурас айналары кізее ырчаңнас чөрчелер мында...* (Кх, 27) – 'Какое твоё дело во мне? Если ты – есть хвост коммунистов, так и оставайся им! – возразил Олакай. Затем, **не удовлетворившись** [сказанным], ещё и плюнул, – Не хватало ещё, чтоб безотцовщины насмехались над нами...! – *Махам ам даа ханмады, – тидір Арминек, – пазох пірее ниме идібісчең, таң* (То, 49) – 'Я всё ещё **не удовлетворён**, – говорит Арминек, – ещё что-то натворить, что ли'. *Утхан даа ползам, махам ханмас минің... Мин синің төлің чох идібізем, Бахтый...* (Чкч, 186) – 'Я, хоть и победил, но **не получил удовлетворения**... Я убью твоих потомков, Бахтый...!'

Данной хакасской фразеологической единице (*маха хан*-) соответствует: тув.: *мага хан*- а) 'быть полностью удовлетворённым'; б) употребляясь вместе с глаголом в деепричастной форме, показывает полную завершённость действия, выраженного деепричастием: *көрүп мага ханар* 'наглядеться'; *ойнап мага ханар* 'наиграться'; *мага хандыр*- 'всласть, до полного удовлетворения'; *мага хандыр дыштаныр* 'отдохнуть всласть'; *мага ханмас* 'чудесный, великолепный'; *дыштанып мага ханмас чер* 'чудесное место для отдыха' [ТувРС, 1968, с. 204]; в алт.: *мака кан*- 'получать удовлетворение, удовольствие'; *маказы канганча* 'вдоволь'; *маказы канганча ыйлап алар* 'вдоволь наплакаться'; *барза, барзын, макам да канбас* 'если уходит, пусть идёт, меня это не заденет' [АРС, 2018, с. 458]; як.: *баға хана*-. В отличие от хакасского *маха хан*-, семантика которого ограничивается выражением удовлетворения субъекта и/или злорадства по отношению к другому лицу, его лексические соответствия в тувинском (*мага хан*-) и алтайском: (*мака кан*-) языках могут выражать различные виды действия, которые воспроизводят полное удовлетворение человека: насмотреться, наесться, наиграться, наплакаться, насидеться, начитаться и т. д. Также в тувинском языке замечены сочетания глагола *кан*- с другими лексемами помимо *мага*: *сеткил ханар* 'удовольствоваться'; букв. 'душа довольна'.

В алтайском языке от лексемы *мака* 'удовлетворение' образован глагол при помощи общетюркского аффикса *-зыра* со значением 'выражать какие-либо чувства': *маказыра-ра*- 1) 'злорадствовать'; ср. *макаты-*; *Онын өчүркеп сүүнер де, маказыраар да күүни келбеди* (А. Адаров) – 'Ему не захотелось ни радоваться, мстя, ни *злорадствовать*'; 2) 'наслаждаться'; *Лыртай Иванович жарым стакан аракыны жык берип ийеле, ичи-бууры жалбырап, изий бергенине маказырап, көзүн жумуп ийди* (А. Адаров) – 'Дьыртай Иванович, опрокинув полстакана алкоголя, *наслаждаясь* тем, что внутри, пламенея, согрелось, закрыл глаза'; *Эртен туранын ару кейин маказырап тынып жатты* (А. Адаров) – 'Лежал, с *наслаждением* вдыхая утренний свежий воздух' [АРС, 2018, с. 458].

В хакасском языке ещё действует синонимичный вариант рассматриваемой фразеологической единицы: *маха* (в притяжательной форме) *кiр-* 'получать, испытывать удовлетворение, быть довольным'; букв. '[его] удовлетворение входит': *Оолах, үгренин тоозып, мундир кис салганда, пабазының маказы кiрген, неке* – 'Когда мальчик выучился и надел мундир, [его] отец, наверное, *был доволен*'.

Хакасские фразеологизмы *маха хан-* и *маха кiр-* в иных контекстах могут взаимозаменяться без ущерба для семантики: *Маказы кiрзiн! [Маказы ханзын!] Пiс, ирлер, хачан даа пазындырбаспыс! Иди полбаза, олар пiске мүнiп аларга айабастар* (Кча, 224) – '[соотв. русск.] *Пусть знает!* Нас, мужчин, никто никогда не сможет подавить. А то они готовы нам на шею сесть'. В зависимости от контекстных условий эти фразеологизмы выражают как положительные (удовлетворение, радость, восторг, восхищение), так и отрицательные (злорадство, удовлетворение от чужих неприятностей, пожелание зла) смыслы.

Следующий фразеологизм с глаголом *хан-*: *хычиш* (в притяжательной форме) + *хан-* выражает действие, связанное положением субъекта, находящегося на грани негативного состояния. В Хакасско-русском словаре он представлен как *хычиш*: *хычиш ханарга* 'быть удовлетворённым чем-л.' [ХРС, 2006, с. 906]. *Пот ол казетке нас салыбысса, хычишнар ханар!* (Тхч, 24) – 'Вот если он напишет про вас в газету, *тогда будете знать*' (соотв. русск. 'Узнаете, где раки зимуют'). *Че хычиш ханды ба, Адайах, паза ниме тiп нандырап-зың* (П, 8) – 'Ну что, получил, Адайах, что *ты на это ответишь*'.

Общетюркская лексема *хычы / кычыту / кычуу / кычу* в значении 'зуд' является зависимым от глагола *хан- / кан- / ханаха- / һан- / қан-* 'удовлетворяться' компонентом в составе фразеологических параллелей: *хычиш хан- / кычуу кан- / кычу кан-* с общим значением 'удовлетворить свои желания / потребности'; букв. 'начесаться', например, кырг.: *кычуу зуд; кычуум канды* 1) 'я «отчесался»' (я почесался и успокоился); *котур төө чычырканака сөйкөнсө, кычуусу канат* – погов. 'Когда шелудивый верблюд коснётся облепихи (колючего кустарника), у него *зуд проходит*'; 2) перен. 'я получил удовлетворение' (напр., видя своего врага поверженным, оскандалившимся); {...}; *колдун кычуусун кандыр-* 'удовлетворить руку' (напр., подравшись); *кулактың кычуусу канды* 'слух насладился' (напр., хорошим пением); {...}; [КРС, 1985, с. 500]; алт.: *кычу зуд; кычузы канар* 1) 'вдоволь почесаться'; 2) перен. 'удовлетворить какое-л. желание'; *кычузын берер* 'дать взбучку кому-л., показать, где раки зимуют' [АРС, 2018, с. 449] и др. Однако в хакасском языке встречается использование фразеологизма *хычиш хан-* в ином контексте, исходя из семантики лексемы *хычиш* (в притяжательной форме): 1) 'жадность'; 2) 'сильное желание, сильное пристрастие к еде'; {...} [ХРС, 2006, с. 907]. Хакас.: *Хамның хычазын хандырап үчүн, хараа-күнөрте аңнап-хустап чөрерге килісчең* (Лс, 54) – 'Чтоб *удовлетворить страсть* (жадность) шамана, приходилось охотиться на зверей и птиц днями и ночами'. В отличие от кыргызского и алтайского вариантов, хакасский фразеологизм *хычиш хан-* в первом (*хычы* 'зуд') и втором (*хычы* 1) 'жадность'; 2) 'сильное желание, сильное пристрастие к еде') случаях несёт в себе исключительно негативный оттенок. Возможно, он имеет ассоциативно-семантическую связь с тувинским *хыы ханар* а) 'чувствовать удовлетворение'; б) 'злорадствовать' [ТувРС, 1968, с. 346]. На наш взгляд, эти

фразеологизмы выражают обратный эффект, когда удовлетворение от ожидаемого процесса / явления переходит в перенасыщение, трансформируясь в негативный эффект.

Акт удовлетворения / насыщения (мщением) субъекта от чужой беды, от того, что кому-то плохо, выражен в семантике фразеологизма *öözi хан*- 'получать удовлетворение, быть довольным; злорадствовать'; букв. 'его удовлетворение входит', который образован сочетанием глагола *хан*- с лексемой *ös* 'мечь; злоба, ненависть к кому-л.'; *ös аларга* 'мстить'. *Öсті хогбачаң, öдісті хогчаң* – погов. 'за мезтью нельзя гоняться, за долгом можно гоняться' [ХРС, 2006, с. 329]. *Пирезі өдрезін хычырып аларга өнетін сыгдыратча, анаң, кил, махтан сыхча, іди аның өөзі хан парча* (Хч, 5) – 'Некоторые, чтоб соблазнять подругу, нарочно звонят, затем начинают хвалиться, так они **получают удовлетворение**'. *Мында өөзім хандырчаң пір сагыс кір килген* (Хө, 141) – 'И тут [мне] пришла мысль, как **удовлетворит [своё] мщение**'. По нашим сведениям, фразеологизм *öözi хан*- 'получать удовлетворение, быть довольным; злорадствовать'; букв. 'его удовлетворение входит' имеется только в хакасском языке.

Таким образом, в сибирских тюркских языках и в киргизском языке действуют одни и те же фразеологизированные модели с глаголом *хан*- 'удовлетворяются': *маха хан*- / *мака кан*- / *мага хан*- и *хычи хан*- / *кычуу кан*- / *кычу кан*-. Генетическая близость киргизского языка к сибирским тюркским языкам установлена давно. Е. И. Убрятова отмечает, что в классификационной схеме по некоторым фонетическим и грамматическим признакам киргизский язык должен быть отнесён к классу сибирских тюркских языков [Убрятова, 1970, с. 78].

3. Структурно-семантическая характеристика глагола *хан*- 'удовлетворяются' в других тюркских языках [Structural-semantic patterns of the verb *хан*- 'to be satisfied' in Turkic languages]

Если в сибирских тюркских (хакасском, алтайском, шорском, якутском и тувинском) и в киргизском языках глагол *хан*- / *кан*- / *ханаха*- не совсем самостоятелен (используется чаще в составе фразеологических единиц), то в огузских и кыпчакских языках тюркской языковой семьи данный глагол получил широкое семантическое и, соответственно, синтаксическое распространение. Рассматриваемый глагол с аналогичным же значением имеется в киргизском языке: *кан*- 'удовлетворяются, утоляться', реализацию признака основательности выражаемого им процесса можно проследить по примерам: *көз канды* 'приятно для глаза, порадовало глаз'; *кепке кан*- 'вдоволь наговориться' [КРС-I, 1985, с. 338]. Судя по приведённым примерам, в киргизском языке глагол *кан*- свободно вступает в сочетаемостные отношения с другими словами, в том числе и принимая форму характеризующего деепричастия, например, *канна карадым* '[я] детально рассмотрел'. О широкой распространённости слова свидетельствует также наличие однокоренных именных лексем: *канаат* 'удовлетворение, довольство малым'; *Канаат карын тойдурут* – погов. 'Скромность (нетребовательность) желудок насыщает'; *канааттан* 'удовлетворяются, довольствоваться малым'; *канааттанардык / канааттанарлык* 'удовлетворительный, такой, которым можно довольствоваться' [КРС-I, 1985, с. 338].

В турецком языке образованное от корня *кан*- существительное *kanaat* получило расширение семантического объёма: 1) 'нетребовательность, удовлетворённость, довольство'; 2) 'убеждение, мнение, взгляд'; {...} [ТурРС, 1977, с. 505]. Глагольное значение 'довольствоваться, удовлетворяются' выражается сочетанием лексемы *kanaat* и вспомогательного глагола *ет*- букв. 'делать': *kanaat etmek*. Думается, что не будет грубой ошибкой, если мы свяжем *кан*- и *канаат* в один контекст. Очевидно, что слово *kanaat* в данном случае (на примере киргизского и турецкого языков) связано со значением удовлетворения, и образовано от рассматриваемого корня *кан*-. Общетюркское распростра-

нение этого слова подтверждается в знакомых нам источниках. Есть ещё слова *канат* 'крыло' и *кана* 'стена', о которых написано: «О заимствовании канат в иранские, среднемонгольский и балканские языки см. Doerf. III. №1531. Г. Дёрфер относит к ранним тюркским заимствованиям и монг. *қана*, что пока не доказано; {...}. Из монг. яз. заимствованы хак. *хана* «стена»; {...}» [ЭСТЯ, 1997, с. 252–253].

В татарском языке однокоренной глагол *канәгатьлән* 1. 'удовлетворяться, довольствоваться, получать удовлетворение, оставаться довольным'; *эчке* ~у 'внутреннее удовлетворение'; *йөзәндә тулы* ~у 'на его лице полное довольство'; 2. в значении наречия *канәгатьләнен* 'удовлетворённо, с удовольствием'; 3. 'ограничиваться, обходиться'; *чай белән генә* ~у 'довольствоваться одним чаем' [ТатРС-I, 2007, с. 525–526] также характеризуется богатыми семантическими и образовательными возможностями. Начальная форма *канәгать*, принимая соответствующие форманты, может переходить в разряды других членов предложения, например, сказуемого – *канәгать* 'доволен, удовлетворён'; {...}; прилагательного – *канәгатьләндерерлек* 'способный, могущий удовлетворять; удовлетворяющий' [ТатРС-I, 2007, с. 525]; существительного – *канәгатьлек*: 1. *довольство, удовлетворённость*; зур ~ *белән хезмәт күрсәтү* 'с большим удовольствием оказать услугу'; {...} [ТатРС-I, 2007, с. 526]. Похожая картина складывается в казахском языке, где от однокоренной основы *қанағат* образуются именные и глагольные формы со значением удовлетворения, например, *қанағат ету* 'удовлетвориться', *қанағаттанған* 'удовлетворительный', *қанағатшыыл* 'довольствующийся', *қанағаттану* 'удовлетворение, удовольствие; удовлетвориться, удовольствоваться; быть довольным' и т. д. [БКРиРКС, 1996, с. 273]. Помимо указанных языков, глагольное соответствие рассматриваемому глаголу с близкой семантикой, по свидетельству Х. И. Суюнчева, присутствует и в северокавказских кыпчакских языках: в кабардино-балкарском языке – *къанаргъа*, в ногайском языке – *канмага* [Суюнчев, 1977, с. 132]. Отметим, что при семантическом и структурном разнообразии глагольной основы *хан-* / *кан-* / *ханаха-* / *һан-* / *қан-* 'удовлетворяться' в огузских и кыпчакских тюркских языках двуязычные словари не показывают наличие их фразеологических сращений.

Семантика обсуждаемого глагола в этих языках вне фразеологической системы чаще переходит в парадигму семантического поля «довольствоваться». В некоторых словарях понятия «получать удовлетворение» и «довольствоваться» даются как синонимы, например, в Толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой: *довольствоваться* 1) 'быть на довольствии'; 2) 'то же, что удовлетворяться' [ТСРЯ, 2006, с. 170]. Однако, на наш взгляд, в отличие от *довольствоваться*, в семантике *удовлетворяться* имеется сема конечного результата. В этом отношении о различительных особенностях понятий *удовольствия* и *удовлетворения* доступное объяснение даёт Э. К. Пекарский: *хан-* 'утолить жажду, сделаться вдоволь, сделать довольно до той степени, что более не хочется делать' и проч. {...}; *приходить к концу своих желаний*; 'униматься' (о текущей крови), 'переставать' (о дожде); *Бағатын ханна* – 'Он исполнил своё *желание*'; *Бәй бәйыгар хаммат* – (пог.) 'Богатый богатством своим *не удовлетворяется* (ему всё мало)'; *үтун хаммыт* 'он выспался' (*үта хаммыт*); *утахпын ханным* 'я утолил свою жажду'; *Баған хана дуо?* – 'Удовольствовался ли ты?'; *Бағам хана* 'я удовлетворил свои желания'; *Бағата хамат* 'алчный пьяница' (СЯЯ-III, 1959, с. 207, 3295, 3296). В нашем случае с фразеологизмами с глаголом *хан-* / *кан-* / *ханаха-* в сибирских тюркских и монгольских языках мы везде встречаем выражение конечного результата переживаемых субъектом чувств, удовлетворение его ментальных и / или физиологических потребностей.

4. Заключение [Conclusion]

Структурно-семантический и этимологический анализ шести фразеологизмов с глагольным компонентом *хан-* 'удовлетворяться' позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, во всех сибирских тюркских и киргизском языках действуют лексические соответствия фразеологизмов с глаголом *хан-/кан-* в сочетании с общетюркскими лексемами *суз/су/уу* 'вода' и *уйгу/уйку/уйқы* 'сон', выражающие удовлетворение физиологических потребностей воды и сна. Их аналоги имеются и в монгольских языках. Другой тип фразеологизмов, выражающих психические переживания / состояния человека, более сложен в содержательном плане.

Во-вторых, в сибирских тюркских и киргизском языках активны фразеологизмы, образованные путём сочетания глагола *хан-* и лексем *маха* монг. 'мясо, тело, плоть', *хычы/кычу/кычуу* 'зуд', которые выражают как положительные эмоциональные переживания (получать приятные ощущения / удовлетворение от какого-либо процесса, совершаемого самим субъектом или другими лицами), так и отрицательные эмоции в форме злорадства или удовлетворения от того, что кому-то плохо. Кроме того, в хакасском языке зафиксированы фразеологизмы *öözі хан-* 'получать удовлетворение, быть довольным'; 'злорадствовать'; букв. 'его удовлетворение входит', *маха* (в притяжательной форме) *кір-* 'получать, испытывать удовлетворение, быть довольным'; букв. '[его] удовлетворение входит'; в тувинском языке *хыы хан-* а) 'чувствовать удовлетворение'; б) 'злорадствовать'.

В-третьих, фразеологические соответствия в тувинском (*мага хан-*) и алтайском: (*мака кан-*) языках могут выражать различные виды действия, которые воспроизводят полное удовлетворение человека: насмотреться, наесться, наиграться, наплакаться, насидеться, начитаться и т. д. Также в тувинском языке замечены сочетания глагола *кан-* с другими лексемами помимо *мага*: *сеткил ханар* 'удовольствоваться'; букв. 'душа довольна'.

В-четвёртых, в кыпчакских и огузских тюркских языках глагол *хан-* самостоятелен и имеет широкие семантические, сочетаемостные и словообразовательные возможности. Однако обсуждаемые фразеологические модели нами здесь не обнаружены.

Список сокращений и условных обозначений

алт. – алтайский язык; башк. – башкирский язык; бур. – бурятский язык; каз. – казахский язык; калм. – калмыцкий язык; монг. – монгольский язык, калм. – калмыцкий язык; кырг. – кыргызский язык; тат. – татарский язык; тув. – тувинский язык; хака. – хакасский язык; як. – якутский язык.

Список текстовых источников

- А – Топанов Г. Азыранды // Хакасская литература для 4 класса. Авторы У. Н. Кирбижекова, И. Ф. Коков. Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва. 1977. С. 100–103.
- Кх – Нербышев К. Көгім хорымнарды. Роман. Пастағы книга. Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва. 1983. 207 с.
- Манаргин А. К. Ленин сыны // Хакасская литература для 4 класса. Авторы У. Н. Кирбижекова, И. Ф. Коков. Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва. 1977. С. 52–56.
- Митхас Туран. Камат / Пьесалар. Сб. пьес. Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва. 1991. С. 176–218.
- П – Кильчичаков М. Е. Хулғалар (Всходы) // Пьесалар. Сб. пьес. Абакан : Хакасское отд-е Красноярского книжного изд-ва. 1991. С. 4–45.
- ХМ – Хан Мирген. Богатырские сказания. Ағбан : Хызылчардағы книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1969. 207 с.
- Хö – Топоев И. Хоңалтых öдік – 2. Болтунишка – 2. Хормачы чоохтар. Сб. юмористических рассказов на хакасском языке. Абакан : Дом литераторов Хакасии, 2014. 188 с.
- Ыа – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. В далёком аале. Роман. Ағбан : Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1975. 255 с.
- Чкч – Чарых күнниг чирім. Солнечный мой край. Сб. художественных произведений хакасских авторов. Сост.: А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан : Хака. книжное изд-во, 2007. 348 с.

Библиографический список

- АРС, 2018 – Алтайско-русский словарь / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- БАМРС, 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Ок. 70000 слов / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : АСАДЕМИА. 2001. 2007 с.
- БКРиРКС, 1996 – Бектаев К. Большой казахско-русский и Русско-казахский словарь. Астана : Казахстанский проект, 1996. 697 с.
- БРС-II, 2010 – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II : О-Я. Улан-Удэ : Изд-во Республиканская типография, 2010. 708 с.
- Бурыкин, 2001 – Бурыкин А. А. Проблемы семантической реконструкции терминов родства в алтайских языках и перспективы реконструкции общеалтайской системы терминов родства // Алгебра родства. Вып. 7. СПб. : Кунсткамера, 2001. С. 136–172.
- Бурыкин, 2004 – Бурыкин А. А. Общеалтайская реконструкция и перспективы изучения тюрко-монгольских параллелей // Востковедение 23. Межвузовский сборник / отв. ред. Ю. М. Осипов. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 18–28.
- Бурыкин, Насилов, 2018 – Бурыкин А. А., Насилов Д. М. Б. А. Серебренников как тюрколог компаративист и проблемы алтаистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 3. С. 5–17. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_5_17
- Владимирцов, 1989 – Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. М. : Наука, 1989. 449 с.
- ДТС, 1969 – Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л. : Наука, 1969. 676 с.
- Дыбо, 2007 – Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М. : Восточная литература, 2007. 222 с.
- Дыбо, 2011 – Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур, 2011. С. 359–391.
- Котвич, 1962 – Котвич В. Исследования по алтайским языкам / пер. с польского А. И. Толкачева. М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. 373 с.
- КРС, 1985 – Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов. Кн. I : А-К. / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе : Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. 504 с.
- Куканова, Трофимова, 2016 – Куканова В. В., Трофимов В. М. Тюркские элементы в составе флористической лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого ин-та гум. исслед. РАН. 2016. № 1. С. 146–155. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-23-1-146-155>
- Рамстедт, 1957 – Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология / обработано и издано Пентти Аалто ; пер. с немецкого Л. С. Слоним ; ред. и предисловие Н. А. Баскакова ; примечания Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 254 с.
- Рассадин, 2002 – Рассадина В. И. К характеристике тюрко-монгольских языковых отношений // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 05–12 августа 2002 года). Доклады российской делегации / отв. ред. Р. Б. Рыбаков. М. : Издательский дом «Гуманитарий», 2002. С. 263–269.
- Рассадин и др., 2018 – Рассадина В. И., Трофимова С. М., Болд Л. Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 222–231. <https://doi.org/10.17223/18137083/64/20>
- Суюнчев, 1977 – Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1977. 176 с.
- СЯЯ-III, 1959 – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Т. III. Вып. 10–13. М. : Академия наук СССР, 1959. 705 с.
- ТатРС, 2007 – Татарско-русский словарь : в 2-х томах. Т. I (А-Л) / редкол.: Ш. Н. Асылгараев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев, К. М. Миннуллин, Д. Б. Рамазанова. Казань : Магариф, 2007. 726 с.
- ТСРЯ, 2006 – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

- ТувРС, 1968 – Тувинско-русский словарь: около 22.000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
- ТурРС, 1977 – Турецко-русский словарь: 48 000 слов / А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, А. А. Кямилаева, К. М. Любимов, Ф. А. Салимзянова, Р. Р. Юсипова. М. : Русский язык, 1977. 966 с.
- Убрятова, 1970 – Убрятова Е. И. Задачи сравнительного изучения тюркских языков // Тюркологический сборник. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 69–79.
- ХРС, 2006 – Хакаско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
- Щербак, 1997 – Щербак А. М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб. : ИЛИ РАН, 1997. 291 с.
- Щербак, 2005 – Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб. : Наука, 2005. 195 с.
- Чертыкова, 2023 – Чертыкова М. Д. Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 169–179. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_169
- Эмирова, 2020 – Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении. Симферополь : Научный мир, 2020. 228 с.
- ЭСМЯ, 2018 – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков : в 3 т. Т. III : Q–Z. М. : Ин-т Востоковедения РАН, 2018. 240 с.
- ЭСТУВЯ-IV, 2008 – Тагаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV. М, Н, О, ө, П / отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука, 2008. 442 с.
- ЭСТЯ, 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы К, Қ / отв. ред. Г. Ф. Благова. М. : Языки русской культуры, 1997. 368 с.
- ЯРС, 1972 – Якутско-русский словарь. 25300 слов / под ред. П. А. Слепцова. М. : Советская энциклопедия, 1972. 568 с.
- Doerfer, 1993 – Doerfer D. The older Mongolian layer in Ancient Turkic // *Türk Dilleri arařtırmaları*. Cilt 3. Ankara : Simurg. 1993. P. 79–86.
- Glauson, 1959 – Glauson B. G. The Turkich Numerals // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1959. № 1/2. P. 19–31.
- ÖHTS, 2005 – Arikođlu Ekrem. Örnekli Hakasça-Tüpkçe Sözlük. 1 Baskı. Ankara : Akçağ Yayınları, 2005. 558 с.
- Poppe, 1955 – Poppe N. The Turkic loan words in middle Mongolian // *Central Asiatik Journal*. 1955. Vol. 1. Wiesbaden. P. 36–42.

References

- Chumakaev, A. E. (Ed.). (2018). *Altaysko-russkiy slovar'* (ARS) [Altai-Russian Dictionary]. Gorno-Altaysk. (In Russ.).
- Pyurbeev, G. Ts. (Ed.). (2001). *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'* (BAMRS) [The Great Academic dictionary of Mongolian and Russian]. In 4 volumes. Around 70000 words. Moscow : ACADEMIA Press. (In Russ.).
- Bektaev, K. (1996). *Bol'shoy kazahsko-russkiy i Russko-kazahskiy slovar'* (BKRIKS) [Large Kazakh-Russian and Russian-Kazakh Dictionary]. Astana : Kazahstanskiy proekt. (In Kaz.).
- Shagdarov, L. D., & Cheremisov, K. M. (2010). *Buryaadorod toli. Buryatskorusskiy slovar'* (BRS) [Buryaadorod toli. Buryat-Russian dictionary]. In 2 volumes. Vol. II : OYa. Ulan-Ude : Respublikanskaya Press. (In Buryat and Russ.).
- Burykin, A. A. (2001). Problemy semanticheskoy rekonstruktsii terminov rodstva v altaiskikh yazykakh i perspektivy rekonstruktsii obshchealtayskoy sistemy terminov rodstva [Problems of semantic reconstruction of kinship terms in Altaic languages and prospects for reconstruction of the All-Altai system of kinship terms]. *Algebra rodstva* [Algebra of kinship], 7, 136–172. St Petersburg, Kunstkamera Press. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2004). Obshchealtayskaya rekonstruktsiya i perspektivy izucheniya tyurko-mongol'skikh paralleley [All-Altai reconstruction and prospects for the study of Turkic-

- Mongolian parallels]. In Yu. M. Osipov (Ed.), *Vostokovedenie 23* [Oriental Studies 23]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Burykin A. A., & Nasilov D. M. (2018). B. A. Serebrennikov kak tyurkolog komparativist i problemy altaistiki [B. A. Serebrennikov as turkologist comparativist and problems of Altaic studies]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (3), 5–17. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_5_17
- Vladimirtsov, B. Ya. (1989). *Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhaskogo narechiya. Vvedenie i fonetika* [Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khalkha dialect]. 2nd edn. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Nadelyaev, V. M., Nasilov, D. M., Tenishev, E. R., & Shcherbak, A. M. (Eds). (1969). *Drevnyeturkskiy slovar'* (DTS) [Old Turkic dictionary]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Dybo, A. V. (2007). *Lingvisticheskie kontakty rannikh tyurkov: leksicheskiy fond: pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks: Lexical fund: Proto-Turkic period]. Moscow : Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Dybo, A. V. (1996). *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoy poyas)* [Semantic reconstruction in the Altai etymology. Somatic terms (Shoulder girdle)]. Moscow : Shkola Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Kotvič, V. (1962). *Issledovaniya po altajskim yazykam* [Studies in Altaic languages]. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Yudahin, K. K. (1985). *Kirgizsko-russkiy slovar'* (KRS) [Kyrgyz-Russian Dictionary]. In 2 volumes. Around 40000 words. Vol. I. A-K. Frunze : Glavnaya redaktsiya Kirgizskoy Sovetskoy Entsiklopedii. (In Russ.).
- Kukanova, V. V., & Trofimova, V. M. (2016). Tyurkskie elementy v sostave floristicheskoy leksiki kalmytskogo yazyka [Turkic elements in the floristic vocabulary of the Kalmyk Language]. *Vestnik Kalmytskogo in-ta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 1, 146–155. (In Russ.). <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2016-23-1-146-155>
- Ramstedt, G. I. (1957). *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie. Morfologiya* [Introduction to Altai linguistics. Morphology]. Edited and published by Pentti Aalto. Translated from German by L. S. Slonim. Editions and foreword by N. A. Baskakov. Notes by N. A. Baskakova & G. D. Sanzheeva. Moscow : Inostrannaya literatura Press. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (Ed.). (2002). K kharakteristike tyurko-mongol'skikh yazykovykh otnosheniy [Characterizing Turkic-Mongolian language relations]. *VIII International Congress of Mongolian Studies (Ulan-Bator, August 5–12, 2002)*. Russian delegation reports. Moscow : Gumanitariy Press. (In Russ.).
- Rassadin, V. I., Trofimova, S. M., & Bold, L. (2018). Tyurko-mongol'skie paralleli sredi terminov duhovnoy kul'tury v mongol'skikh yazykakh [Turkic-Mongolian parallels among the terms of spiritual culture in Mongolian languages]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 3, 222–231. <https://doi.org/10.17223/18137083/64/20> (In Russ.).
- Suyunchev, H. I. (1977). *Karachaevo-balkarskie i mongol'skie leksicheskie paralleli* [Karachay-Balkarian and Mongolian lexical parallels]. Cherkessk : Stavropol'skoe Press, Karachaev-Cherkess Department. (In Russ.).
- Pekarskiy, E. K. (1959). *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language] (SYAYA-III). Vol. III, Issues 10–13. Moscow : Soviet Union Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Asylgaraev Sh. N., Ganiev F. A., Zakiev M. Z., Minnullin K. M., & Ramazanova D. B. (Eds). (2007). *Tatarsko-russkiy slovar'* (TatRS) [Tatar-Russian Dictionary]. In 2 volumes. Vol. I (A-L). Kazan : Magarif Press. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (2006). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 words and fraseological units* (TSRYA) [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4d edn., with . Moscow : A TEMP Press. (In Russ.).
- Tenishev, E. R. (Ed.). (1968). *Tuvinsko-russkiy slovar'* (TuvRS) [Tuvan-Russian dictionary]: Around 22000 words. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Baskakov, A. N., Golubeva, N. P., Kyamileva, A. A., Lyubimov, K. M., Salimzyanova, F. A., & Yusipova, R. R. (1977). *Turetsko-russkiy slovar'* (TurRS) [Turkish-Russian Dictionary]: 48000 words. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).

- Ubryatova, E. I. (1970). Zadachi sravnitel'nogo izucheniya tyurkskikh yazykov [Tasks of comparative study of Turkic languages]. *Tyurkologicheskiy sbornik* [A collection of papers on Turkic studies] (pp. 69–79). Moscow : Nauka Press, Vostochnaya literatura Press. (In Russ.).
- Subrakova, O. V. (Ed.). (2006). *Khakassko-russkiy slovar'* (KhRS) = Khakas-orys söstigi [Khakas-Russian dictionary]: About 22 thousand words. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Shcherbak, A. M. (1997). *Rannie tyurksko-mongol'skie yazykovye svyazi (VIII–XIV vv.)* [Early Turkic-Mongolian language ties (VIII–XIV centuries)]. St Petersburg : Institute for Linguistic Studies Press. (In Russ.).
- Shcherbak, A. M. (2005). *Tyurksko-mongol'skie yazykovye kontakty v istorii mongol'skih yazykov* [Turkic-Mongolian language contacts in the history of the Mongolian languages]. St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Chertykova, M. D. (2023). Tyurksko-mongol'skie leksicheskie paralleli v somaticheskoy sfere [Turkic-Mongolian lexical parallels in the somatic sphere]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 169–179. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_169 (In Russ.).
- Emirova, A. M. (2020). *Russkaya frazeologiya v kommunikativno-pragmaticheskom osveshchenii* [Russian phraseology in communicative and pragmatic coverage]. Simferopol : Nauchnyy mir Press. (In Russ.).
- Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., & Shevernina, Z. V. (2018). *Etimologicheskiy slovar' mongol'skikh yazykov* (ESMYa) [Etymological Dictionary of Mongolian Languages]: In 3 volumes. Vol. III: Q–Z. Moscow : Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Tatarintsev, B. I. (2008). *Etimologicheskiy slovar' tuvinskogo yazyka (ESTuvYA-IV)* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Vol. IV. M, N, O, ø, P. Ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Blagova, G. F. (Ed.). 1997. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy K, K̄* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases beginning in K, K̄ letters]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Sleptsov, P. A. (Ed.). (1972). *Yakutsko-russkiy slovar'* (YARS) [Yakut-Russian dictionary]: 25300 words. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Doerfer, G. (1993). The older Mongolian layer in Ancient Turkic. *Türk Dilleri arařtırmaları* (Cilt 3, pp. 79–86). Ankara : Simurg.
- Glauson, B. G. (1959). The Turkish Numerals. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1/2, 19–31.
- Arikođlu, E. (2005). *Örnekli Hakasça-Türkçe Sözlük* (ÖHTS). 1 Baskı. Ankara : Akçağ Yayınları. (In Turkish)
- Poppe, N. (1955). The Turkic loan words in middle Mongolian. *Central Asiatic Journal*, 1 (1), 36–42.

Статья поступила в редакцию 11.02.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 03.11.2023.

The article was submitted 11.02.2023; approved after reviewing 29.09.2023; accepted for publication 03.11.2023.

УДК 811.11:81.347.78.034

doi: 10.22250/24107190_2023_9_4_171

Щенникова Наталья Владимировна, Баканова Марина Викторовна
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Российская Федерация
schennikova@list.ru

Передача голофрастических эпитетов в переводе англоязычного романа Д. Тартт «Щегол» на русский язык А. Завозовой

Аннотация

Эффективная передача голофрастических конструкций в паре типологически разных языков является сложной интеллектуально-творческой переводческой задачей. Предметом данного исследования являются способы передачи на русский язык голофрастических эпитетов, эффективность которых зависит от умения переводчика ретранслировать прагматический потенциал данного индивидуально-авторского выразительно-го средства с учётом его семантической идиоэтничности и полифункциональности в художественном тексте. Индивидуально-авторские голофрастические эпитеты характеризуются сложной морфолого-синтаксической структурой и эвристичным сочетанием компонентов. Цель данной работы заключается в описании стратегии переводчика при передаче англоязычных голофрастических эпитетов на русский язык. Были проанализированы способы перевода таких эпитетов в романе «Щегол» Д. Тартт, задействованные переводчиком А. Завозовой при их адаптации к русским лингвокультурным реалиям. Переводческий анализ 73 голофрастических эпитетов показал успешное применение переводчиком комплекса лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций в поиске эффективных переводческих решений. Чаще всего Завозова прибегала к модуляции, грамматическим заменам, компрессии, калькированию и целостному преобразованию. В зависимости от конкретного контекста могла использоваться комбинация приёмов.

Ключевые слова: выразительное средство, эпитет, голофрастическая конструкция, перевод, трансформация

© Щенникова Н. В., Баканова М. В. 2023

Для цитирования: Щенникова, Н. В., Баканова, М. В. Передача голофрастических эпитетов в переводе англоязычного романа Д. Тартт «Щегол» на русский язык А. Завозовой // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 171–183. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_171

Natalya V. Shchennikova, Marina V. Bakanova
Penza State University
Penza, Russian Federation
schennikova@list.ru

Specific patterns to transform holophrastic epithets while translating D. Tartt's novel "The Goldfinch" from English into Russian by A. Zavozova

Abstract

Effective translation methods of holophrastic constructions in a pair of typologically different languages is a challenging intellectual and creative task for an interpreter. The current study focuses upon the methods of translating holophrastic epithets in a literary text into Russian whose effectiveness depends on the interpreter's ability to relay the pragmatic potential of these expressive means taking into account its semantic idioethnicity, its polyfunctionality in a literary text and the author's writing style. Original holophrastic epithets are characterized by a complex morphological and syntactic structure as well as by a heuristic combination of components. This

study aims to describe the strategies of translating the English-language holophrastic epithets into Russian. The paper analyses translation methods used by A. Zavozova to adapt holophrastic epithets of the novel “The Goldfinch” by D. Tartt to the Russian linguistic and cultural realities. The conducted translational analysis of 73 holophrastic constructions showed the interpreter's appropriate use of lexical, grammatical and lexicogrammatical transformations in the search for effective translation solutions. A. Zavozova most often used modulation, grammatical replacement, compression, calquing and holistic transformation. Depending on the specific context, she could exploit a combination of techniques.

Keywords: expressive means, epithet, holophrastic construction, translation, transformation

© Shchennikova N. V., Bakanova M. V. 2023

For citation: Shchennikova N. V., Bakanova M. V. (2023). *Peredacha golofrasticheskikh epitetrov v perevode angloyazychnogo romana D. Tartt «Shchegol» na russkiy yazyk A. Zavozovoy* [Specific patterns to transform holophrastic epithets while translating D. Tartt’s novel “The Goldfinch” from English into Russian by A. Zavozova]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (4), 171–183. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_4_171

1. Введение [Introduction]

Перевод современной художественной литературы предполагает сохранение и отражение в переводящем языке особенностей авторского стиля оригинала, мироощущения и картины мира писателя, часто выражаемых с помощью ряда тропов. Продукт переводческой деятельности в этом случае определяется как опосредованный вид межкультурной коммуникации: переводчик сталкивается с проблемами не только адаптации иноязычного текста для понимания носителями другого лингвокультурного кода, но и сохранения признаков его самобытности. В связи с этим перевод индивидуально обусловленных явлений в иноязычном оригинальном тексте неотделим от ряда трудностей, преодоление которых возможно лишь путём выбора эффективных стратегий ретрансляции их прагматического потенциала.

Многообразие публикаций, посвящённых анализу теоретических аспектов перевода художественных произведений, не снижает важности исследования перевода их отдельных элементов. Это объясняется прежде всего широким использованием современными писателями индивидуально-авторских выразительных приёмов. Одним из самых распространённых стилистических средств в их распоряжении является эпитет.

Сложности в переводе эпитетов нередко обусловлены недостаточно глубокой изученностью языковой составляющей данного тропа и его функционального потенциала. Полифункциональность эпитетов в художественном тексте, их весомая художественно-эстетическая нагрузка и семантическая идиоэтничность требуют повышенного внимания переводчика.

Настоящее исследование ограничено рассмотрением наиболее эффективных переводческих стратегий передачи на русский язык отдельного вида англоязычных эпитетов, а именно эпитетов, структурно представленных голофрастическими конструкциями.

Голофрастическая конструкция – слово, образованное путём слияния словосочетания или предложения в одну лексическую единицу, приобретающую новое значение, отличное от суммы значений компонентов [Ковынева, 2017, с. 111]. Несмотря на то, что голофрастические конструкции возможны в обоих языках, для русского языка они менее типичны, чем для английского.

Мы используем данный термин для подобных структурных образований вслед за [Алешина, 2014 ; Ковынева, 2017 ; Майба, 2018 ; Федорова и др., 2020; Щеникова, Жданова, 2021], хотя исследователи по-разному терминировали их ввиду неоднозначности

статуса таких многокомпонентных конструкций. В. В. Майба приводит список терминов, используемых в русской лингвистике для обозначения таких конструкций [Майба, 2018, с. 185]: многокомпонентные композиты, свёрнутые композиты, фразовые композиты, случайные образования синтаксического типа, компрессивы, сложные термины синтаксического типа, и др. Как и слова, образованные посредством блендинга (подробнее об истории вопроса, терминологических сложностях, блендах в разных языках и о тематической классификации блендов см. в [Стрельцов, 2021, 2022]), эти композиты демонстрируют экономию в языке. В зарубежных работах на английском языке термин ‘голофразис’ используется в основном в онтолингвистических исследованиях (см., напр., [Arbib, 2008 ; Listyani, 2008 ; Bickerton, 2008 ; Tallerman, 2008 ; Jaber et al., 2021]).

Перевод голофрастических эпитетов в художественном тексте как окказиональных единиц представляет особую сложность ввиду отсутствия структурно аналогичных конструкторов в переводящем языке. Более того, голофрастические эпитеты представляют собой индивидуально-авторское фразеотворчество и всегда несут ярко выраженную авторскую индивидуальность и характеризуются принадлежностью к конкретному контексту. В контексте художественной литературы такие эпитеты эффективно выполняют экспрессивную, художественно-эстетическую, оценочную и конкретизирующую функции [Блинова, 2015, с. 3]. За счёт реализации указанных функций эпитеты обращают внимание читателя на разные грани описываемого явления, способствуют образованию новых ассоциативных цепочек, придают произведению неповторимый оттенок авторского субъективизма.

Поскольку уникальная семантическая структура компонентов эпитета оригинала не всегда может быть воссоздана языковыми средствами переводящего языка без потерь, это стимулирует переводчика на поиск самобытных решений при адаптации эпитета к реалиям принимающей культуры.

Исследователи традиционно отмечают трудность перевода таких конструкций на русский язык и анализируют стратегии и приёмы, применённые переводчиками в конкретных произведениях (см., напр., [Алешина, 2014 ; Майба, 2015 ; Гималетдинова, 2016 ; Федорова и др., 2020]). Такая работа ценна для прироста теоретических переводоведческих и литературоведческих знаний и для выработки общих переводческих закономерностей трансляции средствами русского языка таких индивидуально-авторских структурно сложных выразительных средств.

Наша работа выполнена в этом же ключе и ставит целью обозначить ключевые приёмы и трансформации, применённые переводчиком А. Завозовой для передачи голофрастических эпитетов в романе «Щегол» американской писательницы и лауреата Пулитцеровской премии Донны Тартт. Впервые роман был опубликован в 2013 г. На русский язык роман переведён А. Завозовой и выпущен издательством “Corpus” в 2015 г. Роман произвёл фурор в мире литературы, завоевал любовь читателей и признание критиков, поэтому произведение и стало предметом лингвистического анализа. В частности, были исследованы эстетические и лингвистические особенности композиции романа [Карпухина, Симонова, 2021] и особенности передачи метафоры и сравнения [Соболева, 2019]. Анализ особенностей перевода голофрастических эпитетов выполняется впервые.

Согласно нашей гипотезе, переводчик данного произведения применил рекомендованные в переводоведении наиболее частотные способы передачи прагматического потенциала голофрастических эпитетов и добился сохранения в тексте перевода контекстуальной семантической нагрузки оригинального тропа, передав эмоционально-оценочную, экспрессивную и эстетическую информацию, что свидетельствует об эффективности применённого переводческого инструментария и адекватности полученного переводческого продукта.

2. Переводческие трансформации при передаче на русский язык голофрастических эпитетов романа Д. Тартт «Щегол» [Transformations during English-to-Russian translation of holophrastic epithets in the novel “The Goldfinch” by D. Tartt]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом исследования стали отобранные методом сплошной выборки 73 голофрастических эпитета из текста оригинала романа Д. Тартт «Щегол» и их соответствия в тексте перевода, выполненного А. Завозовой. К найденным эпитетам были применены методы структурно-семантического анализа, переводческого анализа и статистической обработки данных.

Переводческий анализ голофрастических эпитетов в англоязычном тексте романа «Щегол» и тексте на русском языке был выполнен на основе классификации переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, в которой выделяются лексические, грамматические и лексическо-грамматические трансформации [Комиссаров, 1999].

2.2. Лексические трансформации [Lexical transformations]

Из числа лексических трансформаций высокой частотностью применения в романе «Щегол» характеризуется калькирование. Например, *not-particularly-tidy Hobie* – *не слишком аккуратный Хоби*; *all-too-frequent communication blackouts* – *эти уж слишком частые перебои в связи*; *plain-but-pleasing face* – *простенькое, но милое личико*; *damp-but-amazingly-intact Oхуcontin* – *сыроватая, но на удивление не размякшая оксиконтинка*; *watching-the-crowd face* – *всматривающийся в прохожих взгляд*.

В этих случаях переводчик калькирует лексический состав голофрастической конструкции оригинала и сохраняет её синтаксическую функцию определения. Но голофрастичность или цельнооформленность единиц оригинала в данном случае не передаётся, что является вполне оправданным с точки зрения норм русского языка, хотя всё чаще переводчики современных произведений прибегают к калькированию структурной цельнооформленности исходной конструкции. Так переведены голофрастические конструкции в романе «Waterland» Г. Свифта на русский язык (см. анализ в [Майба, 2015, с. 187]). Переводчик объединяет дефисом компоненты синтаксической структуры, калькируя структуру голофразиса оригинала:

And, at sixteen, in the year 1943, amongst all those not-so-much-older-than-me soldiers... I too faced the prospect of precipitate paternity – 'И, шестнадцати лет от роду, в 1943-м, в компании всех этих *немногим-более-старших-чем-я* солдат... я также оказался лицом к лицу с перспективой нечаянного отцовства'.

For a long time, he finds it hard to separate in his mind the familiar-but-foreign fields of the Fens and the foreign-but-familiar mudscapes he has come from. — Ещё долгое время у него путаются в голове *знакомые-но-чужие* поля Фенов и *чужие-но-знакомые* грязе-пейзажи, с которых ему удалось вернуться.

В этих примерах синтаксическая структура получившихся в русскоязычном тексте голофрастических конструкторов не нарушает норм русского языка и, по большому счёту, они воспринимаются как таковые только при графическом предъявлении текста: при устном предъявлении текста русскоязычный реципиент не воспримет их как цельнооформленные голофрастические эпитеты, тогда как русскоязычный читатель воспринимает подобные конструкторы как инновационные; тем самым создаётся некий смысловой и эмоциональный фокус.

Переводчик романа «Щегол» не использует метод объединения компонентов переведённого голофрастического эпитета через дефис, то есть не передаёт голофрастическую конструкцию языка оригинала голофрастической конструкцией языка перевода.

В ряде случаев используется компрессия как способ передачи семантического комплекса голофразиса одним словом. Например, *lost-in-space hyper-density* – *космическая сверхплотность*, *nine-to-five world* – *офисный мир*, *end-of-the-line neighbourhoods* – *конечные станции*, *stranger-than-life twists* – *невероятнейший сюжет* и *lighter-than-air manner* – *легчайшая манера*. В этих случаях художественно-эстетический эффект эпитетов текста оригинала нейтрализуется: русскоязычные варианты можно описать как воспроизводимые единицы, лишённые индивидуально-авторского компонента. Лишь в одном случае в переводе анализируемого романа использовано привычное для русской синтаксической нормы объединение лексем через дефис в целостную единицу: *babbling-and-wanting-to-talk state* – *разговорчиво-говорливое состояние*.

Калькирование иногда сопровождалось добавлением: *practically-in-splinters sideboard* – *превратившийся чуть ли не в щепки комод*, *ptarmigan-settling-into-itself look* – *с видом постепенно нахваливающейся куропатки*.

В большинстве проанализированных случаев калькированный перевод можно признать удачной переводческой стратегией, ретранслирующей яркость и эмоциональность речи персонажа. Но есть случаи, когда переданные калькированием голофрастические единицы приводят, с нашей точки зрения, к ощущению их чужеродности в тексте перевода, тяжеловесности в плане восприятия читателем переводного текста из-за непривычной семантической эвристичности новообразований (пример 1) и нарушения нормативной дистрибуции компонентов синтаксической конструкции в русском языке (примеры 2 и 3):

(1) *married-with-kids-looking face* – *женато-детное лицо* («Он был рыхлый, в безликом офисном костюме и с **женато-детным** лицом, от его лузерского вида меня передёрнуло») [Тартт, 2013, с. 237].

(2) *go-to-hell sprawl* – «**на отвали**» почерк («Я был уверен, что найду ценные подсказки, по которым пойму, где он находится, но вместо этого был сражён чрезвычайной краткостью письма (всего четыре-пять строк) и **неряшливым, торопливым, “на отвали”** почерком, будто он начёркал что-то, убегая в магазин») [Тартт, 2013, с. 38].

(3) *in a moving-right-along voice* – «**ладно, проехали**» тоном («–Ваще. Короче, – сказал он таким – **“ладно, проехали”** тоном») [Тартт, 2013, с. 58].

Возможно, более адекватным вариантом перевода был бы описательный перевод или модуляция.

О п у щ е н и е как вид лексических трансформаций применялось в нескольких случаях для перевода голофрастических эпитетов анализируемого романа. Например, при передаче прагматического потенциала словосочетания *lost-in-space hyper-density* семантический компонент 'затерянность, потерянная' нейтрализуется, и в переводе *космическая сверхплотность* не чувствуется потенциал эпитета оригинала:

Even though it was a hard name to remember, it was just strong and foreign enough to carry the lost-in-space hyper-density of the black streets, tram tracks, more cobblestones and neon angels ... [Tartt, 2019, p. 744].

Запомнить его было сложно, но в нём хватало силы и иностранности, чтоб вместить в себя космическую сверхплотность чёрных улиц, трамвайные пути, множась брусчатку и неоновых ангелов... [Тартт, 2013, с. 422].

Аналогично и в следующем примере при передаче комплекса семантических компонентов словосочетания *all-too-horrible reality* семантический компонент 'крайняя степень, чрезмерность' нейтрализуется, и в переводе *отвратительная правда жизни* не полностью чувствуется крайняя степень эмотивности эпитета оригинала:

My hopes for a relationship with her were wholly unreal, whereas my ongoing misery, and frustration, were an all-too-horrible reality [Tartt, 2019, p. 570].

Мои надежды на то, что у нас с ней завяжутся отношения, были совершенно несбыточными, а вот беспросветные метания и переживания были *отвратительной правдой* жизни [Тартт, 2013, с. 327].

При передаче многокомпонентного голофрастического эпитета *Hobie-has-enough-to-deal-with philosophy* переводчик опускает лексический компонент *philosophy* и нейтрализует его семантику:

The Vogels, the Grossmans, the Mildebergers, while always polite, had always managed to silently convey (to me, anyway) their Hobie-has-quite-enough-to-deal-with philosophy [Tartt, 2019, p. 847].

Фогели, Гроссманы, Мильдебергеры хоть и были всегда со мной вежливы, но при этом вполне ясно давали мне понять, что думают – у Хоби, мол, и без того забот хватает [Тартт, 2013, с. 486].

В этом случае переводчик помимо опущения применил модуляцию как вид лексико-семантических замен является одним из наиболее эффективных приёмов перевода голофрастических эпитетов. Модуляция применяется переводчиком как результат чуткого вслушивания в контекст, как результат чтения оригинала «между строк». Например, словосочетание *month-by-month adventure* передано в русском тексте как *квест на выживание*. Герой романа мальчик Теодор рассказывает о том, насколько тяжело им с мамой приходилось выживать без помощи отца. Основываясь на контексте, можно предположить, что семья жила в настолько стеснённых обстоятельствах, что речь шла не просто о трудностях, а о квесте на выживание. Данное переводческое решение адекватно не только потому, что оно передаёт семантику единицы текста оригинала, но и отвечает современным реалиям, поскольку слово *квест* в большей мере соответствует лексикону современной молодёжи, чем, к примеру, слово *борьба* (*борьба за жизнь*):

Even though the apartment was rent stabilized, getting by without my dad's salary was a month-by-month adventure, since whatever new life he'd fashioned for himself elsewhere did not include sending money for child support [Tartt, 2019, p. 64].

Хоть мы и снимали квартиру с фиксированной арендной платой, без отцовских денег каждый месяц превращался в квест на выживание, потому что в новой жизни на новом месте отец твёрдо решил обойтись без выплаты алиментов [Тартт, 2013, с. 38].

Успешная расшифровка импликационала контекста имеет большое значение и в переводе эпитета в выражении *out-of-control tourists* как *распоясавшиеся туристы*. Охранник отеля, где жил Теодор до катастрофы в музее, часто имел дело с нетрезвыми туристами, которые, возвращаясь с вечеринок, устраивали драки. Русские прилагательные *неуправляемые* или *неконтролируемые* в данном контексте не передали бы ту степень эмоциональности и оценочности эпитета оригинала, которую вложил мальчик в своё эмоциональное описание возбужденности разгулявшихся туристов. Субъективность характеристики и яркая эмоциональная окраска – ключевые характеристики эпитета, которые учитывал переводчик:

'Sorry,' said the waiter, a hard-edged Italian guy who looked like he was used to dealing with out-of-control tourists [Tartt, 2019, p. 219].

– *Извините, – ответил официант, закаленный итальянец, который, похоже, привык иметь дело с распоясавшимися туристами* [Тартт, 2019, p. 129].

Словосочетание с голофрастическим эпитетом *coat-and-tie nights* применено в тексте романа при описании жизни тринадцатилетнего Теодора в семье своего школьного товарища Энди. Аристократический образ жизни родителей Энди обязывал мальчиков надевать выходные костюмы и посещать благотворительные вечера и другие мероприятия, устраивавшиеся Барбурами. С учётом возраста подростков переводчик передаёт прагматику эпитета выражением *вечера в выходных костюмчиках*, применив модуляцию:

*Within two months of my dinner at the Barbours', Kitsey and I were seeing each other every day practically – long walks and dinner and talking about old times: about Andy, and rainy Sundays with the Monopoly board, about the night she'd cried when we made her watch Hellboy instead of Pocahontas, and our excruciating **coat-and-tie** nights – excruciating for the little boys anyway, sitting stiffly at the Yacht Club [Tartt, 2019, p. 569].*

Не прошло и двух месяцев со дня моего ужина у Барбуров, а мы с Китси уже виделись почти каждый день – долго гуляли, вместе ужинали, вспоминали старые времена: Энди, дождливые воскресенья за игрой в “Монополию”, как она ревела однажды вечером, потому что мы вместо “Покахонтас” заставили её смотреть “Хеллбоя”, и наши мучительные вечера **в выходных костюмчиках** – для маленьких мальчиков уж, конечно, мучительные – сидишь, зажавшись, за столом в “Яхт-клубе” [Тартт, 2013, с. 326].

Голофрастический эпитет *not-quite-vertical* был передан переводчиком также через модуляцию **не очень ровный** в следующем контексте:

In a cascade of grit, my hand on some not-quite-vertical surface, I stood, wincing at the pain in my head [Tartt, 2019, p. 35].

Обрушив водопады песка, ухватившись за **не очень ровную** поверхность, я поднялся, морщась от боли в голове [Тартт, с. 24].

Заслуживает внимание и ряд других случаев использования переводчиком модуляции для передачи голофрастических эпитетов в этом произведении. Среди них **nine-to-five world – офисный мир**:

*He was a tough-looking guy – uneasy in his suit and tie, like a sports coach one to fat – but his tone conveyed a reassuring sense of the **nine-to-five** world: office filing systems, industrial carpeting, business as usual in the borough of Manhattan [Tartt, 2019, p. 83].*

Мужик он был крепко сбитый, похожий на обросшего жирком спортивного тренера, и в костюме с галстуком ему было явно не по себе, однако от его тона так и веяло спокойствием **офисного мира**: конторскими архивами, казённым ковролином – в округе Манхэттен всё идёт своим чередом [Тартт, 2013, с. 48].

needing-a-drink voice – **пересохший без выпивки** голос:

*I could tell by his tone – his scratchy old **needing-a-drink** voice – that he was tired and not in a very good mood [Tartt, 2019, p. 248].*

По его тону – скрипучему, **пересохшему без выпивки** голосу – было слышно, что он в плохом настроении и устал [Тартт, 2013, с. 143].

worthy-of-living person – **ценнее кого бы там ни было**:

*How could I have believed myself a better person, a wiser person, a more elevated and valuable and **worthy-of-living** person on the basis of my secret uptown? [Tartt, 2019, p. 627].*

Как мог я считать себя лучше других, мудрее, выше и **ценнее кого бы там ни было** просто потому, что держу секретик в хранилище? [Тартт, 2019, p. 360].

out-of-the-way corner – **самый тёмный** угол:

*During the whole year we'd struggled along side by side like a pair of **weakling** ants under a magnifying glass: **shin-kicked, sucker-punched, ostracized**, eating lunch huddled in the most **out-of-the-way** corner we could find in order to keep from getting ketchup packets and chicken nuggets thrown at us [Tartt, 2019, p. 94].*

Целый год мы с ним барахтались бок о бок, будто пара **муравьёв-слабаков** под увеличительным стеклом, получая по ногам и ниже пояса, **превращаясь в изгоев**, на обед забиваясь в **самый тёмный** угол, чтобы не прилетело в лицо пакетиками кетчупа и куриными наггетсами [Тартт, 2013, с. 55].

ladies-who-lunch air kiss (**девчачий «привет-привет»**, поцелуй в воздух):

*'All sorted, then,' said Mrs. Barbour – leaning to give me a quick kiss, the first of my visit, a **ladies-who-lunch** air kiss that smelled of mint and gardenias [Tartt, 2019, p. 240].*

– Ну вот и славно, – сказала миссис Барбур, склонившись, чтоб легонько поцеловать меня в щеку – в первый раз за всё время – **девчачий “привет-привет”, поцелуй в воздух**, от которого пахло мятой и гардениями [Тартт, 2013, с. 138].

Stranger-in-my-own-house kind of thing [Tartt, 2019, p. 343]. – *Tuna – гость в собственном доме* [Тартт, 2013, с. 198].

Лексическое до б а в л е н и е как переводческий приём также нашёл применение в передаче прагматического потенциала голофрастических эпитетов анализируемого произведения:

a not-particularly-convincing show – **такой** *неубедительно грозный тон*,
a practically-in-splinters eighteenth-century sideboard – **превратившийся чуть ли не** *в щепки комод восемнадцатого века*,

a ptarmigan-settling-into-itself look [Tartt, 2019, p. 552] – *с видом постепенно нахваливающейся куропатки* [Тартт, 2013, с. 317].

2.3. Грамматические трансформации [Grammatical transformations]

Для перевода на русский язык голофрастических эпитетов в анализируемом романе грамматические трансформации применялись довольно часто. Так, в следующих примерах использована замена части речи и члена предложения:

But the biggest shock was how straightforward he looked – my already (circa 1985) criminally dishonest and sliding-into-alcoholism father [Tartt, 2019, p. 783].

Но больше всего меня поразило, до чего он казался порядочным – это мой-то отец (года так 1985-го), который к тому времени был нечист на руку и скатывался в алкоголизм [Тартт, 2013, с. 448].

В данном примере определение, выраженное голофрастической единицей в препозиции к определяемому слову, заменено в переводе глагольным сказуемым с постпозитивным обстоятельством.

For the past months, I'd been keeping myself (for the most part) to a one-day-on, one-day-off schedule [Tartt, 2019, p. 510].

Вот уже несколько месяцев я сидел на такой схеме (старался, по крайней мере) – день принимаем, день пропускаем [Тартт, 2013, с. 293].

В этом примере определения, выраженные голофрастическими единицами в препозиции к определяемому слову, заменены в переводе глагольными сказуемыми.

В следующем примере определение, выраженное голофрастической единицей в препозиции к определяемому слову, заменено атрибутивной конструкцией в постпозиции к определяемому слову со сменой определяемого слова (*life – прелюдия*):

Maybe this was just how it was when you got older, although it was impossible to imagine Boris (in Warsaw, Karmeywallag, New Guinea, wherever) living a sedate prelude-to-adulthood life such as the one I'd fallen into [Tartt, 2019, p. 465].

Может, вот так оно и бывает, когда взрослеешь, да только представить было нельзя, что Борис (в Варшаве, Кармейволлаге, Новой Гвинее, где угодно) живёт себе размеренной прелюдией ко взрослой жизни, в которую засосало меня [Тартт, 2013, с. 267].

В следующем примере переводчик применил так же замену части речи, заменив простое определение, выраженное голофрастической единицей в препозиции к определяемому слову, атрибутивной конструкцией в постпозиции к определяемому слову:

Andy's mother, with her understated jewelry and her not-quite-interested smile seemed to operate somehow above the constraints of New York City bureaucracy [Tartt, 2019, p. 92].

Мать Энди, со своими нарочито неброскими украшениями и улыбкой, похожей на точку в разговоре, была из тех женщин, которые, если им надо, и до мэра дозволятся, и, казалось, могла обойти любые препоны нью-йоркской бюрократии [Тартт, 2013, с. 53].

В этом примере работы переводчика по передаче голофрастического эпитета средствами русского языка необходимо также отметить применение модуляци и. Сравнение такой улыбки с точкой в разговоре представляется оправданным, поскольку эффективно передает семантику равнодушия и отстраненности.

В следующем примере голофрастический эпитет передан сравнительным оборотом с образованием фразы, оформленной через дефис в постпозиции к определяемому слову:

*New York was full of all kinds of daily **subway-and-crowd horror*** [Tartt, 2019, p. 528].

*В Нью-Йорке меня ежедневно подстерегали кошмары вроде “**толпа-подземка**”* [Тартт, 2013, с. 303].

2.4. Лексико-грамматические трансформации

[Lexical-grammatical transformations]

Из арсенала лексико-грамматических трансформаций целостное преобразование применяется при отсутствии межъязыкового и межкультурного соответствия, когда многокомпонентную семантически-нагруженную единицу с голофрастическим эпитетом необходимо ретранслировать средствами русского языка через развернутые пояснения. Целостное преобразование применено переводчиком при передаче нескольких голофрастических эпитетов анализируемого произведения:

*... but it made me remember that the last **honest-to-God, more-than-a-few-bites meal** I'd eaten had been the take-out curry in bed back at Kitsey's* [Tartt, 2019, p. 745].

*... но тут я вспомнил, что в последний раз я **более-менее прилично ел – именно ел, а не перекусывал** – у Китси, когда мы с ней ужинали в кровати взятым навынос карри* [Тартт, 2013, с. 426].

*Loudly shouting stoner kids with rainbow patches on their backpacks jostled each other and tried to snatch duffels that weren't theirs and argued about which was the best **wake-and-bake coffee shop to hit in the morning*** [Tartt, 2019, p. 725].

*Крикливые юные укурки с радужными заплатками на рюкзаках отпихивали друг друга, пытались выхватить с ленты чужие сумки, спорили, **куда бы лучше пойти дунуть с утречка*** [Тартт, 2013, с. 415].

*... an **all-too-typical** occurrence when Boris brought a bottle over* [Tartt, 2019, p. 299].

*... **чем все частенько и заканчивалось**, когда Борис приходил с бутылкой* [Тартт, 2013, с. 174].

*... only from his gleeful expression I was not so sure I believed him about the **sleeping-in-her-room** business, either* [Tartt, 2019, p. 601].

*... только так он улыбался, что не очень-то верилось во всю эту историю про то, где **там она ему спать разрешила*** [Тартт, 2013, с. 345].

*... the market had a bewildering selection of **never-before-seen** items...* [Tartt, 2019, p. 784].

*... на рынке их **было столько, что глаза разбегались** ...* [Тартт, 2013, с. 448].

Компенсация как необходимый инструмент переводчика для минимизации потерь при переводе также нашла применение при передаче средствами русского языка голофрастических эпитетов анализируемого произведения. Например, *stranger-than-life* twists – *невероятнейший сюжет* и *lighter-than-air* manner – *легчайшая манера*. Несмотря на то что компоненты *than-life* и *than-air* в переводе опущены и их образность нейтрализована, их смысловая нагрузка частично компенсирована употреблением русских суффиксов *-ейш* и *-айш*:

*That this tiny masterwork survived the powder explosion at Delft only to meet its fate, centuries later, in another man-made explosion is one of those **stranger-than-life** twists out of O. Henry or Guy de Maupassant* [Tartt, 2019, p. 560].

*Эта крошечная картина уцелела после порохового взрыва в Дельфте – и несколько веков спустя была-таки уничтожена во время ещё одного, устроенного людьми взрыва – **невероятнейший** сюжет, словно вышедший из-под пера О’ Генри или Ги де Мопассана* [Тартт, 2013, с. 321].

*Though my engagement isn’t off, not officially anyway, I’ve been given to understand – gracefully, in the **lighter-than-air** manner of the Barbours – that no one is holding me to anything* [Tartt, 2019, p. 853].

*Хоть помолвка моя и не расторгнута, ну, по крайней мере не расторгнута официально, мне любезно дали понять – в **легчайшей манере** Барбуров, что меня никто ни к чему не принуждает* [Тартт, 2013, с. 489].

С точки зрения переводческого анализа интересен следующий случай применения переводчиком компенсации. В тексте перевода нет прямого словарного соответствия слову *habit* – привычка к наркотикам, что подразумевает зависимость и регулярные эпизоды компульсивного поведения. Эти семы были компенсированы переводчиком через глагольные фразы *употреблял наркотики* и *был наркоманом*:

*An **every-other-day** habit was still a habit...* [Tartt, 2019, p. 528].

*Хоть я и употреблял наркотики **через день**, я всё равно был наркоманом...* [Тартт, 2013, с. 303].

Переводческий анализ передачи на русский язык голофрастических эпитетов романа Д. Тартт «Щегол» показывает, что в значительной части случаев такие индивидуально-авторские структурно сложные выразительные средства могут быть адекватно переданы средствами русского языка при соблюдении норм принимающей лингвокультуры. В таблице 1 приведены количественные данные, демонстрирующие, что модуляция, грамматические замены, компрессия, калькирование и целостное преобразование оказались самыми частотными. В зависимости от конкретного контекста в ряде случаев применялась комбинация приёмов (в связи с чем количество эпитетов не равно количеству приёмов).

Т а б л и ц а 1. **Переводческие трансформации при передаче на русский язык голофрастических эпитетов романа Д. Тартт «Щегол»**
[T a b l e 1. **Transformations during English-to-Russian translation of holophrastic epithets in the novel “The Goldfinch” by D. Tartt**]

Переводческие трансформации	Количество	%
Модуляция	29	26.4
Грамматические замены	26	23.6
Компрессия	19	17.3
Калькирование	15	13.6
Целостное преобразование	9	8.2
Опущение	5	4.5
Добавление	4	3.6
Компенсация	3	2.7
Всего	110	100.0

Распределение приёмов по типам трансформаций оказалось следующим: лексические трансформации – 39,1 %, грамматические трансформации – 50 %, лексико-грамматические трансформации – 10,9 %.

3. Заключение [Conclusion]

Требования к переводу авторских эпитетов в художественном произведении не отличаются от требований к переводу других выразительных средств. Сохранение в переводе контекстуальной семантической нагрузки оригинального тропа, передача эмоционально-оценочной, экспрессивной и эстетической информации свидетельствует об адекватности перевода. Индивидуально-авторские голофрастические эпитеты характеризуются сложной морфолого-синтаксической структурой, эвристичным сочетанием компонентов, что делает перевод сложной интеллектуально-творческой задачей.

В переводоведении накоплен опыт исследований голофрастических конструкций и предложен ряд приёмов их передачи. А. Завозова в целом адекватно применила рекомендации переводоведов и в большинстве случаев передала прагматический потенциал голофрастических эпитетов в романе, что позволило достичь достаточной структурно-семантической близости переводческого продукта авторскому произведению, сохранить элементы идиостиля писателя и передать их средствами русского языка.

В ряде случаев была установлена допущенная при переводе нейтрализация экспрессионо-эмоционального потенциала голофрастических эпитетов: переводчик нейтрализует прагматический эффект авторских голофрастических эпитетов, транслируя их посредством русскоязычных воспроизводимых единиц, лишенных индивидуально-авторского компонента. Это обусловлено особенностями конкретных контекстов и требованиями соблюдения норм русского языка. Случаи нейтрализации или снижения интенсивности исходного стилистического эффекта по сравнению с текстом оригинала являются достаточно предсказуемыми в паре типологически разных языков и рассматриваются нами как неизбежные при передаче индивидуально-авторских голофрастических конструкций. В ряде случаев переводчик успешно применил компенсацию для минимизации потерь при переводе голофрастических эпитетов.

Анализ переводческих трансформаций показал, что А. Завозова не стремилась к обязательному сохранению в языке перевода голофрастичности или цельнооформленности передаваемых единиц оригинала, что является вполне оправданным с точки зрения норм русского языка, хотя всё чаще переводчики современных произведений прибегают к калькированию структурной цельнооформленности исходной конструкции.

Таким образом, переводческий анализ текстов оригинала и перевода романа «Щегол» показал в целом эффективное применение переводчиком комплекса лексических, грамматических, лексико-грамматических трансформаций в поиске переводческих решений по передаче формально-содержательного потенциала голофрастических эпитетов.

Результаты и выводы, полученные в процессе исследования голофрастических эпитетов романа Д. Тартт могут быть использованы при анализе перевода голофрастических эпитетов произведений других авторов. Такая работа призвана обогащать наработанный переводческий инструментарий на основе выявления общих переводческих закономерностей трансляции средствами русского языка таких индивидуально-авторских структурно сложных выразительных средств. В этом видится перспектива исследования.

Библиографический список

- Алешина, 2014 – Алешина А. А. Классификация голофрастических конструкций в английском языке (на материале романа L. Weisberger «The devil Wears Prada») // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2014. Т. 4, № 60. С. 115–117.

- Блинова, Красавский 2015 – Блинова И. С., Красавский Н. А. Функции эпитета в художественном тексте // *Филологические науки в России и за рубежом : материалы III Междунар. науч. конф.* (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). СПб. : Свое изд-во, 2015. С. 75–79.
- Гималетдинова, Перминова 2016 – Гималетдинова Г. К., Перминова М. А. Трудности художественного перевода английских эпитетов (на примере романа Н. Хорнби «Как стать добрым») // *Ученые записки Казанского ун-та. Сер. : Гуманитарные науки.* 2016. Т. 158. Кн. 5. С. 1392–1402.
- Карпухина, Симонова, 2021 – Карпухина Т. П., Симонова Е. П. Эстетические и лингвистические особенности композиции романа Донны Тартт «Щегол» (The Goldfinch) // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2021. № 1 (103). Ч. 3. С.164–167.
- Ковынева 2017 – Ковынева И. А. Голофразис как способ экономии языковых усилий // *Балтийский гуманитарный журнал.* 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 110–112.
- Комиссаров 1999 – Комиссаров В. Н. *Общая теория перевода : учеб. пособие.* М. : ЧеРо, 1999. 136 с.
- Майба 2018 – Майба В. В. Голофрастические конструкции в переводе романа «Waterland» Грэма Свифта на русский язык // *Litera.* 2018. № 2. С. 184–193. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.2.25880>
- Соболева, 2019 – Соболева Н. П. Особенности передачи метафоры и сравнения в англоязычном романе Д. Тартт «Щегол» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2019. Т. 12, Вып. 6. С. 175–178. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.37>
- Стрельцов, 2021 – Стрельцов А. А. Блендинг: краткая история заблуждений // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* 2021. Вып. 7, № 4. С. 135–147. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_135_147
- Стрельцов, 2022 – Стрельцов А. А. Классификация слов, образованных посредством блендинга: тематический аспект // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* 2022. Вып. 8, № 2. С. 131–150. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_131
- Тартт 2013 – Тартт Д. *Щегол. Corpus (ACT),* 2013. 496 с.
- Федорова и др., 2020 – Федорова Н. В., Карпова А. В., Кузнецова М. В. Голофрастические конструкции в английском языке и их перевод на русский язык (на материале произведений современных англоязычных авторов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2020. Т. 13, Вып. 1. С. 226–230. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.45>
- Щеникова, Жданова, 2021 – Щеникова Е. В., Жданова Е. А. Голофрастические неодериваты с центральным компонентом же в аспекте развития словообразовательных моделей // *Научный диалог.* 2021. № 12. С. 139–158. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-139-158>
- Arbib, 2008 – Arbib M. A. Holophrasis and the protolanguage spectrum // *Interaction Studies.* 2008. Vol. 9, Iss. 1. P. 154–168.
- Bickerton, 2008 – Bickerton D. But how did protolanguage actually start? // *Interaction Studies.* 2008. Vol. 9, Iss. 1. P. 169–176.
- Jaber et al., 2021 – Jaber A., Omari O., Abudaljuh M. Reflections on protolanguage: Evidence from studies on animal communication // *Journal of Educational and Social Research.* 2021. Vol. 11, Iss. 1. P. 113–123.
- Listyani, 2008 – Listyani L. Understanding holophrastic speech beyond verbal utterances // *English Edu.* 2008. Vol. 8, Iss. 1. P. 10–19.
- Tallerman, 2008 – Tallerman M. Holophrastic protolanguage: Planning, processing, storage, and retrieval // *Interaction Studies.* 2008. Vol. 9, Iss. 1. P. 84–99.
- Tartt, 2013 – Tartt D. *The Goldfinch.* Little, Brown and Company, 2013. 880 p.

References

- Aleshina, A. A. (2014). Klassifikatsiya golofrasticheskikh konstruktsey v angliyskom yazyke (na materiale romana L. Weisberger “The devil Wears Prada”) [The classification of holophrastic constructions in the English language (Based on the novel by L. Weisberger “The devil Wears Prada”)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 60 (4), 115–117. (In Russ.).

- Blinova, I. S., Krasavskiy, N. A. (2015). Funktsii epiteta v khudozhestvennom tekste [Functions of the epithet in a literary text]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom* [Philological sciences in Russia and abroad]: *Proc. of the III International Scientific Conference* (pp. 75–79). St Petersburg: Svoye Press. (In Russ.).
- Gimaltdinova, G. K., Perminova, M. A. (2016). Trudnosti khudozhestvennogo perevoda angliyskikh epiteto (na primere romana N. Hornbi «Kak stat' dobrym») [Difficulties in translating English epithets (Based on the novel “How to be good” by Nick Hornby)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proc. of Kazan University. Humanities Science Series], 158 (5), 1392–1402. (In Russ.).
- Karpukhina, T. P., Simonova, E. P. (2021). Esteticheskie i lingvisticheskie osobennosti kompozicii romana Donny Tartt «Shchegol» (The Goldfinch) [The aesthetic and linguistic characteristics of the composition of Donna Tartt's “The goldfinch”]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 1 (103), 164–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.085>
- Kovyneva, I. A. (2017). Golofrazis kak sposob ekonomii yazykovykh usilii [Holophrasis as the way of saving speech efforts]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 6, 4 (21), 110–112. (In Russ.).
- Komissarov, V. N. (1999). *Obshchaya teoriya perevoda* [General theory of translation]: A coursebook. Moscow : CheRo Press. (In Russ.).
- Maiba, V. V. (2018). *Golofrasticheskie konstruksii v perevode romana «Waterland» Grema Svifta na russkiy yazyk* [Holophrastic structures in the translation of Graham Swift's novel “Waterland” in the Russian language]. *Litera*, 2, 184–193. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.2.25880>
- Soboleva, N. P. (2019). Osobennosti peredachi metafory i sravneniya v angloyazychnom romane D. Tartt «Shchegol» [Peculiarities of metaphors and similes translation tn D. Tartt's English-language novel “The goldfinch”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 12 (6), 175–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.37>
- Streltsov, A. A. (2021). Blending: kratkaya istoriya zabluzhdeniy [Blending: A brief history of misconception]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (4), 135–147. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_135_147
- Streltsov, A. A. (2022). Klassifikatsiya slov, obrazovannykh posredstvom blendinga: tematicheskii aspekt [A classification of blended words: Thematic aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (2), 131–150. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_131
- Tartt, D. (2013). *Shchegol* [Goldfinch]. Corpus (AST) Press. (In Russ.).
- Fedorova, N. V., Karpova, A. V., Kuznetsova, M. V. (2020). Golofrasticheskie konstruksii v angliyskom yazyke i ikh perevod na russkiy yazyk (na materiale proizvedeniy sovremennykh angloyazychnykh avtorov) [Holophrastic constructions in the English language and their translation into Russian (by the material of the modern English-language fiction)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philology. Theory & Practice], 13 (1), 226–230. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.45>
- Shchenikova, E. V., Zhdanova, E. A. (2021). Golofrasticheskie neoderivaty s tsentral'nym komponentom zhe v aspekte razvitiya slovoobrazovatel'nykh modeley [Holophrasemes with a central component ‘zhe’: Derivational models]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 12, 139–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-139-158>
- Arbib, M. A. (2008). Holophrasis and the protolanguage spectrum. *Interaction Studies*, 9 (1), 154–168.
- Bickerton, D. (2008). But how did protolanguage actually start? *Interaction Studies*, 9 (1), 169–176.
- Jaber, A., Omari, O., Abudalbh, M. (2021). Reflections on protolanguage: Evidence from studies on animal communication. *Journal of Educational and Social Research*, 11 (1), 113–123.
- Listyani, L. (2008). Understanding Holophrastic Speech Beyond Verbal Utterances. *English Edu*, 8 (1), 10–19.
- Tallerman, M. (2008). Holophrastic protolanguage: Planning, processing, storage, and retrieval. *Interaction Studies*, 9 (1), 84–99.
- Tartt, D. (2013). *The Goldfinch*. Little, Brown and Company.

Наши авторы

- Баканова Марина Викторовна*, канд. пед. наук, доцент, кафедры перевода и переводоведения Пензенского гос. ун-та, г. Пенза, Российская Федерация, email: bakanova_marina@list.ru. <https://orcid.org/0000-0002-4270-2532>
- Бестужева Дарья Олеговна*, ст. преп. кафедры романской филологии Ин-та иностранных языков Российский гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: d.bestuzheva@yandex.ru
- Вурал Халдун*, доцент кафедры письменного и устного перевода ун-та Каппадокия, Кампус Ургуп Мустафаша, г. Невшехир, Турция, email: haldun.vural@kapadokya.edu.tr, bildirler@gmail.com
- Груздев Дмитрий Юрьевич*, канд. филол. наук, доцент, зам. начальника кафедры английского языка Военного ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: gru@inbox.ru
- Каксин Андрей Данилович*, д.-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Ин-та гум. исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: adkaksin@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9632-8286>
- Калинина Маргарита Владимировна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Волгоградского гос. ин-та искусств и культуры, г. Волгоград, Российская Федерация, email: Kalinina_8181@mail.ru
- Ковалева Светлана Евгеньевна*, аспирант кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского госуниверситета, г. Оренбург, Российская Федерация, email: ana-lark@mail.ru
- Коджебаши Дмитрий Олегович*, адъюнкт, кафедры английского языка Военного университета, г. Москва, Российская Федерация, email: bushdok@yandex.ru
- Кравченко Михаил Александрович*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики Ростовского гос. ун-та путей и сообщений, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, email: mak@rgups.ru
- Лагажан Юлия Алексеевна*, магистрант кафедры немецкой филологии Ин-та филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного фед. ун-та, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, email: lagazhan@srfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5223-7806>
- Ленец Анна Викторовна*, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии Ин-та филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного фед. ун-та, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, email: annalene@srfedu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>
- Ли Вэньгэ*, д-р филол. наук, профессор факультета русского языка Ин-та междунар. исследований Харбинского политех. ун-та, г. Харбин, КНР, email: yuqilihit@126.com
- Мельникова Екатерина Александровна*, канд. филол. наук, преподаватель кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка Оренбургского гос. ун-та, г. Оренбург, Российская Федерация, email: katerino4ka_92@mail.ru
- Разливинская Наталья Александровна*, аспирант кафедры языкознания и переводоведения Ин-та иностранных языков Московского гор. пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: RazlivinskayaNA@mgpu.ru, klinnat@mail.ru
- Рудницкая Елена Леонидовна*, д-р филол. наук, профессор, гл. науч. сотр. отдела языков народов Азии и Африки 2. Ин-та востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация, email: inf@ivran.ru
- Солодилова Ирина Анатольевна*, д.-р филол. наук, доцент, декан факультета филологии, проф. кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка Оренбургского гос. ун-та, г. Оренбург, Российская Федерация, email: solodilovaira16@gmail.com
- Сун Цзыюань*, магистр, Харбинский политех. ун-т, г. Харбин, КНР, email: 944635625@qq.com
- Токмакова Мадина Хасанбиевна*, канд. филол. наук, доцент, ст. науч. сотрудник Ин-та гуманитарных исследований филиала фед. Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Российская Федерация, email: tokmak_madina_h@mail.ru
- Фомичева Яна Алексеевна*, аспирант кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: yana-antonova-1999@mail.ru
- Чертыкова Мария Дмитриевна*, д-р филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та гуманитар. исслед. и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация, email: chertikova@yandex.ru
- Шустова Светлана Викторовна*, д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru
- Щенникова Наталья Владимировна*, д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры перевода и переводоведения Пензенского гос. ун-та, г. Пенза, Российская Федерация, email: schennikova@list.ru. <https://orcid.org/0000-0001-8192-5862>

Our authors

- Marina V. Bakanova*, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Translation and Translation Studies Department, Penza State University, Penza, Russian Federation, email: bakanova_marina@list.ru. <https://orcid.org/0000-0002-4270-2532>
- Daria O. Bestuzheva*, senior lecturer, Romance Languages Department, Institute of Foreign Languages, St Petersburg, Herzen State Pedagogical University, St Petersburg, Russian Federation, email: d.bestuzheva@yandex.ru
- Haldun Vural*, Assistant Professor, Dr., English Translation and Interpreting Department, Kapadokya University, Ürgüp Mustafapaşa Yerleşkesi, Nevşehir, Türkiye, email: haldun.vural@kapadokya.edu.tr, bildirler@gmail.com
- Dmitry Yu. Gruzdev*, PhD in Philology, Associate Professor, Deputy Head of the English Department, Military University, Moscow, Russian Federation, email: gru@inbox.ru
- Andrei D. Kaksin*, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation, email: adkaksin@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0001-9632-8286>
- Margarita V. Kalinina*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Humanities, Volgograd State Institute of Arts and Culture, email: Kalinina_8181@mail.ru
- Svetlana E. Kovaleva*, PhD student, Romance Philology and Methods of French Language Teaching Department, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, email: ana-lark@mail.ru
- Dmitry O. Kodzhebash*, PhD student, English Department, Military University, Moscow, Russian Federation, email: bushdok@yandex.ru
- Mikhail A. Kravchenko*, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Mass Media and Applied Linguistics Department, Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation, email: mak@rgups.ru
- Yulia A. Lagazhan*, Master student, German Philology Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communications, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, email: lagazhan@sfsedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5223-7806>
- Anna V. Lenets*, Doctor of Philology, Professor, Head of the German Philology Department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communications, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, email: annalenets@sfsedu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>
- Li Wenge*, Doctor of Philology, Professor, Russian Language Department, Institute for International Studies, Harbin Polytechnical University, Harbin, China, email: yuqilihit@126.com
- Ekaterina A. Melnikova*, PhD in Philology, teacher, Romance Philology and Methods of French Language Teaching Department, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, email: katerino4ka_92@mail.ru
- Natalya A. Razlivinskaya*, PhD student, Linguistics and Translation Studies Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: RazlivinskayaNA@mgpu.ru, klinnat@mail.ru
- Elena L. Rudnitskaya*, Doctor of Philology, Professor, leading researcher, Department of Asian and African languages, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation, email: chertikova@yandex.ru
- Irina A. Solodilova*, Doctor of Philology, Associate Professor, German Philology and Methods of Teaching German Department, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, email: solodilovaira16@gmail.com
- Song Ziyuan*, Master of Linguistics, Harbin Institute of Technology, Harbin, China, email: 944635625@qq.com
- Madina H. Tokmakova*, PhD (Philology), Associate Professor, senior researcher, Institute for the Humanities Research, Affiliated Federal Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS, Nalchik, Russian Federation, email: tokmak_madina_h@mail.ru
- Yana A. Fomicheva*, PhD student, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: yana-antonova-1999@mail.ru
- Maria D. Chertykova*, Doctor of Philology, senior researcher, Institute for Humanitarian Researches and Altay-Sayan Turkic Studies, Katanov State University of Khakassia, Abakan, Russian Federation, email: chertikova@yandex.ru
- Svetlana V. Shustova*, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru
- Natalya V. Shchennikova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Translation and Translation Studies Department, Penza State University, Penza, Russian Federation, email: schennikova@list.ru. <https://orcid.org/0000-0001-8192-5862>

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Бестужева Д. О.</i>	Французские безличные конструкции с глаголами <i>sembler</i> и <i>paraître</i> в сложноподчинённых предложениях с придаточными дополнительными	5
<i>Вурал Х.</i>	Стратегии перевода турецких, английских и французских пословиц о животных: сравнительный анализ	22
<i>Груздев Д. Ю., Коджебаш Д. О.</i>	Поиск лингвистической информации в аннотированном электронном корпусе текстов	35
<i>Калинина М. В.</i>	Вербальные средства выражения агрессии в политических ток-шоу	49
<i>Кравченко М. А.</i>	Если угодно: филологический этюд к портрету метаоператора (на материале национального корпуса русского языка)	57
<i>Ленец А. В., Лагажан Ю. А.</i>	Языковая репрезентация вакцинации от COVID-19 в немецкоязычном медиапространстве	68
<i>Ли В., Сун Ц.</i>	К проблеме машинного перевода: на примере некоторых паремий в паре языков русский↔китайский	84
<i>Мельникова Е. А., Ковалева С. Е.</i>	Особенности жанра интервью с точки зрения эколингвистики (на примере программы «Познер»)	94
<i>Разливинская Н. А.</i>	Особенности пространственно-временной языковой объективации коммеморации в дискурсивном пространстве города (на материале текстов мемориальных досок)	102
<i>Рудницкая Е. Л.</i>	Вопросительные местоимения как глагольные основы в эвенкийском языке	115
<i>Солодилова И. А.</i>	Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность	124
<i>Токмакова М. Х.</i>	Конверсивные отношения в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка	136
<i>Фомичева Я. А., Шустова С. В.</i>	Язык вражды как коммуникативная категория	147
<i>Чертыкова М. Д., Каксин А. Д.</i>	Общие закономерности фразеобразовательных моделей в тюркских и монгольских языках (на примере фразеологизмов с глаголом <i>хан-</i> 'удовлетворяться')	157
<i>Щенникова Н. В., Баканова М. В.</i>	Передача голофрастических эпитетов в переводе англоязычного романа Д. Тартт «Щегол» на русский язык А. Завозовой	171
Наши авторы		184

CONTENTS

Original Papers

<i>Bestuzheva D. O.</i>	Impersonal constructions with the verbs <i>sembler</i> and <i>paraître</i> in complex sentences with object clauses in French	5
<i>Vural H.</i>	Strategies for translating Turkish, English and French animal proverbs: Comparative study	22
<i>Gruzdev D. Yu., Kodzhebash D. O.</i>	POS-powered queries for neat and lean concordances in ad-hoc corpora analysis	35
<i>Kalinina M. V.</i>	Verbal means of expressing aggression in political talk shows	49
<i>Kravchenko M. A.</i>	Esli ugodno 'If you will': A philological sketch for the portrait of a meta-operator (Based on the Russian National Corpus)	57
<i>Lenets A. V., Lagazhan I. A.</i>	Language representation of COVID-19 vaccination in the German-speaking media space	68
<i>Li W., Song Z.</i>	Concerning machine translation: Based on some paroemiae in the Russian↔Chinese pair of languages	84
<i>Melnikova E. A., Kovaleva S. E.</i>	The features of the genre of interview from the point of view of ecolinguistics (Based on “Posner” program)	94
<i>Razlivinskaya N. A.</i>	Language means of representing time- and space-related commemoration in urban discourse (Evidence from memorial plaque texts)	102
<i>Rudnitskaya E. L.</i>	Interrogative pronouns as verb bases in Evenki	115
<i>Solodilova I. A.</i>	Irony in political debate: Functional coherence	124
<i>Tokmakova M. H.</i>	Converse relations in emotive vocabulary of the Kabardino-Circassian language	136
<i>Fomicheva Ya. A., Shustova S. V.</i>	Hate speech as a communicative category	147
<i>Chertykova M. D., Kaksin A. D.</i>	General patterns of phrase-building models in Turkic and Mongolian languages (On the example of phraseological units with the verb <i>xan-</i> 'to be satisfied')	157
<i>Shchennikova N. V., Bakanova M. V.</i>	Specific patterns to transform holophrastic epithets while translating D. Tartt’s novel “The Goldfinch” from English into Russian by A. Zavozova	171
Our authors		184

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 9, No 4, 2023.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 11.12.2023. Подписано к печати 08.12.2023. Дата выхода в свет 21.12.2023.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 21,85. Тираж 1000. Заказ 259. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатъевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.